

ПРАВОСЛАВНЫЙ

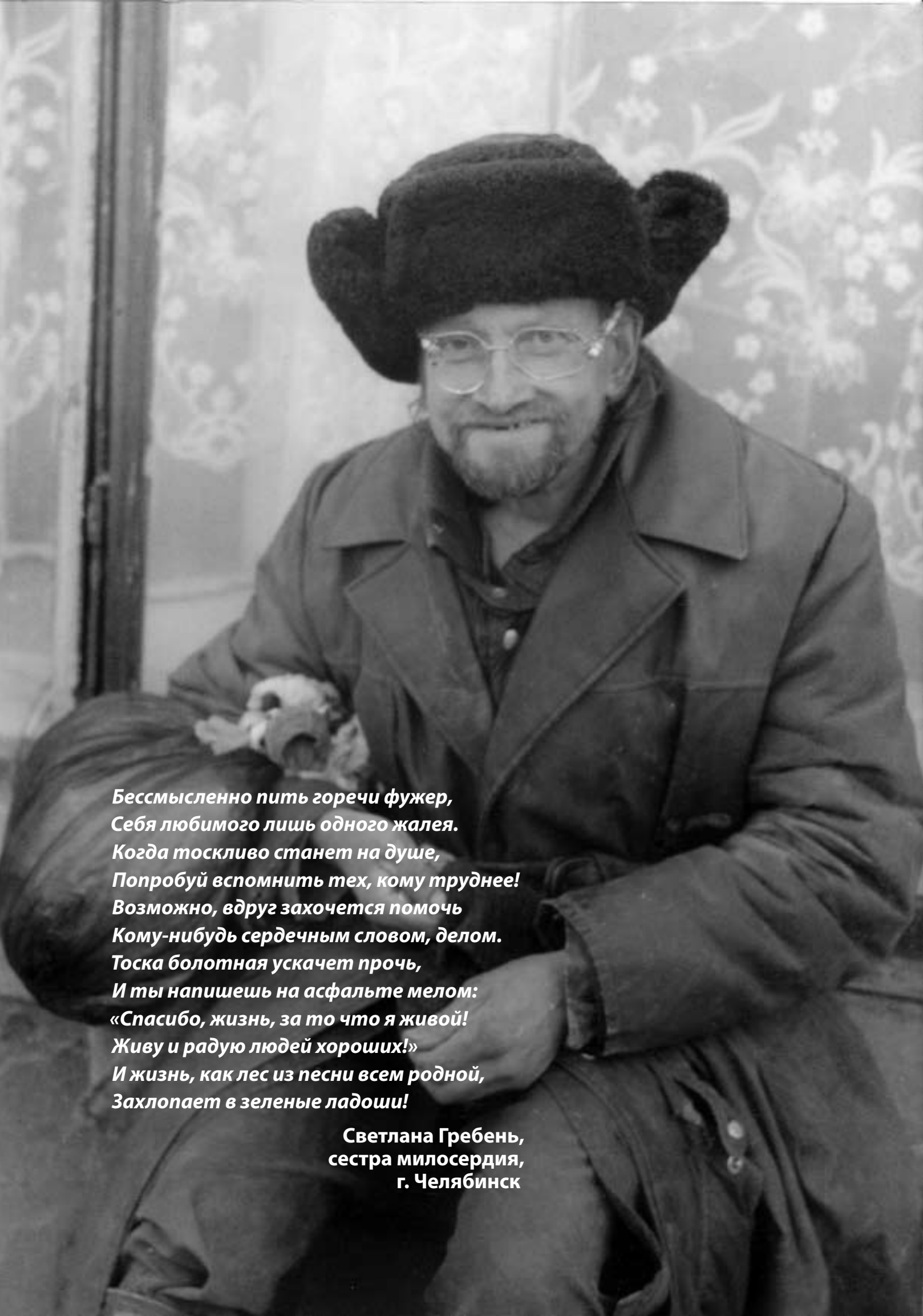
№ 11 (88) НОЯБРЬ 2009 г.

ВЕСТНИК

Издается по благословению Архиепископа Екатеринбургского и Верхотурского Викентия

*Бессмысленно пить горечи фужер,
Себя любимого лишь одного жалея.
Когда тоскливо станет на душе,
Попробуй вспомнить тех, кому труднее!
Возможно, вдруг захочется помочь
Кому-нибудь сердечным словом, делом.
Тоска болотная ускачет прочь,
И ты напишешь на асфальте мелом:
«Спасибо, жизнь, за то что я живой!
Живу и радую людей хороших!»
И жизнь, как лес из песни всем родной,
Захлопает в зеленые ладоши!*

**Светлана Гребень,
сестра милосердия,
г. Челябинск**

«Православный вестник»

№ 11 (88) ноября 2009 г.

Издается с января 1998 г.

Зарегистрирован Уральским Региональным Управлением регистрации и контроля за соблюдением законодательства РФ о СМИ 24.02.1998. Свидетельство №Е-2496.

Учредитель и издатель — Свято-Пантелеимоновский приход Екатеринбургской епархии Русской Православной Церкви: 620030 Екатеринбург, Сибирский тракт, 8-й км (автобусы: 1, 31, 32, 64, остановка «Психобольница»).

Распространяется через церковные киоски и общественными распространителями. Тираж 990 экз.

Протоиерей Евгений Попиченко —
главный редактор

Светлана Ладыгина — зам. главного редактора

Светлана Сальникова — редактор

Алексей Коршун — корреспондент

Галина Коршун — корреспондент

Олег Васюнин — корреспондент

Ксения Возгривцева — корреспондент

Елена Макеева — корреспондент

Ирина Пономарева — корреспондент

Наталья Евстюгина — корректор

Анастасия Мишина — фотограф

Любовь Романовская — дизайнер

Константин Богданов — дизайнер

Контакты:

620030, г. Екатеринбург, а/я 7; VestnikPrav@mail.ru
Тел.: (343) 254-65-50.

Редакция может не во всем разделять точку зрения авторов или героев публикуемых материалов.

Материалы для публикаций принимаются в электронном виде, не возвращаются и не рецензируются.

Праздник

21 ноября — Собор Архистратига
Михаила 4

Угодники Божии

Исцеляющий дар любви 5

Милосердие

Бомж... Сам виноват? 8

О бездомных замолвим слово 15

Православная служба милосердия 16

Неравнодушные *или* без любви
ничего не получится 22

«Каждый из нас может
оказаться на улице» 31

«Бездомные — следствие разрушения
наших семей» 32

«Ребенок не должен жить на улице» 34

«Поможем ближнему — спасемся сами» . . . 36

«К немощным на Руси всегда было
милосердное отношение» 38

Простые вопросы

Какой из талантов главный? 40

Культурограф

Бог, потерявший человека,
и человек без Бога 46

Люди и время

Александр Новиков: «Спасение
нашего Отечества только в правде» 50

Семейная педагогика

Как раскрыть потенциал ребенка
и не нанести ему вреда 59

Путь к Богу

«Приход каждого человека к Богу —
это чудо» 64

День матери

Пусть всегда будет мама! 69

Малая церковь

«Детей надо воспитывать просто:
минимум свободного времени,
максимум трудолюбия и послушания» . . . 70

Литературная страница

Еще мама 78

Устами младенца 82

Встреча с бабушкой

Екатеринбург — Первоуральск 84

Духовное слово

О рождественском посте 96

Новости епархии 98

21 ноября — Собор Архистратига Михаила

Каждому человеку дано имя; это имя для него — знак, что он под особым покровительством того или иного святого, и еще — это призыв уподобиться тому, кому он поручен. Но имена человеческие, которые мы носим от крещения, не выражают нашу конечную сущность, потому что мы в становлении, мы постепенно вырастаем в ту меру, которой мы призваны достичь во Христе, Господе нашем Иисусе.

Архангелы и Ангелы носят имена, которые светозарно выражают и самую их сущность, и тайну познания ими живого Бога. И каждый носит иное имя, потому что каждый из них, зная Того же Бога, приобщаясь тайне Его жизни, однако, воспринимает эту тайну по-разному и возвещает ее всей твари по-своему.

И вот мы слышим имена святого архистратига Михаила, архангела Гавриила, архангела Рафаила и многих других. И каждый из них нам открывает тайну о Боге в ее чистоте, но раскрывает перед нами и тайну собственного своего богопознания. Архангел Гавриил нам возвещает, что Бог спасает. Архангел Рафаил гласит о том, что Он — целитель, исцеляющий всякий недуг. Но самый таинственный, самый великий в своем познании Бога — Архистратиг Михаил, имя которого значит «Никто как Бог» или «Един Бог». Это слово — крик, весть, которые он приносит всему миру, не словом, а всем своим существом. Он нам говорит о том, что един Бог, никого нет подобного Ему, и только Ему мы можем и должны поклоняться. Бесподобен Бог, дивен Бог, нет у Архистратига Михаила другого опыта, кроме как это чудо: Никто как Бог.

Мы сейчас празднуем его память, празднуем с ним память и всех других архангелов и ангелов; и мы должны вслушаться в их имена и получить от них ту весть, которую они доносят до нас о тайне Божества. Святой Григорий Палама, один из величайших святых XIV века, называет ангелов «светами вторыми». Он говорит нам, что ангел так прозрачен, что через него льется на нас и достигает до нас свет Божественный; что они так прозрачны, что через них мы познаем не их, а живого Бога, Которого они познали.

Как мы должны им быть благодарны за это! Как благоговейно должны мы отнестись к их неизмеримой, страшной, дивной и спасительной святости! И поэтому, празднуя их день, примем от них благовестие и сегодня, так как это особенный день святого Архистратига Михаила: никто как Бог, — и получив эту весть, увидев, что Божия тварь, ангел Божий, так познал Бога и так вырос в меру этого познания, научимся от него, каждый в свою меру, жить этой вестью: никто как Бог. Никто как Бог; и пусть все остальное, как бы оно ни было прекрасно, как бы оно ни было велико, дивно, пусть все отступит и займет свое место. Пусть сияние Божие будет перед нашими глазами несравненным, а остальное пусть горит и сияет светом, который от Бога изливается на все и всему дает глубину, красоту и вечную жизнь. Аминь.

Митрополит Антоний Сурожский

Исцеляющий дар любви

14 ноября — память бессребреников и чудотворцев
Космы и Дамиана Асийских и матери их преподобной Феодотии

Немощен человек, слаб духом. Еще слабее телом. Во все времена человечество страдало от самых различных недугов. Во все времена люди искали способы избавиться от боли и страданий. Наука движется вперед, свершаются величайшие открытия, но число болезней не уменьшается. Каждый раз, когда, казалось бы, найдена панацея от того или иного смертельного заболевания, появляются новые вирусы, неизвестные бактерии, и борьба с невидимыми врагами рода человеческого вступает в следующую фазу. Не все ладно в этом мире. Что-то не то делает человек, стремясь к комфортному безболезненному гедонистическому существованию. Очевидно, нельзя обрести здоровье телесное, минуя здоровье духовное.

Лишь с приходом в мир Спасителя больное во всех отношениях человечество обрело надежду на избавление от страданий. Чудеса исцелений, сотворенные Христом, стали первейшими доказательствами истинности Благой Вести. Одним из даров Духа Святого апостолам был дар исцелять. Евангелист Лука, будучи прекрасным врачом, для всех последующих поколений подвижников веры Христовой явил пример того, как можно и должно совмещать служение Богу и служение людям. Облегчающий муки, устраняющий недуг, принимающий чужую боль на себя, врач, ведомый верой во Христа, по сути, исполняет священнический долг. Исцеляющий душу, исцеляет тело. И наоборот.

Яркий пример такого служения Господу в XX веке — жизненный подвиг архиепископа и хирурга Луки Войно-Ясенецкого.

Жившие на рубеже III и IV веков в Азии, одном из районов Малой Азии, врачи Косма и Дамиан вряд ли задумывались над проблемой совмещения служения Господу и служения людям. Они просто лечили всех, кто в этом нуждался. Вылечив одного больного, шли к другому, не дожидаясь криков и стенаний о помощи. Шли из города в город, без раздумий отдавая свои целительские таланты всем страждущим и немощным, через помощь ближним угождая Богу. Их главным врагом была боль. И не важно, кого она терзала — человека или животного. Они приходили и уничтожали боль. Излеченные Космой и Дамианом зачастую попадали в тупик, поскольку не знали, как отблагодарить бессребреников. Бессловесные твари поступали проще: они просто не покидали своих благодетелей, тем самым выражая им признательность. По преданию, целые отары и табуны излеченных Космой и Дамианом божьих тварей шли за ними по пустыне, пока святые переходили от одного населенного пункта к другому.

Способность лечить — не только призвание, но и особая благодать. Косма и Дамиан это прекрасно сознавали и, следуя наставлению Спасителя, полученную от Бога благодать раздавали даром. «Туне приясте, туне дадите» (Мф. 10, 8) — это было для них свято, этому братья следовали неукоснительно. Под-

держивая брэнное тело промыслом Божиим, святые целители никогда ничего не брали за свой труд. Они строго соблюдали обет нестяжания ради того, чтобы самим не заболеть. Нет, не чумой, водянкой или косоглазием. Страсть сребролюбия — вот то, чего они страшились более всего. Страсть, которая разъедает душу, как проказа разъедает тело. Ни тот, ни другой не желали впустить в свою душу даже самую невзрачную, самую маленькую бациллу алчности. Вряд ли братья догадывались о том, как размножаются микробы, но то, что лишь здоровый — и душевно, и физически — способен лечить больных, это они усвоили твердо.

В те далекие времена врачевные науки, знание целебных растений, рецепты снадобий относились к сакральным знаниям, на причастность к которым претендовали разного рода волхвы, ведуны и колдуны. Впрочем, как тогда, так и сейчас без веры, без помощи Божьей любое врачевание превращает-

ся в профанацию. Не потому ли так часто в медицинской практике приходится сталкиваться с тем, что лечится не болезнь, а лишь ее последствия. Это в лучшем случае. В худшем — источник недуга загоняется вглубь, превращаясь в неподдающееся никакому воздействию хроническое заболевание.

Но Косме и Дамиану повезло с учителями. Мудрые наставники, прежде всего, учили их Слову Божьему, а уж затем врачебным наукам. И главным из учителей была их мать, святая преподобная Феодотия, которую христиане почитают наравне с ее сыновьями-чудотворцами. Благочестивая вдова, полностью отринувшая от себя собственное «я» и посвятившая себя детям, она, тем не менее, не «сдувала с них пылинку», не искала в собственных чадах утешения, как того можно ожидать от одинокой женщины. Все свои силы она направила на то, чтобы воспитать в детях любовь к Создателю, а, значит, и к его творениям. Любовь стала для сыновей Феодотии важнее пищи, важнее наград, славы, уважения. Собственно, любовь ко всему живому и была той пищей, которая поддерживала Косму и Дамиана на их многотрудном пути.

Множество чудесных исцелений свершили Косма и Дамиан за долгие годы своего общественного служения. Они в буквальном смысле шли по стопам апостолов, которых Спаситель благословил словами: «Больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте» (Мф. 10, 8). Но чудеса не прекращались и после их отшествия ко Господу. По молитвам к святым продолжались чудесные исцеления: слабоумным возвращался разум, немым и глухим — речь и слух, подвер-

женным страстям — благоразумие и воздержанность. Любовь, которую святые братья несли ближним при жизни, словно неиссякаемый источник не угасала и после их кончины, защищая тех, чья жизнь и здоровье находились под угрозой.

Однажды, явившись в ангельских образах, они спасли от поругания и бесславной гибели женщину, отогнав от нее насильника, в которого вселился бес. Когда спасенная захотела узнать имена своих неведомых защитников, они ответили: «Мы — рабы Христовы Косма и Дамиан». С тех пор святые братья почитаются еще и как покровители христианского брака.

Поистине — тот, кто талантлив, талантлив во всем. Косма и Дамиан, обладавшие даром исцеления, имели и множество других даров. Недаром в лике святых они прославлены не только как врачи, как бессребреники, как устроители супружеской жизни, но еще и как покровители учащихся! И нет в этом ничего удивительного. Во время упорной учебы мозг испытывает значительную нагрузку и нуждается в разного рода витаминах. И хотя врачебный надзор, особенно таких чудотворных целителей, как Косма и Дамиан, весьма благотворен, важнее все же бывает мудрое и благочестивое вразумление. Такое вразумление, которое всегда сопровождало лечебный процесс святых врачей. Излечивая тело, они никогда не забывали о душе пациента.

Насколько важен для христианского мира пример абсолютного самоотречения и смирения, явленный Космой и Дамианом, говорит уже то, что в церковном календаре святых врачей-бессребреников не одна пара, а целых три. Точно такие же Косма и Дамиан по своей

сути, по отношению к Богу и людям, разнящиеся лишь житиями и страданиями, выпавшими на их долю во имя Господне, жили и творили чудеса в разное время в Риме и на Аравийском полуострове. Так же, как асийские их братья — не по крови, но по духу, — эти целители, врачующие недуги, не уставали повторять, что исцеляют они не травами и снадобьями, а благодатной силой Христовой, которая передается через их руки.

В наше время, когда любой малограмотный знахарь делает из врачевания неплохой бизнес, трудно найти врачей-бессребреников. Хорошо, что еще не везде и не всегда больные воспринимаются лишь как объекты для выкачивания денег. Есть еще в российской медицине по-настоящему благородные люди в белых халатах, честно выполняющие свой долг. Для них положительный результат лечения важнее платы за услуги. И в этом видится проявление той же душевной красоты и Божией благодати, которыми были одарены Косма и Дамиан.

В отягощенный злом, а потому пропитанный болью мир людей Спаситель принес Любовь. Частицы божественной любви истинные целители душ и телес дарят страждущим, как это делали Косма и Дамиан. Оттого любовь и не прекращается, не престаёт. А значит, есть надежда, что когда-нибудь человечество все-таки избавится от боли, излечится от болезней, забудет о страданиях. Пока же будем молиться братьям-бессребреникам:

«Святити безсребреницы и чудотворцы, Космо и Дамиане, посетите немощи наша: туне приясте, туне дадите нам».

Алексей и Галина Коришун

Милосердие

Бомж... Сам виноват?

«Тот, кто берет, принимает радость человеческую. Тот, кто дает, приемлет Божественную радость. Мы приемлем Божественную радость даянием».

Старец Паисий Святогорец

В этом номере «Православного вестника» мы не случайно вновь обращаемся к теме бездомных, людей без определенного места жительства. Лето закончилось, урожай собран, в наших домах и квартирах появилось тепло, холодильники и ямки полны запасов солений, варений и овощей на предстоящую зиму. Именно поэтому нам, находящимся в тепле, сытым и одетым, очень важно помнить, что вокруг нас есть люди, по разным причинам оказавшиеся на улице, у которых нет ни теплой одежды, ни горячей еды, ни места для ночлега. Для бездомных зима — это время суровых испытаний. Для скольких из них она может закончиться летальным исходом или ампутацией?

Очень важно, что каждый читатель набрался сил и прочитал эту рубрику до конца, несмотря на появляющуюся мысль: «да, бомжи сами виноваты, пропили все, а тут еще и помогать им нужно?»... Ведь, возможно, еще несколько лет назад многие из бездомных были такими же как мы с вами — у них была семья, работа, квартира, но в один час все изменилось. Пожар, квартирные мошенники, развод, поиски высокооплачиваемой работы, заканчивающиеся кражей документов и денег. Сколько жизненных историй, сломанных судеб...

Аббревиатуру «бомж», которая переключалась из милицеских протоколов в СМИ и современный русский язык, уже давно никто не «берет в кавычки», не воспринимает как сокращение словосочетания «лицо без определенного места жительства». Эти четыре буквы несут в себе укоренившееся

предубеждение по отношению к бездомным — это бродяги, попрошайки, грабители, пьяницы, воры и рассадник болезней. Кроме того, это уже не просто аббревиатура, это — подмена понятий, позволяющая государству уходить от ответственности за своих бездомных граждан. Логика простая: лица без определенного места жительства сами выбрали такую жизнь и, соответственно, сами во всем виноваты. Если признать существование бездомных граждан, придется признавать и их конституционные права. А в соответствии со статьей 7 Конституции РФ, политика нашего государства «направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека»...

Обратимся к истории этого вопроса. С самого начала образования СССР советским законодательством предусматривалось, что осужденные к лишению свободы лишались права на занимаемую жилую площадь. Ежегодно из тюрем освобождается около 250 тысяч человек. Сейчас

бывший заключенный имеет право на восстановление жилья, однако в стране с повальной приватизацией жилого фонда на реализацию этого права требуется длительный срок, часто годы. Бывшему заключенному очень сложно трудоустроиться, даже если ему удалось зарегистрироваться, скажем, в ночлежке.

Другой пример. Пункт 2 статьи 37 ЖК РСФСР предусматривал выделение «жилых помещений... вне очереди по окончании пребывания в государственном детском учреждении, у родственников, опекунов или попечителей». Однако закон — одно, а действительность — другое. Огромная масса сирот, имеющих право на «жилые помещения», т. е. на полноценное жилье (комнату или квартиру), получали комнату в общежитии. При закрытии предприятия, которому принадлежало общежитие, снова пополнялась армия бездомных.

В 1990-х годах страну захлестнула волна квартирных афер. Каждая тридцатая сделка с недвижимостью в Москве — криминальная (данные ГУВД г. Москвы). Даже если суд докажет факт аферы, нет никакой гарантии, что пострадавший вернется в свое жилье, так как, по официальной статистике, в нашей стране исполняется только около половины судебных решений. Таким образом, государство сняло с себя ответственность за жилищную безопасность своих граждан и на протяжении многих лет создавало все новых и новых бездомных.

Показательны и такие данные. Несколько лет назад ВЦИОМ провел опрос, в ходе которого требовалось выразить свое отношение к бомжам, нищим и бродягам. Только 13 % опрошенных сказали, что «каждый из нас обязан помочь попавшим в беду», остальные ответы сводились к тому, что «надо активизировать работу спецслужб», «пусть сами выпутываются», «милиция должна очистить город от попрошайек».

А вот пример стандартного пути в бездомные, взятый из опыта Московской православной службы милосердия, но он также применим и к Екатеринбург, и к любому другому крупному городу. Семья из 3–4 человек живет где-то в маленьком селе на Урале, кругом безработица, а в Москве, как говорят мужики, работа есть, да и платят неплохо. И вот вся семья собирает последние копейки и отправляет главу семейства на заработки в Москву. Он приезжает, устраивается на стройку. Там говорят: «Ах, у вас нет регистрации, но не страшно, давайте ваш паспорт —

мы сделаем!» Он безропотно отдает паспорт и вкалывает на стройке за троих. Пока объект возводится — все хорошо, но вот когда приходит время получения зарплаты, начинаются серьезные проблемы. Либо паспорт плюс сумма в несколько раз меньше заработанной, либо иди на все четыре стороны (кому ж ты станешь жаловаться без паспорта и регистрации?). Конечно же, он забирает паспорт и деньги, но столько денег, что на семью не хватит, хватит лишь на еду. Но здесь подкарауливает нашего героя еще одна беда: проверка документов. «Нет регистрации? Штраф оплатите в Сбербанке, паспорт заберите в отделении». На то, чтобы оплатить штраф, часто не оказывается денег. И вот он, здоровый мужик, семьянин, оказывается без документов, без денег и абсолютно один в чужом городе, а где-то на Урале его ждет голодная семья. И что ему делать? Как быть? Как вернуться в нуждающуюся семью без денег и документов? Как быть еще обузой и для семьи? Нет, он решает остаться здесь и ждать счастливого случая. Но мысль о семье, о бедственном положении постоянно точит, тяготит, изнуряет его. И он топит ее в алкоголь. Выпьешь — и сразу все хорошо, тепло, уютно, нет проблем, и жизнь-то налаживается. А утром — суровая реальность и серая безысходность, и ему снова хочется почувствовать тепло и беззаботность. Рука тянется к бутылке.

Постепенно этот человек спивается, а через какое-то время и становится инвалидом первой или второй группы.

Только вдумайтесь в эти цифры! От 50 до 60 % становятся бездомными приблизительно по такому сценарию. Что касается оставшихся 40 %, то 30 % из них выходят из тюрем и других исправительных учреждений. 5–7 % становятся бездомными из-за семейных конфликтов и неурядиц («бросила жена, выгнала, а без нее я не могу, вот и пью»). 3 % — это те самые жертвы «квартирных» аферистов. То есть бездомный — это не философия жизни (таких людей менее 1 %), а социальное отражение экономической обстановки в нашей стране.

По данным Всероссийской переписи населения, проведенной в 2002 году, в Свердловской области насчитывалось три тысячи лиц

без определенного места жительства. Это около 0,06 % от общей численности населения области. Статистика Православной службы милосердия Екатеринбургской епархии говорит о том, что бездомными в основном становятся мужчины трудоспособного возраста (от 26 до 33-х лет это 21,5 %, от 41 до 48 лет — 20,5 %), а также молодежь (от 18 до 25 лет — 16 %). У 71,5 % мужчин имеется специальность, а значит, и образование, в основном — среднее профессиональное.

У 70 % респондентов есть родственники и лишь у 23 % — документы. Как следует из анализа обращений, поступающих Уполномоченному по правам человека, половина из тех, кто опустился на дно в критической ситуации, хотят вернуться к нормальной жизни. Еще четвертая часть из категории бездомных надеется на лучшее и ожидает помощи с любой стороны.

«Не требуется имитировать активность в искоренении или оказании помощи бездомным — нужна всего лишь дееспособность и правовой механизм в оценке причин бездомности. Должен быть рынок работ с оплатой по факту. Должна быть действительная отмена прописки, т. е. настоящее разрешение свободы выбора места проживания и трудоустройства. Это без милицейского усердия резко изменит всю ситуацию. Это самое простое средство снять с общества извечную заботу о бездомных. Сначала не плодите их и уже потом, в этом заколдованном круге, придите к ним на помощь — от доступной бани до доступных заработков. А уж какие «хрущобы» отвести под бездомных — вопрос технический. Трудоустроенный бездомный превращается уже в работающего человека с нерешенной жилищной проблемой» — так смотрит на проблему бывший профессор МГУ, а ныне бездомный Александр Васильевич Островский.

«Обычно документирование бомжа занимает до трех месяцев, а бывает, запросы ходят по полгода и более. На это время людей, попавших в сложную жизненную ситуацию, можно привлекать к общественным работам, они могли бы заниматься благоустройством, мести улицы... Почему-то у нас сейчас этим в основном занимаются трудовые мигранты-таджики (...). Но в комитете по благоустройству города Екатеринбурга на предложение заключить договор на работы по благоустройству сказали, что работать с этой категорией людей не будут» (из Специального доклада о нарушении прав лиц без определенного места жительства и занятий Упол-

номоченного по правам человека Свердловской области Т. Г. Мерзляковой).

«...Позвонили работники железнодорожного вокзала, под крыльцом одной из служб проживает бездомный Никита 34-х лет, он и попросил их позвать священника поговорить. Этому несчастному надоело воровать, и он хочет устроиться куда-нибудь «в люди». Часто бездомным необходимо просто поговорить, выговориться, как и в этот раз.

Ему важно, что кто-то обратил на него внимание и выслушал. Поговорили, предложили варианты, Никита сказал, что подумает...» (из отчета о работе, проведенной Православной службой милосердия Екатеринбург).

Снова обратимся к Специальному докладу Уполномоченного по правам человека Свердловской области: «Несомненно, люди без определенного места жительства — такие же граждане России, как и мы с вами. Они обладают всеми правами на медицинскую помощь, и больницы, насколько возможно, должны выполнять функцию их социального обихаживания. Медики не имеют права отказать в госпитализации бездомному, хоть он грязный и вшивый. В статье 17 основ законодательства РФ об охране здоровья граждан — документа, на основе которого строится вся медпомощь в России — сказано, что государство обеспечивает охрану здоровья, независимо от местожительства граждан.

Но за лечение, выхаживание бомжей ТФОМС не платит — только за оказание неотложной помощи. Поэтому, если даже ампутированы ноги, обычно через три недели после операции бомжи оказываются на улице».

А вот — реалии жизни: «Весь день звонят люди по поводу лежащих на улице бездомных, ориентируем их на соцзащиту, в зависимости от места пребывания даем контактные телефоны

ЦСОНов их района (Центр социального обслуживания населения). Но начали возникать сомнения в эффективности такой работы. Так, неоднократно поступали звонки от жителей дома № 26 по улице 40-летия Октября. Между домами № 26 и № 28 лежит человек, которого не пускают домой. Этого бездомного, по фамилии Комаров, уже пытались определить со скорой помощью, но те отвезли его к соседней помойке и выбросили. ЦСОН начал от него отказываться — у него есть паспорт, пусть участковый занимается, но участковый уже был и ничего не сделал. После уговоров они взяли его на заметку. В другой раз позвонили прихожане храма Преображения на Уктусе по поводу бездомного Еременко Алексея 57-ми лет, в ЦСОНе им в помощи отказали, сказав: «нет документов — ничего не можем сделать». Парадокс...» (из отчета о работе, проведенной Православной службой милосердия Екатеринбург).

Действительно, врачи не должны отказывать в приеме на лечение бездомного человека. Но, оказав медицинскую помощь, пролечив бездомного, медики оказываются в ловушке — что делать дальше? Начинает бороться долг и чувства. Долг обязывает медика освободить койко-место для лечения больного человека, потому что койка должна напряженно работать в течение целого года. Чувство подсказывает этого человека пожалеть и оставить в больнице. Прежде условия лицензирования больниц разрешали иметь социальные койки, а теперь, в соответствии с новыми законами, такие койки в структуре не значатся...

«Решить этот вопрос, — предлагает Татьяна Георгиевна Мерзлякова, Уполномоченный по правам человека, — может подзаконный акт, постановление или рекомендательное письмо, на основании которого главам муниципальных образований будет рекомендовано сохранить социальные койки, держать их в какой-то пропорции от численности населения».

Сегодня реальная помощь бездомным организована Православной службой милосердия при Отделе Социального служения Екатеринбургской епархии. Автобус Милосердия, дежурящий на улицах Екатеринбурга, оказывает бездомным необходимую медицинскую помощь. По данным отчета, в ноябре 2007 года за помощью в автобус Милосердия обратились 490 человек, в октябре-ноябре 2008 года — 551. В октябре 2009 — 190 человек. Все получили горячее питание (чай и хлеб), тем, кому было необходимо, выданы направления в санпропускник и на флюорографическое обследование. Каждый бездомный получил хоть какое-то внимание и уход.

Автобус может оказать только разовую помощь, но не решить проблему бездомных. Ведь после получения помощи бомжи снова оказываются на улице. До следующего обморожения... На первый взгляд, решение проблемы лежит на поверхности: создать ночлежки, приюты. Но действующий в Екатеринбурге дом ночного пребывания рассчитан лишь на 45 человек, причем, только мужчин, имеющих паспорт, здоровых, прошедших флюорографию. Действительно, таких на улицах нашего города вряд ли наберется больше 45.

Один из последних примеров. Январь 2009 года, совместный рейд Службы милосердия и Центра Социального обслуживания населения Орджоникидзевского района Екатеринбурга по местам обитания бездомных: «Собирались ехать на автобусе Милосердия. В связи с очередной поломкой автобуса едем на личном автотранспорте о. Владимира. Уралмашевский рынок. Несколько человек с удовольствием съедают привезенное горячее питание. Один из них, не сильно трезвый, увидев батюшку, обалдевает от счастья и, неумело крестясь, выдает первое пришедшее в голову: «Батюшка!... Это... Царство тебе...» — «Небесное!» — смеясь, заканчивает фразу отец Владимир. Еще один бездомный получает направление в реабилитационный центр «Державный». На улице Машиностроителей, прямо на крышке канализационного люка, живет человек. Иван Васильевич Кумрачев. Передвигается он с трудом. Вызываем «Скорую» и с ее помощью начинаем операцию «Иван Васильевич меняет место жительства». «Скорая» везет пациента в ГКБ № 14,

мы также следуем в больницу: надо убедиться в том, что бездомного не выкинут на улицу. После непродолжительной (против ожидания) дискуссии в приемном покое его госпитализируют. На следующий день Иван Васильевич снова на крышке люка: у него обнаружили туберкулез...».

Еще в начале 20-го века святой праведный Иоанн Кронштадтский писал: «Опять я обращаюсь к обществу с покорнейшею просьбою обратить внимание на кронштадтских нищих мещан, приписанных Палатою к Кронштадту и не имеющих никакой оседлости, приискать и сделать для них общее помещение и каждому дать соответственно его силам труд, которым они могли бы кормиться и одеваться. (...) Как хорошо было бы, по всем этим причинам, устроить Дом трудолюбия! Тогда многие из них могли обращаться в этот дом с требованием сделать нам за известную плату то или другое дело, ту или иную вещь, а мещане наши жили бы да трудились и благодарили Бога да своих благодетелей, нравственно многие поднялись бы. А если бы кто, будучи здоров, не захотел работать, того из города долой: Кронштадт не рассадник тунеядцев».

Итак, проблема эта отнюдь не сегодняшнего дня. Но... В соответствии с нынешним законо-

дательством, теперь нельзя обязать бездомного пройти курс лечения у врача-нарколога даже в реабилитационном центре, хотя многим из этой категории людей необходимо лечение от алкоголизма. Права человека нарушаются, свобода! И, в свое время, по этой же причине разгула демократии, отменили так называемые ЛТП, лечебно-трудовые профилактории. И теперь эти люди попросту никому не нужны. Почему в России всегда так: приказы, нормативные акты есть, но не работают. Люди ответственные есть, но помощи нет? А то, что нормативные акты и люди есть — подтверждает Приказ Правительства Свердловской области № 684/937-п/1312/63/01-05/497 от 20 ноября 2006 г. «Об организации межведомственного взаимодействия по работе с лицами без определенного места жительства и занятий».

Идея создания в Екатеринбурге более вместительного и доступного реабилитационного центра обсуждается не первый год, но на обращения Правительства области, общественных организаций предоставить здание для социально значимого объекта, положительного ответа от администрации города пока не получили. Не выгодно такое строительство, не прибыльно...

Будет ли бездомность завтра?

Да. Какое-то количество бездомных будет всегда. Это будут именно те 1–2 %, которые при любом режиме выбирают подобный образ жизни, но остальные 98 %, борющихся за выживание сейчас и пытающихся сохранить внешний вид обычного «домашнего» человека, перестанут быть изгоями. Уверенность в выздоровлении общества вселяет наша история. На земле нашей многострадальной Родины никогда не было спокойно. Всегда были нищие и бездомные, и во все

времена призыв Владимира Мономаха: «Всего же более убогих не забывайте» — находил отклик в сердцах наших соотечественников. Как бы ни было тяжело, сострадание и милосердие к самым обездоленным не иссякало. Сейчас таких — миллионы. Эти несчастные имели жилье, учились, получали профессиональные навыки. Они могут еще вернуться к жизни, если общество от них не отвернется. Только под девизом замечательного доктора Ф. П. Гааза: «Спешите делать добро» — можно надеяться на возрождение России.

Полина Митрофанова

Номера телефонов служб Социальной защиты населения г. Екатеринбурга:**Верх-Исетский район:**

Управление Социальной защиты населения, ул. Хомякова, 14а; тел.: (343) 353-88-82.

Центр Социального Обслуживания Населения (ЦСОН), ул. Татищева, 62; тел.: (343) 246-68-70, 246-78-60.

Железнодорожный район:

Управление Социальной защиты населения, ул. Коуровская, 222; тел.: (343) 322-38-58.

ЦСОН, ул. Коуровская, 9/204; тел.: (343) 323-23-11.

Кировский район:

Управление Социальной защиты населения, ул. Генеральская, 6; тел.: (343) 375-01-85.

ЦСОН, ул. Бажова, 37; тел.: (343) 370-67-40, 350-46-43.

Ленинский район:

Управление Социальной защиты населения, ул. Шейнкмана, 22; тел.: (343) 371-52-66.

ЦСОН, ул. 8 марта, 16/3; тел.: (343) 376-56-68, 376-31-02.

Октябрьский район:

Управление Социальной защиты населения, ул. Р. Люксембург, 52; тел.: (343) 251-64-35.

ЦСОН, ул. Р. Люксембург, 52; тел.: (343) 251-64-35, 251-94-61.

Орджоникидзевский район:

Управление Социальной защиты населения, ул. Бабушкина, 22; тел.: (343) 334-19-01.

ЦСОН, ул. Космонавтов, 43в; тел.: (343) 331-69-46, 320-35-03.

Чкаловский район:

Управление Социальной защиты населения, пер. Автомобильный, 3; тел.: (343) 217-21-65.

ЦСОН, пер. Автомобильный, 3; тел.: (343) 210-12-69, 210-13-56.

Молитва о любви к ближним

О имя сладчайшее, имя святейшее, имя всемогущее, имя Господа нашего Иисуса Христа! Победа моя, Господи, слава Тебе! Господи, мы члены Твои, мы едино тело, Ты — Глава наш. Господи, да бежат от нас все страсти, да бежат от нас демоны! Господи! Дажь нам благодать любви николиже отпадающая! Господи! Да оказываем мы уважение и любовь друг к другу, как Тебе Самому, как обожженным!

Татьяна Георгиевна Мерзлякова,
Уполномоченный
по правам человека
Свердловской области

О бездомных замолвим слово

Бездомные часто приходят ко мне на прием, просят помочь выжить в этом жестоком мире. Мне их очень жаль. Я считаю, что в ситуации, в которой оказались эти люди, не всегда виноваты только они. Общество такими стремительными темпами расслаивается, что мы будем пожинать дальше еще большее количество и бездомных, и просто людей, которые растерялись, не могут найти место в жизни.

В **благотворительной столовой** для бедных, действующей в Екатеринбурге, я встречала и бывшую учительницу, и бывшую работницу оперного театра. Доводилось мне помогать в устройстве на работу и восстановлении утраченных документов бывшему начальнику погранзаставы, журналисту, юристу, попавшим в трудную жизненную ситуацию.

Изучая эту проблему, в 2006 году я написала специальный доклад «Люди на обочине» о нарушении прав лиц без определенного места жительства. Он основан не только на анализе поступивших обращений, но и на научных изысканиях Института экономики Уральского отделения Российской академии наук.

Я убеждена, что тем людям, чья судьба сломана не только из-за собственных поступков, но и по вине государства, государство должно помогать. Бездомным, которые не могут или не хотят вернуться к нормальному образу жизни, надо создать хотя бы минимально приемлемые условия, чтобы они не погибали. А тем, кто может и хочет вернуться к нормальной жизни, создать возможность такого возвращения.

К сожалению, в последние годы власти Свердловской области не сделали реальных шагов, чтобы помочь этим людям. Это мое глубокое убеждение, потому что ко мне идут и идут с бедами люди — без крыши над головой, документов, работы... Пока не получается настоящей межведомственной координации по этой проблеме, хотя в области принят совместный приказ об организации взаимодействия в работе с бездомными. Нередко между ведомствами идет пустая переписка, а бездомный по-прежнему предоставлен самому себе и улице.

Непростительно затягивается **пуск Центра социальной адаптации** лиц без определенного места жительства и занятий в селе Лебяжьем Каменского

района. Строительство этого областного государственного учреждения ведется в соответствии с Указом Губернатора от 21.01.2002 года.

Весной этого года на заседании Совета общественной безопасности было принято решение о том, что Законодательное Собрание Свердловской области инициирует внесение изменений в федеральное законодательство о занятости. Предлагается законодательно закрепить обязанности работодателей выделять рабочие места лицам без определенного места жительства и освободившимся из мест лишения свободы по направлениям службы занятости. Это позволит решить многие вопросы социальной реабилитации бывших осужденных.

Местные власти поддержали идею строительства **первого в России православного дома временного пребывания**. В примыкающем к Екатеринбургскому дому ночного пребывания трехэтажном здании разместятся столовая, социальная гостиная для малоимущих, поликлиника. Объект будет возводиться в основном на средства Русской православной церкви. Но, думаю, без грантовой помощи из бюджета ему не обойтись. Наконец-то здесь появится отделение для женщин, попавших в сложную жизненную ситуацию.

Помимо Дома ночного пребывания, **санитарная обработка людей** без определенного места жительства и их одежды в Екатеринбурге проводится в дезинфекционном подразделении ФГУС «Центр гигиены и эпидемиологии в Свердловской области». Учитывая, что санобработка одного человека и его одежды стоит более 80 рублей, не каждый потенциальный клиент может сюда обратиться.

Отдел социального служения Екатеринбургской Епархии оплачивает бездомным поход в баню, но возможности Службы помощи бездомным ограничены. Я уже вышла к заместителю Председателя правительства Свердловской области по социальной политике В. А. Власову с предложением организовать бесплатную санитарную обработку лицам без определенного места жительства за счет средств бюджета.

Помогая бездомным бесплатно привести в порядок одежду, помыться, мы обеспечим и другим гражданам условия реализации права на охрану здоровья, благоприятную окружающую среду.

Редакция «Православного вестника» выражает самую искреннюю благодарность Уполномоченному по правам человека Свердловской области Татьяне Георгиевне Мерзляковой за участие в этом проекте.

Священник Владимир Первушин, руководитель Православной службы милосердия Екатеринбургской Епархии. Отслужил в рядах Российской армии. Окончил строительное училище и механико-технологический колледж. Позже окончил социально-педагогический факультет Педагогического университета. Заочно обучается в семинарии. Женат, трое детей.

— Батюшка, пожалуйста, расскажите вкратце о создании и деятельности службы милосердия.

— Служба милосердия создавалась преимущественно для того, чтобы заниматься социально-медицинской помощью. Изначально мы думали помогать людям, которые могут погибнуть на улице от переохлаждения. Кроме того — обрабатывать и перевязывать раны, проводить при необходимости дезинфекцию. На деле получилось так, что мы не только социально-медицинской помощью занимаемся, а всем вообще. Восстановлением документов, трудоустройством людей, поиском каких-то контактов, возможностей вернуться в семью. Бездомный — это человек, у которого нет ничего: ни документов, ни здоровья, ни жилплощади, ни семьи, ни средств к существованию, ни работы — вообще ничего. Исходя из всего этого и определяется помощь — любая, всесторонняя, во всех аспектах. Как можем, так и помогаем. Прежде всего, человека надо вылечить, чтобы у него руки-ноги действовали, чтобы он мог работать, а потом уже говорить: «Кто не работает, тот не ест». Прежде всего — вылечить, а потом уже думать дальше.

— А какие есть у вас возможности «думать дальше»? Какие-то государственные учреждения идут на контакт с вашей службой?

— Как ни странно, от государственных органов меньше поддержки, чем хотелось бы. Но ведь во многих ситуациях обойтись без нее невозможно. Существует межведомственный приказ о взаимодействии различных подразделений в помощи лицам, оказавшимся в критических ситуациях. Под этим документом — шесть «высоких» подписей, но, по сути дела, на сегодняшний день он не работает.

Есть дом ночного пребывания. Учреждение министерства социальной защиты. Но туда берут только с паспортом, с результатами минимального медосмотра — в частности, флюорографии, и с направлением из соцзащиты. Сотрудники поликлиники №1 при 3-й горбольнице

здорово нам помогают, в некоторых случаях и анализы делают, и консультации специалистов организуют — кардиолога, терапевта, и флюорографию проводят — правда, оборудование у них старое, часто ломается. Большая проблема у нас не с медицинскими справками, а с восстановлением у людей документов — это и долго, и сложно.

Хотелось нам организовать такое православное учреждение, о котором в свое время говорил отец Иоанн Кронштадтский. Где можно было бы человека подлечить, на ноги поставить, где он мог бы пожить какое-то время жизнью трезвой, отойти от дурмана, психологически реабилитироваться. Но для этого, прежде всего, нужна крыша над головой и попечение именно духовное, церковное. Потому что надежная мораль может существовать только в Церкви.

Общество, которое существовало вне Церкви, показало, что оно не имеет в себе никакой устойчивой морали. За время перестройки все это быстро разрушилось. Духовность, которая идет от Христа — в этом учреждении она могла бы быть. Но важно, чтобы человек сам захотел бы ее принять — а не так, что кто-то придет со стороны и в корне на него повлияет.

— Насколько реально для нашей епархии организовать что-то вроде Дома трудолюбия, как некогда сделал отец Иоанн Кронштадтский?

— Прежде всего нужны патриотически настроенные люди, понимающие, какая война ведется против нашего государства. Народ спаивают, народ уничтожают. Мы на этом поле боя — полевая медицина, мы перевязываем раненых, покалеченных в этой войне. И нужны люди, которые решат для себя: «Да, меня это касается, я буду посильно для себя в этом участвовать». Благословение Владыки на устройство дома пребывания бездомных есть — нужны материальные средства и грамотные организаторы и помощники. Потому что отдать деньги и отвернуться — этого мало. Надо действовать, стоя плечом к плечу.

Сейчас мы видим такую политику: бездомные — лишние люди. С одной стороны, это отношение государства, а с другой стороны — отношение простых людей: он сам во всем виноват, он пьяница и бездельник. Люди, думающие так, меняют местами причины и след-

*Работа на железнодорожном вокзале.
Этот человек обратился за помощью впервые*

ствия. В реальности зачастую сначала человек остается без дома, а потом уже становится лентяем, пьяницей и так далее. Потому что, когда человек попадает в такую среду, где все пьют, где все — грязные и спят на сырой земле, укрывшись газеткой — он и сам постепенно становится таким же, как все. Он старается не выделяться.

Знаете, у китайцев есть поговорка: «Торчащий гвоздь заколачивают». У бездомных это четко выражено. Очень трудно отделиться от них и жить обособленно. Трудно выжить в одиночку. Поэтому бездомные сбиваются в группы. Это нормальный закон психологии. Живут они, как правило, в подвалах, тепло-трассах, на чердаках, которые у нас, в отличие от Москвы, где люди уже научены печальным опытом терактов, открыты.

— Как бездомные обращаются за помощью в службу милосердия? Откуда они узнают о ее существовании?

— Слухами земля полнится. Просто люди передают информацию друг другу. Маршрут нашего автобуса известен: работаем возле православной столовой Ново-Тихвинского монастыря, где бездомных бесплатно кормят, потом едем на 4-ю базу, потом — на вокзал. Сейчас в автобусе работают всего три человека: один водитель, две сестры милосердия. С наступлением финансового кризиса наступил, видимо, и кризис милосердия, и мы буквально боремся за выживание.

В последнее время работаем всего лишь два раза в неделю вместо трех, как было раньше. Оказываем медицинскую помощь — правда, с медикаментами дело обстоит все хуже и хуже, скоро ограничимся лишь зеленкой и аспирином. Выдаем талоны на санобработку. Тем самым мы боремся с социально опасными заболеваниями, которые являются угрозой не только для православных и не только для работников автобуса, но и для всех жителей города. Это вши, чесотка, туберкулез.

И не только бездомные приходят к нам — мы и сами ищем бездомных. В связи с этим нам нужны мужчины-добровольцы для посещения чердаков, подвалов, теплотрасс.

Женщинам там делать нечего. Первая реакция на такие визиты может быть агрессивной, потому что люди, живущие там, ничего хорошего от окружающего мира не ждут. Показательный случай. Директор дома ночного пребывания дал нам информацию о том, что в теплотрассе возле цирка живут бездомные. Мы приехали — а там уже никого нет. Когда стали наводить справки, выяснять ситуацию, то оказалось, что люди, действительно, в теплотрассе жили, но кто-то плеснул в этот люк бензин и поджег. Люди заживо сгорели.

Так что бездомные ничего хорошего от общества не ожидают и имеют на это основания. Поэтому, конечно, первыми места их жи-

тельства должны посещать здоровые, крепкие мужчины, женщинам соваться туда не стоит, во всяком случае, в первый раз.

Сейчас мы собираем базу данных о местах пребывания бездомных. Соцзащита обещала нам в этом помочь — у них информационная карта сложилась во время последних выборов, в которых бездомным тоже предлагалось поучаствовать. Так что наш маршрут мы будем расширять, но — повторюсь — для этого нужны мужчины-добровольцы.

— С какими просьбами обычно обращаются люди в службу милосердия?

— С разными — смотря на какой стадии бродяжничества находится человек. Зачастую люди, давно живущие на улице, просто заживо гниют. Здесь требуется, прежде всего, медицинская помощь — лечение обморожений, ожогов, инфицированных ран.

Другой случай — человек, оказавшийся там недавно. У него, допустим, украли документы, деньги, но он помнит номера телефонов своих родственников и просит помочь связаться с ними, помочь вернуться домой.

— Как, вообще, люди попадают на улицу?

— Разными путями. Но, что интересно — тот бездомный, который был раньше, и сегодняшний бездомный — это люди совершенно разные. Если в советские времена существовала уголовная статья за бродяжничество, то есть

Важно, чтобы
и в бумагах
был порядок

подобные люди преследовались и их насильно заставляли работать, то сегодня — напротив: они хотят работать, но работы нет. И приезжает человек в город в поисках работы — а его никто не ждет. С большим удовольствием берут на работу мигрантов, а не наших простых русских мужиков. Действует стереотипное мышление, что они работать не умеют, а умеют только пьянствовать.

И куда деваться? Назад в деревню ехать и с голоду помирать? И вот человек поначалу погрубочными работами где-нибудь занимается, а потом эта среда все равно его затягивает — и тут он уже и пьяный, и грязный, и никому не нужен. Этот стереотип и должно нам, в конце концов, победить и разрушить. Он до того силен, что им, как и всякой страстью, люди ослепляются и не видят правды.

Вот человек нарушил закон, попал в места заключения. Освободился — а жилья у него уже нет. Куда ему идти и чем заниматься? Или — у подростка мать-алкоголичка пропила квартиру, подросток оказался на улице, вырос там — вот вам уже готовый бездомный. Он что, виноват, что родился у такой матери?

Еще пример. Существовал научно-исследовательский институт, была у человека, посвятившего всю жизнь науке, служебная квартира — а потом НИИ распался, квартиру отобрали. Он — от брата — к сестре, от сестры — к брату, но это ведь до бесконечности продолжаться не может — и вот он тоже на улице. Он что, виноват во всех этих макроэкономических процессах, породивших развал и уничтожение научных учреждений? Он мог на них как-то повлиять? Абсурдно. Но людям удобнее думать, что он «сам виноват». Или обратился человек в риэлтерское агентство, где оказались так называемые черные риэлтеры — его обманули, «кинули» — опять «сам виноват»? Виноват, что не отличил ловкого мошенника от нормального специалиста? И так далее, и тому подобное. Каждый случай разбираешь — и в каждом случае видно, что просто человек попал в такую ситуацию, в которой он ничего не смог сделать.

— **Батюшка, вот обычная ситуация: видим на улице бездомного, просит милостыню. Подавать?**

Телефон автобуса службы милосердия: 8 912 267-87-73

Телефон дежурного по «Скорой помощи»: 376-16-21 или 376-16-22

— «Пусть запотеет медяк в руке твоей прежде, чем ты подашь его». То есть не буквально надо держать денежку, пока она не покрылась потом, а надо подумать о том, кому и зачем ты подаешь. Если деньги нужны ему на пропой — твоя милостыня и для него пагубна, и для тебя. Лучше подать еду, ту же булочку. Хотя часто бывает, что люди, собирающие деньги на нечто спиртосодержащее, от булочек отказываются, да еще и ругаются.

Но даже и таких деградировавших людей общество не имеет права оставлять без заботы. Потому что такие люди, говоря юридическим языком, недееспособны, они психически больны. Совсем от них отвернуться — это все равно как ребенка малого, несмышленного бросить на улице. У бездомного атрофировано чувство ответственности, ему не за что отвечать: ни имущества, ни прав, ни обязанностей. Он легко поддается соблазнам.

Человек настолько бывает человеком, насколько он заботится о ближнем своем. Если мы на наших ближних внимания не обращаем, то мы уже и не имеем права называться людьми, мы уже бездушны, духовно мертвы, бесчеловечны. Поэтому даже совсем опустившихся людей мы не имеем права оставлять: мол, пусть пропадают, пусть погибают.

— **Еще одна конкретная ситуация. Зима. Лежит на снегу человек «бомжовского» вида. Что делать? В «Скорую помощь», насколько я знаю, звонить в данном случае бесполезно. В машину таких людей стараются не брать по вполне понятным соображениям: потом потребуется дезинфекция салона, и на весь день машина выйдет из строя.**

— «Скорая» не имеет права отказывать. Это — дискриминация по социальному признаку. Такое сейчас редко происходит, но уж если происходит — есть телефон дежурного, к которому нужно обращаться в случае отказа в оказании помощи человеку, пусть даже и бездомному.

Диалог в автобусе милосердия

- Батюшка, с меня хотят крестик сорвать, раз я некрещеная
- Ты Бога любишь?
- Люблю.
- Вот и говори всем: «Ношу крестик, потому что люблю Бога». А выучишь символ веры — можно будет и о крещении подумать.

В больницу человека лучше сопровождать, потому что бывает, что довезти-то его довезли, а потом просто вынудили уйти. Это делается элементарно: «У нас тут нормальные больные, а вас бы лучше всех сжечь да поля картофельные удобрить», и так далее, и тому подобное. Человек с нормальной психикой такого не выдержит, а уж человек слабый — тем более. И он не выдерживает и уходит. А потом выясняешь, почему его не положили в больницу — говорят: «Он сам ушел, отказался». Поэтому надо проконтролировать, чтобы человека в больницу приняли.

— Состояние опьянения служит в данном случае «отягчающим обстоятельством»?

— Если человек нуждается в медицинской помощи, отказать ему не имеют права, будь он трезвый или пьяный. А если обычный гражданин в состоянии опьянения, к примеру, попал под машину? Ему разве не помогут?

— А если мы видим человека, к которому нет оснований вызывать «Скорую помощь», но, оставшись на улице, он просто насмерть замерзнет — что делать?

— При каждом центре социального обслуживания населения есть служба срочной социальной помощи, которая обязана этими случаями заниматься. Если отказывают — настаивать. Необходимо написать заявление с просьбой о помощи и совместно решать проблему этого человека.

— А есть у вас возможность предоставить человеку временное пристанище?

— Своего помещения в черте города для этих целей у нас нет, есть лишь вечно разваливающийся автобус — передвижной медицинский кабинет и средство доставки горячего питания. База-то слабая. А помещение, конечно, просто необходимо: там можно было

бы собирать этих несчастных и оказывать им помощь. Здесь были бы совмещены и функции медпункта, и функции медвытрезвителя, и функции ночлежного дома.

Слава Богу, на сегодняшний день мы хотя бы можем предложить людям, готовым потрудиться над переменами в своей судьбе, проживание в реабилитационном центре под Среднеуральском. Там созданы все условия для того, чтобы перебороть себя, отказаться от пагубных пристрастий — в частности, к алкоголю, вести нормальный, здоровый во всех отношениях образ жизни.

Об этом центре вообще хочется сказать особо. Я считаю его своей «девятой ротой», и это мое отношение стоит пояснить. В 2005 году на экраны вышел фильм Федора Бондарчука «9 рота». Многим, не имеющим никакого отношения к армии, ничего не скажет это название, но оно, тем не менее, отражает суть.

Дело в том, что в полку, как и в любом подразделении, распределяется ответственность за территорию. Так, например плац — сердце полка, его честь, здесь проходят все торжественные мероприятия — это территория первой роты, а далее — по убыванию. Девятой роте остается помойка. В эту роту, соответственно, отправляют всех «залетчиков», провинившихся и неблагонадежных. В фильме видно, как командование просто забыло эту роту на вражеской территории, когда война уже кончилась. Но главное не это, а то, что воины эти, несмотря на свои социальные качества, неспособность «прогибаться под изменчивый мир», характерную конфликтность и т. д., не стали неспособными к выполнению поставленной задачи, а диаметрально наоборот — проявили настоящую христианскую жертвенность, полагая душу свою за други своя. Так и хутор «Державный» собрал всех, кого забыло вечно командующее, думающее о себе, как о чем-то человеколюбивом и гуманном, общество. Но, тем не менее, и они способны душу положить за други своя, послужить и Отечеству, и Казачеству, и Вере Православной.

Когда Владыка Викентий пишет священнику указ о назначении его духовником какого-нибудь воинского подразделения, он советует ему настроить добрые отношения с воинами и

командирами подразделения и членами их семей. Поэтому невозможно в духовном окормлении без какого-то личного участия. Вот это личностное участие есть и у меня.

В свое время у меня была своя девятая рота, но тогда я лишь думал о себе, что я христианин, не осознавая на самом деле, как я далек от христианства. Сложилось так, что я буквально ненавидел свою роту, духовное состояние своих сослуживцев, далекое от Христа. Но Господь, видя наши духовные недуги, вновь и вновь приходит к нам в виде тех, кого мы гоним от себя. Вот и снова Бог послал мне мою «девятую роту», и я вижу, как она мне необходима. Понимаете? Не только мы нужны бездомным — они нужны нам не меньше.

— **Какая конкретная помощь нужна службе милосердия?**

— Если говорить по максимуму, нужны: нормальная машина — автобус или микроавтобус; помещение, о котором мы говорили, состоящее из нескольких комнат — для дезинфекционной обработки, для медицинского осмотра и помощи, для изоляции больных туберкулезом, для всех остальных; *благотворители*, которые хотели бы и могли бы помогать организационно и материально; *добровольцы-мужчины*, готовые в этой, без преувеличения, войне, выполнять работу спасателей.

Если вспомнить западное христианство, там существовали рыцарские ордена — иоанниты, госпитальеры и так далее. Я сейчас не рекламирую тех, кто насаждал католическую веру с помощью оружия, а говорю о самой идее сообщества мужчин-христиан, готовых жертвенно участвовать в благом деле и тем самым служить Богу. Потому что Богу служат не только священники — служат Богу все, кто исполняет Его заповеди, кто живет по Его законам. Если найдутся православные люди, которые хотели бы послужить Богу, исполнить заповеди, с которыми Христос обращается к нам со страниц Евангелия: «...алкал Я, и вы дали мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня...» (Мф. 25, 35-36) — если найдутся такие христиане — это будет очень хорошо.

Беседовала Светлана Ладина

Неравнодушные или без любви ничего не получится

Признаюсь честно, мне было страшно начинать собирать материал для этого репортажа. О работе патронажной службы я мало что знала, но имела опыт ухода за тяжелобольным человеком. Поэтому было страшно вновь соприкоснуться со страданиями людей, сделать или сказать что-то не то, не помочь, а навредить. Наверное, таким страхом болеют все неравнодушные, кто ничего не знает или знает слишком мало о жизни людей, которым требуется помощь патронажной службы. Но страх этот ложный, а неравнодушие — настоящее, поэтому есть люди, помогающие другим людям в самых сложных и, казалось бы, безвыходных ситуациях. И самое главное — в этом деле есть любовь. Без любви ничего не сделать, без нее вообще трудно жить. Поэтому очень важно и нужно рассказывать о людях, которые встретились и отдают друг другу безмерную любовь.

Сегодня мы хотим познакомить читателей «Православного вестника» с историями разных людей, у которых жизнь сложилась так, что они встретились с патронажем. А вы, наши читатели, сможете сами сделать вывод, касаются ли затронутые вопросы лично вас и, если ответ будет положительный... сделаете выводы сами. Помогает рассказывать Елена Яковлевна Борщик, руководитель патронажной службы Фонда «Милосердие».

Елена Яковлевна

«Кто кому больше помогает?»

— Всегда, даже до прихода к осознанной вере было желание заниматься благотворительностью. С детства одной из моих любимых была книга «Тимур и его команда» А. Гайдара. Помню, что нашла телефоны нескольких благотворительных фондов и решила позвонить туда с целью предложить свою помощь. Но никто трубку не взял. Знаете, часто люди, чтобы занять какое-то важное «кресло» или приобрести статус, организовывали фонды-пустышки, которые являлись коммерческими проектами и на самом деле не работали. Видимо, это была не моя дорога, а нужно было дожидаться фонда «Милосердие». Долгое время в голове моей витала мысль о том, что я хочу заниматься с детьми-сиротами. Либо помогать кому-то в семейном детском доме, либо что-то придумать самой. Подумав какое-то время, я прямиком отправилась к владыке Викентию. Тот направил меня к о. Евгению Попиченко, который поручил мне заниматься сестричеством милосердия. Эта тема меня сначала не трогала, так как медицина меня никак не волновала. Поэтому взялась я за исполнение послушания без особого рвения. Совсем недавно и в моей жизни были не самые легкие времена (тяжело умирала от рака мама, потом через восемь месяцев сестра, в семье были напряженные отношения). Но вскоре я съездила на стажировку в Москву, и после этого мы воодушевились развивать такую же, как и там, патронажную службу и богадельню. Сначала я еще держалась за свой бизнес, совмещала патронажную службу с работой администратором в кафе. А потом муж очень сильно поддержал меня: «Если ты так хочешь этим заниматься, то оставляй все остальное и погружайся в эту работу целиком». Сейчас некоторые знакомые иногда подкалывают меня: «Долго ты еще будешь этой ерундой заниматься? Как же бизнес, деньги?». Конечно, я не знаю, что ждет нас завтра, но знаю точно, что если в жизни не будет такой деятельности, то я точно «скисну» без дела. Вникая в суть своей новой работы, я насмотрелась на людское горе, и очень хотелось помочь, стали появляться идеи по организации, появилась духовная отдача. Да еще какая отдача... неизвестно кто кому больше помогает.

Галина Михайловна

«Сразу захотелось жить!»

— Я умирала... на самом деле умирала, находясь в депрессии, не выходя из дома. До этого катастрофического состояния я благополучно работала главным бухгалтером в обществе инвалидов. Но однажды, когда я отказалась скрыть некоторые доходы общества, меня просто уволили. Два года судов, сбора всевозможных справок, оправданий, доказательств своей правоты, восстановление на работе. Потом я попадаю в больницу, и за время пребывания там у меня из квартиры выносят все, всю мебель, даже веник забрали. Началась черная-пречерная жизнь. Думала: «Вот балкон рядышком. Один шаг — и все». Сдерживало, что сын Димитрий, который принял монашество, не сможет за меня молиться. И вдруг слышу по радио рассказ о сестричестве. Я сразу позвонила, и очень быстро ко мне приехали две красавицы. Сразу выяснив, в чем я нуждаюсь, они сбегали в магазин и купили мне ночную рубашку, колготки, нижнее белье, даже носовые платочки! Пожертвовали мне пуховик, который пришелся прямо в пору. Что-то такое свежее они мне принесли, какой-то воздух! И мою депрессию как ветром сдуло, мне сразу захотелось жить! Я сразу пошла на улицу гулять и думала: «Как же это я не хотела жить?!». И вот уже больше года они меня опекают. То придут окна и пол помыть, то продукты подкинут. Они меня подняли из глубокой ямы своим добрым отношением и деликатностью.

Вот, казалось бы, «пустячок»: однажды девочки пришли меня порадовать, они принесли с собой ноутбук и показали мне фотографии с красивейшими местами Египта, экзотическими растениями. «Пустячок» — оторваться от своих дел и порадовать человека, который долгое время видел только кухню, ванну и туалет.

Или еще чудесный случай их помощи. Захворала я. И все думала «вот-вот поправлюсь, окрепну», а силы с каждым днем таяли, что и до поликлиники дойти я уже не могла. Последние две недели не было сил, чтобы приготовить себе еду, и я вообще ничего не ела. Когда девочки отвезли меня в богадельню, чтобы там обследовать, то соседки по комнате думали, что я умру не сегодня-завтра. Там сестры меня так ласково приняли. Приехал о. Димитрий Мура-

вьев, чтобы исповедовать и причастить меня. А когда меня перевели в больницу, то я ни один день не была одинока. Соседки по палате удивлялись, что к ним их родные не ходят так часто, как мои девочки ко мне. Всегда я мечтала о большой семье, и вот мечта моя сбылась — надо мной взяла опеку вся большая семья Федяевых, которые живут в соседних домах. Они откликнулись сразу же, как только их спросили, могут ли они иногда помогать мне. Низкий поклон Владыке, что он это дело благословил, и людям, которые это дело подняли, оказывают помощь нуждающимся людям.

Все, что касается Галины Михайловны, окружено «обыкновенными чудесами». Помощь Божия появляется именно тогда, когда она остро нужна. Вовремя появившиеся люди, вовремя сделанные телефонные звонки... Видимо, молитвы сына Димитрия на расстоянии спасают мать. Пока мы разговаривали, к Галине Михайловне пришли еще две гости. Людмила Николаевна Петухова с дочерью раз в неделю приносят своей подопечной обед. А летом к обеду прибавляется букет полевых цветов. Сегодня это последние осенние ромашки. Людмила Николаевна руководит Социально-педагогическим центром реабилитации детей-инвалидов. Каждый день детки изучают закон Божий, занимаются живописью, вышивкой бисером и другими рукоделиями. Дети погружены в такую добрую атмосферу, что реабилитация проходит намного успешнее, чем в подобных светских заведениях. Любовь в данном деле — главный секрет... Хотя какой это секрет?...

Елена Яковлевна

«Не надо никого осуждать!»

— Некоторое время мне пришлось помогать о. Владимиру Первущину в решении организационных вопросов в проекте «Автобус Милосердия»: нужно было заключать договоры на поставку лекарств, решать кадровые вопросы и так далее. Временами было трудно, но когда ты знаешь, что ты «пробиваешь» что-то не для себя, а для человека, который сам этого никогда не решит, то никаких страхов и сомнений не появляется. Например, чтобы восстановить документ бездомному человеку или пройти комиссию для оформления инвалидности, нужно столько кабинетов оббегать, что

сам бездомный и больной человек никогда сам не осилит. Мы берем такого человека «за руку» и водим по врачам и чиновникам. Даже представители собесов, которых мы привлекаем к этому процессу, проходят все кабинеты с трудом, так как их «братья-чиновники» им вовсе не помогают. И если в начале пути от чиновника можно услышать в адрес бездомного такую фразу: «Ты разве не мужик? Да ты просто не хочешь ничего сам делать!» — то, когда они с нами немного пройдут, их взгляд на ситуацию резко меняется. Но если ты, красиво одетый и приятно пахнущий, не можешь в этой системе решить какой-либо вопрос, то каково этим несчастным людям? Осознав это, не хочется сдаваться! Потому сейчас я захожу во все кабинеты с одной фразой: «От тюрьмы и сумы не зарекайся».

Все истории, оказавшиеся перед твоими глазами, это не просто чужие истории, но в любой момент это может стать и твоей историей. Приличная работа, друзья, дети, статус в обществе — в любой момент все это может оказаться в прошлом, и ты остаешься беспомощным, одиноким и очень-очень неблагополучным. И скажи тебе кто-нибудь об этом лет 10–20 назад, ты ни за что не поверил бы. Никто ни от чего не застрахован! Не надо никого осуждать! Хорошо сказал глава управления федеральной миграционной службы России по Свердловской области Игорь Альбертович Семочкин: «В начале карьеры моим лозунгом была фраза «Человек — хозяин своей судьбы». После 20 лет оперативной работы я уверен в обратном, что в жизни человека огромную роль играет случай и люди, оказавшиеся рядом». Поддержка и понимание чиновника такого ранга очень важна в нашей работе.

Николай и Феликс

«Справка, что ты человек»

Жизнь Николая очень обычная в том смысле, что многие люди оказываются на улице именно так. Развелся с женой, оставил ей и детям хорошую квартиру и, что самое главное, удалось сохранить с семьей хорошие отношения. Работал в «Обществе слепых», не спился, не опустился. Потом потерял паспорт, и возникли трудности с работой, жильем и со здоровьем (глаз один ослеп). Восстанавливать документы оказалось очень трудно: «Посылали из одного кабинета в

другой, а кабинеты еще и в разных районах. Отношение как к нечеловеку!»

Узнал о работе благотворительной столовой при Пантелеимоновском храме и стал приходить туда обедать. Обратились за помощью — стал помогать при храме. А недавно сломал ногу и после больницы оказался в богадельне:

«Даже и сравнивать нечего отношение больничное и здесь. Такие сестры внимательные, услужливые. Она то пол моет, то обед готовит, то больных переодевает, с лежачими возится — ни минуты покоя! В связи с кризисом сутки дежурит теперь одна, а не две сестры. Она одна крутится все сутки напролет! Вот, например, сестра Елена Павловна после дежурства поехала домой в автобусе, уснула и уехала на конечную остановку. Тяжело им приходится, но никогда я не слышал от них никаких жалоб. Приходят они на работу, помолятся — и вперед! Относятся ко всем, как к родным, терпят нас — им руки нужно целовать! Вот восстановим документы, и буду работать...я же мужик. Очень хочется быть при храме, ведь он стал моим вторым домом. Я не всегда был верующим, но теперь в храм меня тянет. Одна добрая девушка, живущая рядом с богадельней, на своей машине заезжает за мной и везет на службу. Могла бы и не делать этого, но ведь она делает!»

Феликс приехал в Екатеринбург к брату, который приехал на заработки, а потом попал в больницу. Добирался долго, так как денег на дорогу было в обрез. Наш город встретил приезжего из Благовещенска не очень ласково. Жить негде, есть не на что, надеяться не на кого. Здоровье стало сдавать, и Феликс несколько дней просто лежал на улице никому не нужный. Богадельня приняла его «на временную стоянку». Пока выхаживали, навели справки, где живет, прописан ли, действительно ли есть брат. Все рассказанное Феликсом оказалось правдой. Когда можно было «пациента» отпустить домой, помогли с билетом и даже договорились с социальными работниками, чтобы те встретили в его родном городе.

Простая история: человеку стало плохо в чужом городе — может случиться с каждым. Но каждый ли может уделить внимание человеку, лежащему на улице? А каждый бы хотел, если бы сам попал в такую ситуацию, чтобы о нем позаботились? Тут даже без вариантов — да.

Елена Яковлевна

«Помочь — это просто»

— До сих пор не могу разрешить для себя вопрос вопросов: «Почему один человек предрасположен к добру, он готов помогать кому-то, а другой не жаждет и даже не замечает, что кому-то нужна помощь?». Всем Господь дает возможность проявить свои лучшие качества. Например, все мы получаем помощь в жизненных ситуациях. Но кто-то всю жизнь благодарит Бога за посланную помощь и из благодарности творит дела милосердия, а другой на следующий же день все забывает и продолжает жить, как раньше. Почему? Вот поэтому нам и «посылаются» те, кто в нас нуждается, и в ком нуждаемся мы.

Часто сами подопечные подсказывают, какая помощь им необходима. Например, монахиня Симеония попросила однажды свозить ее на могилы родителей. Вот реальная насущная потребность человека, который сам не может добраться до кладбища. Та же м. Симеония отправилась в паломничество на неделю в Троице-Сергиеву Лавру в сопровождении сестры Марины Ваулиной, которая девять лет не могла самостоятельно собраться в желанную поездку.

Каждую встречу Господь посылает людям не случайно, но вовремя. Значит это нужно обоим! Кому-то хочется выбраться в воскресный день в храм на богослужение, кому-то нужно съездить в поликлинику, а кто-то мечтает о паломничестве. Нужны лишь добрые руки. У нас есть несколько добровольцев с автомобилями. Это простые люди, прихожане Пантелеимоновского храма, которые находят немного времени, чтобы заехать за человеком и отвезти, куда ему нужно. И сами они постоянно открывают в этом для себя что-то новое и необходимое. Так сложилось целое направление работы — «Вместе едем в храм». Люди просто звонят и предлагают свою помощь: «Может быть, нужно кого-нибудь куда-нибудь подвезти?» — все просто.

Лариса Алексеевна

«Ты еще придешь? Придешь?»

На самом деле помочь — это просто. Самое простое — помочь деньгами или приобрести памперсы для лежачих больных в богадельню или медикаменты в автобус милосердия. Такая помощь всегда с благодарностью принимается в нашем социальном отделе. Сложнее помочь душевно: найти время поговорить с одиноким человеком, уделить ему немного теплоты

и внимания. По себе знаю, что в житейской суете душа так устает и хочется уединиться и немного «отдохнуть для себя», «накопить сил». Это обманное чувство. Потому что когда делишься с другим человеком своим временем и общением, делишься «от скудности», от нехватки, то как же щедро Господь тебя вознаграждает! Нам, ходящим на работу, видящим город, транспорт, переваривающим огромный поток информации, решающим множество сложных и мелких вопросов, кажется трудным найти это время для другого человека, ничего не видящего, кроме потолка своей палаты и нескольких ухаживающих за ним людей. Но когда это удается сделать...

В богадельне живет Лариса Алексеевна. В свои 104 года она совсем потеряла слух, и, чтобы разговаривать с ней, нужно писать вопросы и ответы крупными печатными буквами. Когда ее шестилетняя сестричка тяжело заболела, и ее отвезли в больницу, она всю ночь, будучи почти в беспамятстве, молилась. Маленький ребенок молился Богу! Это укрепило в вере и Ларису Алексеевну, и ее отца. Вера всю долгую жизнь выручала их в самых труднейших ситуациях. Они видели, как города занимали то белые, то красные войска, как забирали людей

по ночам и люди не возвращались домой. Все, что ни происходило, было освещено помощью Божией. Эмиграция в Китай подарила Ларисе Алексеевне возможность ходить в православную церковь, в которой служил св. Иоанн Шанхайский. В Китае она пережила и войну, которая там почти не ощущалась, было лишь больно за проливающуюся на Родине кровь русских людей. Лариса Алексеевна только плакала и молилась за Родину.

— Теперь я смотрю на людей, которые не верят в Бога, и жалею их: бедные-бедные, как же вам плохо, как же вам трудно жить! Я то знаю, как хорошо в храме, какая благодать на душе, когда молишься!

Мы спрашиваем Ларису Алексеевну, как ей живется в богадельне, как к ней относятся сестры:

— Девочки, здесь семь разных сестер, но они все меня любят и я их люблю. Они меня кормят, целуют, ласкают... Очень мне здесь хорошо. 100 лет я о болезнях и не знала, была крепкой и сильной. А сейчас радостного в жизни вроде бы мало, ноги больные. Но придет сестренка, помассирует их, и сразу легче. Роденькая, ты еще к нам придешь? Придешь?

О. Василий

«Хочется послужить людям»

А еще в богадельне живет о. Василий Семенов. Он стал пастырем в самые богоборческие хрущевские годы. Молодому человеку с дипломом врача долго не разрешали поступать в семинарию, а по окончании ее не давали служить Богу на приходах. Утомительное, выматывающее противостояние уполномоченным по делам религии, церковным старостам — назначенцам от власти, доносам и заявлениям — не только это прошел о. Василий. Было и служение в Екатеринбургской епархии, сначала в Вознесенском храме, а затем в Храме-на-Крови. А потом больница, реанимация и богадельня. Дома осталась больная сестра («самая большая рана») и библиотека, которой о. Василий так бы хотел сейчас воспользоваться:

— Конечно, хочется еще послужить и Богу, и людям. В Храме-на-Крови работает один молодой человек, недавно купивший машину, так вот он будет мне помогать добираться на службу по праздникам. А еще я занимался тем, что готовил пятитомное издание — проповедниче-

ский сборник, подбор проповедей на различные темы, который когда-то попросили меня сделать. Два тома вышли, но ведь сам труд еще не закончен, если не издан до конца. Вот нашелся бы благодетель, который помог бы издать еще три тома! Хочется еще послужить людям...

Алевтина Трофимовна

«Самое главное — доброта и отзывчивость!»

На пороге квартиры в обычной пятиэтажке нас встречает патронажная сестра Юлия Короленок: «Мойте руки и проходите. Мы вас ждем». Проходим. На диванчике лежит немного смущающаяся женщина с улыбочивыми глазами. Это Алевтина Трофимовна. Примерно год назад она отправилась в торговый центр, где поскользнулась и, упав, сломала шейку бедра. В пожилом возрасте справиться с таким сложным и болезненным переломом трудно. Нужно, преодолевая боль, разрабатывать ногу, пытаться встать. Но при помощи сына и Юли Алевтина Трофимовна, преодолевая перелом и инсульт, все равно медленно, но верно встает. Это был первый адрес, на который выехали сестры.

И как важно оказалось встретиться этим людям вместе. Сначала Алевтине Трофимовне помогала другая сестра, с которой возникло недопонимание из-за веры. Алевтина Трофимовна и сейчас называет себя человеком «слабо верующим», а сестра верила «крепко и строго». Поэтому когда одна включала телевизор, чтобы посмотреть привычное ток-шоу, другая «растраивалась». Контакта не получилось. Зато когда в доме появилась Юля, воцарился мир и взаимопонимание. Через какое-то время Алевтина Трофимовна поделилась своей радостью: «Слава Богу, — сказала она, — что ты со мной о Боге не разговариваешь!». Но буквально через неделю тишина и любовь просто передались от одной души к другой, и над диванчиком с общего согласия появились иконы, а потом родились и совместные молитвы, и потребность в исповеди.

Алевтина Трофимовна рассказывает:

— Сестра в трамвае прочитала объявление о том, что такая служба существует, и мы позволили. Сначала боялись незнакомых людей, ведь сами знаете, какое нынче время... А с этим незнакомым человеком я должна была оставаться

одна. Но потом мы просто узнали этих людей. Мне помогала Елена Федоровна, дай Бог ей здоровья. Работая в 36-й больнице, зимой она приезжала к 7:30 утра ко мне в Пионерский поселок, чтобы сменить сына, который уходил на работу, и ни разу не опоздала. Теперь мы с Юлей живем душа в душу. Мы сразу понравились друг другу. Вообще все, кто приходил ко мне — замечательные люди! Самое главное в них — доброта и отзывчивость!

Вообще с тех пор, как я заболела, отношение к миру и к людям изменилось. Раньше я жила, как все, активно, все делала сама, сама могла другим помогать. И вдруг слегла. У подруг и знакомых много своих дел, они не могут быть часто рядом. Господь послал испытание, но послал и утешение — нашлись люди, которые помогают мне делать элементарные вещи: сесть, покушать, встать в ходунки. Сама встать в ходунки я не могу, в них ставит меня сын, и тогда я потихоньку хожу. Я уже даже во сне вижу, что я хожу. Если бы со мной не случилась такая беда, то я никогда бы, возможно, и не узнала таких людей и такого отношения.

Юлия Короленок

«Бог стоит рядом с больным»

Десять лет до патронажа Юля работала в епархиальной хосписной службе, где оказывают помощь онкологическим больным на самых тяжелых стадиях. Работа, требующая невероятной духовной стойкости, не сломала, а напротив, лишь укрепила в Юле желание и умение помогать людям. Тут очень выручала вера, а Господь посылал Юле помощь в самые сложные периоды жизни. Так, например, какое-то время она переписывалась с о. Иоанном Крестьянским, который сначала сам раз в месяц писал, а затем диктовал письма келейнику.

— В хосписе я оказалась случайно. Сотрудничая с отделом милосердия епархии, я попала на курсы сестер милосердия. Когда обучение подходило к концу, то мне казалось, что работать сестрой милосердия я не смогу, особенно в хосписе. Главный «довод» — «мне страшно». Но тут сразу же мне позвонили из хосписа: «Приезжайте! Мы на вас посмотрим!». Когда же я приехала, то первый вопрос был: «У вас есть безглицеринность?». Вот чего нет, того нет. Я писала о. Иоанну и другим старцам (благочинному Псковского округа о. Павлу, о. Иллариону из

Оптиной Пустыни) о себе, своей семье, о больных. Видимо, по их молитвам Господь меня всему и научил: как ухаживать, как общаться с больными, как относиться к ним. В хосписе были очень тяжелые, капризные люди, и каждый раз Господь меня вел и чему-то учил. И теперь Он послал мне, как подарок, Алевтину Трофимовну! Здесь я отдыхаю.

Теперь я убеждена, что ничего сложного в этой работе нет, если ты любишь человека. Ты приходишь в дом, как в чужой монастырь. Надо узнать человека, приспособиться к нему, встать на его уровень, любить, понимать, терпеть — тогда нет ничего сложного.

Мы просим Юлю вспомнить какой-то особо радостный момент в работе. Она теряет:

— Мне всегда радостно. Бывает, что прихожу на работу, а дома какие-то неурядицы. Как правило на работе все плохое забывается. Видимо, Господь угадал мою струнку. «Даст тебе Господь по сердцу твоему», — говорится в псалме. Я очень долго искала работу «по сердцу». Была и конструктором, и бухгалтером, но только эта работа вышла «по сердцу». И люди вокруг тоже оказались «по сердцу», так как со сменой работы сменился и круг общения, дру-

зья — все верующие. Посторонних людей Господь мне не посылает.

Все радости я получаю от общения с больными, как бы это странно для некоторых ни звучало. Бывает, просто созвонишься с какой-нибудь бабушкой, спросишь «как дела, как здоровье?», и она расцветает от внимания.

Мне кажется, что сегодня весь мир держится на инвалидах, ведь мучеников нет. Инвалиды — это и есть современные мученики. Постороннему человеку кажется, что ничего интересного в их жизни нет. Когда-то о. Сергей Вогулкин сказал, что рядом с больными, а не со здоровыми и веселящимися людьми, стоит Сам Господь. Так и есть, теперь я это не только поняла, но и почувствовала.

**Маша, Машенька
и Галина Михайловна,
или девять детей о. Владислава**

Несколько лет назад большая семья о. Владислава Петкевича опять собралась под крышей родного дома. Девять взрослых человек, оставив свои дела и служения, вместе с семьями приехали к отцу. Не замеченный вовремя инсульт превратил здорового, активного, строгого священника храма в честь св. Георгия Победоносца с. Слобода в беспомощного старика. Дочь Маша, служившая в Иоанно-Предтеченском храме регентом, рассказывает нам:

— Сначала мы никак не могли принять болезнь отца, его беспомощность. Я ждала ребенка, волнения были вредны, поэтому, чтобы не волноваться, я каждый день бегала в больницу и узнавала, есть ли улучшение состояния, поели ли, как он там? Потом родилась Машенька, папу забрали из больницы домой, и он стал как бы вторым ребенком. Меняю подгузник дочке и ему меняю, кормлю Машеньку и его кормлю. Болезнь отца нас сплотила еще крепче, хотя мы и так всегда были дружной семьей. Да, у каждого свои дела и заботы, но отец нас так воспитал, что даже и мысли не было о том, чтобы куда-то его отдать, как говорится, «чтобы не мешал». Мы поняли, хотя это и трудно было, что болезнь отца дана нам Господом для спасения наших душ.

Теперь мы распределили дежурство в течение недели между собой. Мы обратились за помощью только, когда сами не стали справляться, но и обратились к своим сестрам во Христе,

с которыми у нас единый дух. Раз в неделю к нам приходит сестра милосердия Галина Михайловна, ставшая для нашей семьи родным человеком. Машенька подросла, ей четыре годика, но и она уже ухаживает за дедом, уговаривает его лучше кушать, что-то приносит, ласкает дедушку или помогает мерить ему давление.

Патронажная служба

«С ними спокойнее, они не подведут»

1 октября 2009 года патронажной службе исполнилось два года. Работа держится на людях доброй воли, так как в штате только 6–8 сестер милосердия, а адресов на данный момент — 30. То есть добровольные помощники — основная опора. Кто-то приходит к своему «адресату» раз-два в неделю, чтобы просто занести необходимые продукты, что-то поправить, помыть, пододвинуть. Кто-то опекает человека более плотно. Все зависит от адреса и от возможности помогающего. Когда в службу поступает звонок, то Елена Яковлевна вместе с врачом Татьяной Петровной Елохиной выезжают на адрес. Татьяна Петровна отработала 20 лет на скорой помощи, и богатейший опыт работы помогает оценить ситуацию:

— Мы понимаем, что раз нас позвали на адрес, то Господь как-то указывает нам, что здесь нужна помощь. Мы же вместе решаем, в какой мере мы можем поучаствовать в той ситуации, которую застали.

Если у пациента есть родные, то обязательно оставляется фронт работ для них, так как это их крест. Все делим по-честному, определяя силы и возможности родных больного человека. Елена Яковлевна рассказала об одном звонке в службу. Звонил деловой мужчина, который «калькуляторно» рассчитал, что платить коммерческой патронажной службе 10–15 тысяч слишком накладно, что, поместив мать-старушку в богадельню, он сэкономит столько-то денег и времени...Его сухие расчеты были прерваны: «Знаете, мы можем с точностью рассказать, как будет развиваться ваша жизнь, как только вы «сдадите» свою маму в богадельню. Через какое-то время развалится ваша семья, бизнес и «добьет» здоровье. Мы вас не пугаем, просто у нас уже накопилась статистика». Он опешил, обещал еще подумать и больше не перезвонил.

Господь посылает крест (болезнь) не только самому пациенту, но и его окружению (родным, друзьям, соседям). Если рядом с тобой живет нуждающаяся в помощи старушка, а ты бездействуешь, то это означает одно — ты отказываешься от спасительного для тебя и пока еще простого креста. Безусловно, осознать и принять крест легче, если пациент и родственники верующие.

Помощь требуется всем, особенно неверующим или маловерным. У таких людей доверие православной патронажной службе даже выше, так как есть убежденность «православные надежнее, с ними спокойнее, они не подведут». Бывает, что неверующий пациент чувствует что-то светлое и настоящее, исходящее от православной сестры милосердия, но начинает противостоять этому. Мучается сам из-за противоестественного отторжения, которое возникает в его сердце, и усложняет работу сестры. А бывает, что такой пациент все силы своей души тратит на борьбу за физическое здоровье, которое утекает, как песок сквозь пальцы. День такого пациента сводится к приему лекарств, натирке всевозможными мазями, проведению процедур. Он не оставляет себе времени на то, чтобы подумать о самом важном для него, суетится и остается внутренне неудовлетворен, несчастен. Да и родственники в таких случаях чаще всего озабочены всем, кроме духовной жизни.

Если есть любовь, есть и терпение, и чуткость. А если любви нет, то первым шагом к ней будет мысль: рядом беспомощный страдающий человек! Возможно, вы просто не знаете о том, что он рядом? Возможно, вы просто не знаете о том, как нужен вам этот человек?

Если вы готовы стать добровольными помощниками патронажной службы Фонда «Милосердия», позвоните по телефону в Екатеринбург: (343) 345-40-32. Любые ваши посильные труды будут с благодарностью приняты!

Но большинство пациентов, наблюдая за работой сестры милосердия, в конце концов, высказывают свое радостное удивление: «Откуда такие люди? Кто их воспитал? Неужели доброта, милосердие, отзывчивость еще сохранились в наше время?». Удивление их естественно, так как за все время жизни, к ним, может быть, впервые так относятся «чужие» люди. Очень вдохновляет, когда человек, находящийся под нашей опекой, может быть, впервые в своей жизни начинает задаваться духовными вопросами (для чего он живет, что дальше, что за порогом жизни и так далее), когда он впервые подходит к исповеди, а затем и причащается Святых Христовых Тайн и обретает спокойствие, умиротворение.

Все сестры, с которыми мы общались, говорили об одном: все просто, если любишь подопечного. Просто, когда начинаешь работу с молитвы и просьбы ко Господу о даровании сил, мудрости и терпения. И сестра милосердия в богадельне Маша, и Галина Михайловна, помощница о. Владислава, и другие сестры говорят об одном: как только они откликнулись на объявление в газете о наборе в сестричество, как только приступили к работе, мир изменился. Подопечные и коллеги по работе очень быстро стали родными людьми, и православный круг общения привнес мир, спокойствие и любовь даже в повседневную жизнь.

**Реквизиты фонда
для ваших пожертвований:**

Милосердие
благотворительный фонд

ИНН 6658257743

КПП 665801001

Филиал «Екатеринбургский»
ОАО «Альфа-банк» г. Екатеринбург

БИК 046577964

к/сч 30101810100000000964

р/сч 40703810438030000020

**Священник
Анатолий Куликов,**
клирик храма
святого Луки

«Каждый из нас может оказаться на улице»

Если Господь попустит — каждый из нас может оказаться на улице, без крова над головой. Ни в коем случае нельзя тех, кого мы называем бомжами, осуждать. Нельзя быть уверенным: «Уж я-то в таком положении никогда не окажусь, всегда найду выход, поведу себя по-другому».

Мы привыкли думать, что бездомные — это люди, жиле свое пропившие. Но бывает ведь и так, что человек стал жертвой мошенничества, пожара, разорения, каких-то иных жизненных катаклизмов и потихонечку опустился, дошел до жизни такой. Ни в коем случае нельзя осуждать. А как помочь? Мне это видится делом очень сложным. Сколько я сталкивался с такими людьми — они хотят денег, еды — чего-то материального. Когда я трудился в храме в Нижнем Тагиле, наш староста, Сергей Цебенко, пытался дать тем, кто просил на паперти милостыню, работу. Надо было убирать территорию, делать что-то еще — за это платили и кормили. Эксперимент продлился где-то недельку, а потом люди сказали: «Нет, мы на паперти больше насобираем — зачем мы будем у вас тут еще что-то делать? Мир не без добрых людей». Вот такой печальный опыт.

Но мы как Церковь все равно должны каждому человеку попытаться помочь, а примет он нашу помощь или не примет — это его дело. Надо не просто накормить человека, а дать ему возможность измениться. Я вот еще что заметил. **Среди бездомных очень мало верующих людей. Это признак того, что не только внешне им тяжело живется — у них внутри беда.** Хотя, казалось бы, в такой жизненной ситуации только на Бога и надеяться — но, тем не менее, это почему-то не так. Может быть, в церкви их неприветливо встречают — ну, действительно, есть у нас такое отношение, мягко говоря, неприветливое. Что в автобус бомж зайдет — все начинают фыркать, что в храм — каждый считает за священный долг его выгнать.

Знаете, вот, когда человек пришел ко Христу, почувствовал благодать, а потом «ушел на страну далече» — ему сложнее вернуться. Так и с бездомными. Они ведь не всегда бродяжничали, когда-то жизнь их была вполне благополучной, оттого, может быть, сложнее возвращаться к ней из нынешнего состояния. Тут еще и маловерие: я уже жил этой жизнью, и у меня ничего хорошего из этого не получилось. Наверное, надо создавать такие церковные учреждения, в которых нищие и бездомные могли бы получать помощь — всегда. Чтобы, если человек решит вновь обрести человеческое достоинство, у него была бы такая возможность.

Священник
Димитрий Моисеев,
клирик храма Рождества
Христова

«Бездомные — следствие разрушения наших семей»

Прежде всего, мы как христиане должны оказать первую помощь бездомному, если мы видим, что он замерзает зимой, или даже в летнее время голоден и раздет. Понятно, что люди сейчас не столь богаты, чтобы содержать бездомных. Но первый долг христиан — помочь человеку, который не имеет пищи и одежды. Если видно, что человек пьющий — лучше подайте ему булочку или пакет молока. Накормите его — он будет вам благодарен еще больше, нежели за деньги. Если дети просят денег — надо, конечно, подумать о том, что вряд ли это пойдет им на пользу.

Подавать деньги детям — значит развращать их. Ну, а конфетку кто вам мешает дать? Что, от конфетки, которую вы дадите, ребенок хуже станет, что ли? Он, напротив, почувствует какую-то теплоту, благодарность. У святителя Василия Великого есть фраза: «Да запотеет монета в руках дающего». А у нас главная проблема милосердия заключается в том, что люди не хотят творить милостыню, а хотят формально исполнить какой-то свой долг. Надо милостыню подать — подали то, что в кармане оказалось — и пошли дальше. Но если ты действительно хочешь сотворить милостыню — потрудись немножко, подойди к магазину, купи там то, что бы сам хотел поесть, накорми человека — и он тебе, точно, спасибо скажет. А когда ты денег ему дашь — на словах-то он скажет: «Спаси тебя Господи» — а на деле, как он распорядится твоей милостыней?

Если говорить глобально — решение проблемы так называемых бомжей мне видится в решении проблемы семьи. Потому что возникновение такого количества бездомных является прямым следствием разрушения наших семей. **Обратите внимание, что большинство бомжей — мужчины, а женщин очень мало.** Потому что, когда семья распадается, женщина, имеющая детей, имеет и какие-то обязанности, с ними связанные, и этими делами она как бы фиксируется дома, в семье, она не может вести какой-то кочевой образ жизни, она более консервативна в этом плане. А мужчина, который потерял семью, лишается главного своего предназначения — быть мужем и отцом. Он снимает с себя ответственность главы семейства — и теперь он может делать все, что хочет, у него теперь — «свободная» жизнь. Но «свободная» жизнь чревата тем, что человек скатывается по наклонной плоскости, спивается, деградирует. Поэтому, если не укрепить институт семьи, в целом эту проблему не решить. Как детей-сирот сейчас стараются включать в семьи, а иначе большинство выпускников детских домов не социализируется, так и здесь — решение проблемы бездомных в том, чтобы они не появлялись вообще в природе, чтобы мужчина осознавал одно из главных

своих предназначений — быть главой семейства и чувствовал бы ответственность за свою семью, не бросал бы ее.

Если говорить о текущем моменте — самая главная проблема — та, что человек в наше время оказывается не при деле. Ушел из семьи, никому не нужен, попал в больницу, а из больницы — куда? На улицу. Если человек инвалид, недееспособен, что его ждет? Эти люди никому не нужны. Чтобы их определить в дом временного пребывания, необходимы документы, которых по разным причинам может и не быть. Честно говоря, наше общество не имеет сознания необходимости как-то этот вопрос решать. Это говорит о том, что большинство людей живет успокоенно, не видя этих проблем. А ведь как у нас говорят: «От тюрьмы и от сумы не зарекайся». Не зарекайся от того, что ты сам можешь попасть в такую ситуацию, когда у тебя не будет ни документов, ни здоровья, ни близких людей, и ты никому не будешь нужен, тебя просто выбросят на улицу, ты просто умрешь от голода и холода. Вот этого, к сожалению, люди не понимают, и государство пока еще мало делает в этом отношении.

У нас отсутствует система социализации людей, оказавшихся на улице. Нет, допустим, определенных поселений, где такие люди могли бы работать, например, в сфере сельского хозяйства, иметь кров над головой и хлеб насущный. Правда, здесь проблема в том, что многие из них работать как раз и не хотят. Поэтому должна быть очень серьезная программа социализации таких людей. Ведь должны же быть какие-то элементарные организации, где человек, оказавшийся на улице, мог бы получить возможность выжить и потенциальный шанс вернуться домой.

Сложность в том, что чиновник может решить эту проблему, но он не имеет человеческого контакта с этими людьми, не имеет вдохновения, которое двигало бы его к решению этих трудностей. А, скажем, священник имеет такое вдохновение, но у него нет реальной возможности, он ведь не может свою квартиру превратить в странноприимный дом. Взять человека к себе домой — это не решение, а, может быть, создание проблемы. Во-первых, с точки зрения гигиенических норм это не совсем правильно, мягко говоря. Во-вторых — ну, возьмете домой, и что дальше? Поэтому здесь необходимо

сотрудничество, понимание чиновников, что, если я не могу сам жертвенно служить людям, то я хотя бы должен предоставить такую возможность тем, кто к этому готов.

Сейчас движение некоторое в этом направлении есть. Министерство соцзащиты идет на сближение, но тут еще очень много надо трудиться, причем с обеих сторон, чтобы родился некий синтез. Верующие дали бы свою энергию любви этим обездоленным людям, а министерство за счет государственных ресурсов хотя бы минимально обеспечило бы жизнь этих, наших же, граждан. Они ведь тоже когда-то трудились на производстве, платили налоги государству и строили, и развивали его. Поэтому государство должно чувствовать ответственность за них и давать этим людям хотя бы минимум возможностей выйти из патового состояния.

Мы недавно столкнулись с такой ситуацией. Родственников у человека не осталось, дом у него сожгли — видимо, кому-то понадобилась эта территория. Потом он где-то нанялся на работу. Оттуда его убрали каким-то странным образом, так, что он оказался без сознания и попал в больницу. Документов у него нет — они остались где-то у работодателей. И вот ситуация — нет у человека ни дома, ни документов, ни людей, которые о нем бы позаботились. Фактически он недееспособный по здоровью, но живой еще человек, а формально он уже никому не нужен. Некому позаботиться о том, чтобы он выжил.

То, что у нас такие ситуации возможны — это, конечно, очень печально. Но ведь, если человек не имеет документов, он человеком-то остается. Даже оформлением временного удостоверения личности тоже кто-то должен заниматься. Хотя бы этот малый труд могло бы взять на себя государство. Должна быть система. Но, поскольку в этом мало кто заинтересован, она и не развивается. В этом даже нет вины органов исполнительной и законодательной власти, а наша вина здесь есть, потому что мы не выступаем с этими инициативами. И если нет предложений, нет беспокойства — конечно, власти будут делать лишь то, что и так, слава Богу, делают — но не более того. А эти ситуации предусмотреть не смогут, хотя они и находятся в сфере их деятельности. Выдвигать какие-то инициативы и предложения — это наше гражданское право. А их дело — это осуществлять.

Игумен Флавиан (Матвеев),
наместник Крестовоздвиженского
мужского монастыря

«Ребенок не должен жить на улице»

Конечно, когда мы говорим о бездомных, сразу встают перед глазами строки из Евангелия: «Прозящему у тебя дай и от желающего занять у тебя не отвращайся». И вот мы видим этих бомжей — грязных, неумытых, но, в то же время, это же живые люди, и они страдают у тебя на глазах. И, конечно, ты себе очень сильно повредишь, если будешь с ожесточенным сердцем их обходить стороной. Это дело понятное. Но сразу встает другой вопрос. Если каждый человек будет знать: стану бомжом — точно не пропаду, мне не дадут пропасть христиане — что из этого получится? Из этого получится полное усиление общественной безответственности. А у нас и так на каждом шагу, во всех областях жизни — вопиющая безответственность. Так что есть много разных сторон у этой проблемы. Мы у себя в монастыре различными способами пробовали как-то поучаствовать в жизни людей бездомных. **Для себя я сделал вывод: образец самой доброй и действенной помощи преподал нам святой Иоанн Кронштадтский, создав «Дом трудолюбия».** Вот лишился ты жилья, работы, потерял себя — приходи в «Дом трудолюбия». Заметьте, не «милосердия», а «трудолюбия». А там — живи по уставу: не пей, не кури, трудись на производстве, и всегда у тебя будет койка, тумбочка и тарелка — не пустая. Не будешь жить по уставу — до свидания. Понятное дело, что у тебя уже есть целый ряд сложившихся дурных привычек, и ты чувствуешь: «Я с этим не справлюсь». Чтобы совладать со всеми этими недостатками, нужна исповедь, нужно Причастие, нужна молитва. Ты попал в благодатный оазис, но и в нем ты уцелеешь, только если будешь пребывать в молитве. В результате человек, с одной стороны, упорно трудится, с другой стороны, он обретает человеческое достоинство.

Мы пробовали найти заинтересованных людей, которые могли бы вложить свои силы и средства в создание такого «Дома трудолюбия». Вряд ли он будет самокупаемым — конечно, понадобятся какие-то постоянные вложения. Но это — наиболее значимый проект, это — самодостаточный цикл. Человек в этом процессе находит труд,

молитву, спасительное жизненное делание. Он может в «Доме трудолюбия» находиться до конца дней своих, или, возможно, за его пределами как-то устроить свою жизнь, получить образование, найти работу, позволяющую содержать свое собственное жилье и жить уже своей головой. А такие дела, как автобус милосердия — это очень хорошо, что есть люди, которые бездомным сострадают и готовы им помогать не только словом, но и делом, они не брезгают, они трудятся — но это проблему решает лишь в какой-то ее части. Если, например, сломал бомж ноги и никуда его не берут — куда он денется? Автобус не будет ведь возить его целыми днями, и не каждая больница его возьмет.

Порой христиане звонят и говорят:

— Отец Флавиан! У нас возле детской площадки бомж лежит, не знаю, что и делать! Булку хлеба ему подали — он поблагодарил, сказал, что ноги у него отказали. Я в «скорую» звоню — там отказ, в милицию — там тоже отказ. Отец Флавиан, пожалуйста, сделайте что-нибудь!

— А почему вы за этого человека беспокоитесь?

— Так он же лежит на снегу, он пропадет!

— А почему вы думаете, что он пропадет? Он не пропадет, у него есть вы. Примите его в свой дом, окажите ему помощь.

— Ой, как же это?

— Ну, вот видите, вы к этой ситуации не готовы, а на меня стремитесь ее переложить, хотя сами можете оказать человеку вполне реальную помощь.

Такая вот проблема. Так что без «Дома трудолюбия» нам не обойтись. Как сказано в одном из апостольских посланий: «Страннолюбия не забывайте». Правда, странниками в апостольские времена были путешественники, которые пускались в путь пешком, а не иначе, из-за недостатка средств, и которые надеялись на гостеприимство местных христиан. Но, тем не менее, мы и в более поздних по времени житиях святых можем читать, что о таких страдальцах люди заботились.

Единственное, в чем я твердо убежден: ни в коем случае нельзя подавать милостыню детям-бродягам. Ни покормить, ни хлеба дать,

ни конфеток, ни денег — ничего. Настоящая помощь в данном случае — вернуть ребенка в семью либо определить на государственное обеспечение и воспитание. На первый взгляд такая позиция выглядит очень жестокой. Но, знаете, надо быть добрым, а не добреньким, это — разница. Потому что за этой «добренькостью» скрывается большое зло. Ребенок не должен быть и жить на улице. В некоторых американских штатах действует закон, по которому, если ребенок младше 13-ти лет прибывает в школу один — не в сопровождении родителей и не на школьном автобусе — местные чиновники будут всерьез разбирать эту ситуацию и, если усмотрят в ней вину родителей, дело будет передано в суд. Чем такие законы продиктованы? Стремлением оградить ребенка от влияния улицы и от влияния каких-то центробежных сил в нем самом.

Дети все время должны быть под присмотром, все время должны получать воспитание и образование. На улице — ни образования, ни воспитания, начинается обратный процесс, деградация. Чем обусловлена возможность находиться на улице для ребенка? Нашей неосмотрительной «добротой». Если ребенок найдет на улице шанс подзаработать — на рынке, у частников, не дай Бог, попадет в руки злонамеренных людей, детьми торгующих или займется воровством — он домой еще долгое время не вернется. А на первом месте из возможностей добывания денег — попрошайничество. Тут же и дурная компания найдется, и деградация личности начнется — а всему виной наше попустительство. Украл ребенок — ладно уж, это он по озорству! Попрошайничает — ну, как же не подать денежку или булочку? А вместе с ними — возможность для ребенка не получить образование и не получать воспитание. Деградация его ждет неминуемо, из такого ребенка вырастет именно бомж. Тем больше вины и греха на нас, которые в этом ему помогли. Со взрослым человеком все более понятно — он сам себе режиссер, сам строит свою жизнь. С ребенком — не так, за него мы все ответственны и он должен получать образование и воспитание — это и его права, и его обязанности.

**Протоиерей
Андрей Канев,**
настоятель храма
Владимирской иконы
Божией Матери

«Поможем ближнему — спасемся сами»

Тема эта кажется неоднозначной только потому, что мы — христиане — неоднозначно понимаем тему милостыни. На самом деле, тема эта, скорее всего, очень простая, а мы ее по-человечески усложнили, надумали, напридумывали себе. Все же на самом деле просто. Кто такие бездомные люди? Это люди, которые по попущению Божию потеряли дом. Если они к нам пришли, значит, их привел Господь. И традиционно в русской культуре такие люди воспринимались (и это отражено и в классической, и в духовной литературе, и в народном творчестве) иначе, чем сейчас. Их не осуждали, не гнали палкой, не рекомендовали сослать куда-нибудь на черные работы.

Что значит человек, потерявший жилье? Ведь он потерял не жилье, он себя потерял. Мой родной брат работал участковым милиционером, и у нас однажды произошел хороший разговор как раз на эту тему. У меня были свои наблюдения за бездомными, и я хотел услышать его мнение как профессионала, который тоже имеет с ними дело. Он сказал: **«Это очень гордые люди».** И это сыграло просто точка в точку, струна в струну, звук в звук, с моими наблюдениями. **Это очень гордые люди. И чтобы эту гордость сломать, Господь попускает человеку потерять дом, потерять свой нормальный человеческий облик, потерять нормальный образ жизни — не делает так, а попускает! Эту гордость не исправить какими-то человеческими силами.**

Как к таким людям относиться? Как к страдающим грешникам. Они уже опустились. У них, скорее всего, нет возможности вернуться обратно в нормальную жизнь, скорее всего, они умрут где-нибудь под забором. Только тут становится другая проблема. У Василия Розанова есть интересный рассказ, в котором описана следующая ситуация. Некий страдающий мужчина приходит с сыном к священнику, жалуется ему на жизнь, тот его слушает, утешает — по-простому, по-сердечному, потом достает гривенник и дает ему. И этот мужчина, взяв гривенник, выходит и думает: «Решились ли мои проблемы?» Там такая неоднозначная ситуация, что священник то ли откупился, то ли еще что.

И когда я сам попадаю в ситуацию, что надо чем-то человеку помочь, то становится понятно, что ру-

блями проблемы этого человека не решишь и совесть свою не усыпишь. Тут не должна их гордость встретиться с нашей гордостью. Пришел грешник — помоги ему, чем можешь, вот и все. Мы забываем о Том, Кто управляет всем этим процессом. Этим процессом управляет Бог Всемогущий, Вездесущий, Любящий, бесконечно Человеколюбивый, Всеблагий. Помните — Лазарь и богач? Что, Богу было трудно дать Лазарю деньги? **Нет. Знаете, почему Лазарь умер именно так, под забором у богача? Потому что, если бы у него были деньги, он бы не спасся. Это промысел Божий о человеке. Тот самый бомж, блудница, вор, кто-то еще — это все дети Божьи, их тоже Господь любит, и Своим Промыслом ко спасению приводит.** А мы рассуждаем, как фарисей: «Мы — не как прочие человецы: блудники, грешники, мытари». Но мы не знаем, как этих мытарей приведет Господь ко спасению. Если у меня в кармане есть только 10–20 рублей, а остальное — бумажки с телефонами прихожан, то я должен отдать то, что я имею — и все. На этом моя задача закончена. Мы должны понять ограниченность своих возможностей: я не могу решить проблемы этого человека, потому что их решает Бог вот этим его мытарством.

А я должен: есть деньги — дать, есть хлеб — дать, есть шуба — дать, есть лишняя рубашка — дать по заповеди. А мы по гордости своей и по какой-то искривленной мыследеятельности рассуждаем: «Дам деньги — пойдет пить, дам хлеб — выбросит, дам рубашку — продаст». Так это мы что за христиане такие стали? В Евангелии говорится точно: «Прозящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся». Все. А остальное предоставь Господу.

Я тоже этими мыслями болел, и меня один мальчишка хорошо проучил. Стою в булочной и покупаю хлеб. Тут мальчик: «Дяденька, дяденька, дай денег!» У меня сразу мысли: «Вот, токсикоман, на клей просит, на сигареты». Я ему говорю: «Будешь хлеб?» Он отвечает: «Буду». Я покупаю ему хлеб, а он с такой жадностью впивается в эту булку, что становится понятно: он на самом деле несколько дней не ел! Мне было стыдно — я готов был сквозь

землю провалиться. Неважно, что он токсикоман — он есть хочет! И Христос нас будет на Страшном Суде судить не за нашу новую русскую странную религиозную философию, а за то, помогли мы этим меньшим или не помогли. Вот и все. Все просто. А когда я начинаю думать: «Дать — не дать?», — это ведь уже пошли мои проблемы, это не его проблемы, он просто есть хочет.

И здесь надо понять, что это не нищие кровь нашу пьют, а это мы имеем возможность, благодаря им, избавиться от смерти. Потому что милостыня избавляет от смерти, как говорит Священное Писание. Мы друг другу нужны: они за счет нас выживают, а мы за счет них спасаемся. Не дай Господь нам оказаться на улице самим, чтобы какой-нибудь «благочестивый» человек не сказал нам: «А что этому жлобу давать?».

Если говорить о детях, живущих на улице. **Мы, христиане, должны особенно остро понимать, что живем в очень сложном обществе. Что в наше время детей на улице в процентном соотношении гораздо больше, чем во время войны. Больше! Это — болезнь общества, болезнь семьи.** Государство на сегодняшний момент не в состоянии решить эти вопросы. Если ты возьмешь ребенка за руку и отведешь домой, ты увидишь, ОТКУДА он сбежал. А там — пьющая мама. Я не умею и не хочу относиться к этой ситуации так, что: «Ты подохни, но иди к маме». И я не думаю, что мы — такие скорые, молодые, модные — сможем остановиться возле такого ребенка, сказать: «А ты кто? Как тебя зовут? А ну-ка, пойдем в Центр реабилитации и временного пребывания несовершеннолетних или к участковому». Это, наверное, очень высоко, но я так делать не смогу.

Государство может и должно эту социальную сферу восстанавливать. Мы должны, как Церковь, при необходимости освящать это, но не замещать собой государство. У нас для этого нет ни денег на строительство приютов, ни специалистов, ни средств. Государству легче спихнуть это на Церковь, а деньги потратить на полеты в космос. Священник должен идти к любым людям, которым он нужен, которые его ждут — и к богачам, и к беднякам.

**Священник
Сергий Вогулкин,**
настоятель храма во имя
Святой Мученицы
Татианы и храма во имя
Преподобного Илии,
доктор медицинских наук,
проректор по науке
Гуманитарного
университета

«К немощным на Руси всегда было милосердное отношение»

Среди бездомных есть люди с психическим заболеванием, с патологической тягой к бродяжничеству. Таких людей надо лечить. Если же человек оказался на улице в результате обмана, мошенничества — надо восстанавливать его в правах на жилье. Здесь должны работать психологи, социальные работники, юристы.

Это государственная проблема — помочь таким людям. При этом маловероятно, что они начнут работать, потому что они, как правило, пьющие и болящие, то есть, немощные. А к немощным на Руси всегда было милосердное отношение. Сейчас пытаются возрождать ночлежные дома, но это не решение проблемы. Может быть, выходом является размещение этих людей не в городах, а в сельской местности, с предоставлением им возможности работать и духовным окормлением. Главное — тут нужен человеческий подход.

Таланты

Какой из талантов главный?

Слово «талант» знают все. С юных лет родители начинают водить своих чад по различным студиям и кружкам, пытаясь раскрыть их таланты: музыкальные, вокальные, хореографические, художественные или спортивные. Так появляются профессиональные спортсмены, музыканты, художники, артисты. Но на самом деле «талант» — понятие более сложное и многогранное — раскрывает не только физические, но и духовные способности человека.

Оказывается, каждый человек талантлив по-своему. Так что же такое талант, как его в себе распознать, каким он бывает и — самое главное — для чего он нужен человеку? Ведь кто-то гордится и выставляет напоказ свои умения и возможности; другому все твердят, что он «зарыл свой талант в землю», а кто-то живет с ощущением, что у него нет никакого таланта. На эти «простые» вопросы сегодня отвечают о. Евгений Попиченко и о. Владимир Первушин.

Что же такое талант?

О. Евгений: Талант — это денежная единица, которая использовалась во время земной жизни Господа Иисуса Христа. Поэтому, говоря о Царствии Божиим, о взаимоотношениях Бога и человека в момент суда, Господь использует этот образ, понятный иудеям, которые очень хорошо ориентируются в товарно-денежных отношениях. Господь говорит о том, что одному господин дал пять талантов, другому два, третьему один, а затем дал задание употребить их в рост. Потом господин спросил, как они эти таланты использовали.

В переносном значении талант — это одаренность, способность к какой-то деятельности, духовной или профессиональной, в которой талант будет приумножен.

Получается, что человеку нужно обязательно приумножать талант? А нельзя просто жить «тихо-мирно», ведь поиск, развитие, а затем реализация таланта — дело хлопотное?

О. Евгений: Наверное, можно, как собственник и прожил один из рабов господина, который закопал данный ему талант в землю. Но это же называется паразитизмом. Если мы посадили зернышко в землю, то ждем, что из него вырастет дерево и принесет плоды. И нам неинтересно просто разбросать семена и на этом успокоиться. Так и Господь сеет зерно, чтобы человек принес плоды на ниве Господней, которыми бы он служил Богу и людям. Поэтому талант всегда дается Богом целенаправленно для того, чтобы человек послужил.

А зачем служить? Ради процесса, чтобы заполнить время жизни?

О. Евгений: Нет, ради любви. Человек приходит в мир, чтобы вырасти из образа в подобие Божие. Господь, творя человека сказал: «сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему... И сотворил Бог человека по образу Своему» (Быт. 1: 26-27). Нет слова «подобие», и этим Писание выражает призвание, предназначение, то, к чему человек призван Богом.

Нам даны таланты, некоторые потенциальные черты образа Божия. Но для того, чтобы человек вырос, достиг замысла Божьего о нем,

необходимо эти таланты в сотрудничестве с Богом довести до подобия, то есть приобрести подобные Богу качества. Потому что в противном случае, как сказано в Священном Писании, «у неимеющего отнимется и то, что имеет» (Лк. 19:26). Потому что одаренность — это дары, данные в рост.

Но если человек стремится прожить жизнь для себя, то на это Господь говорит: «кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее». (Мк. 8:35). То есть тот, кто свою жизнь истратит на то, чтобы послужить Богу и Евангелию, тот в вечности приобретет ее. Наверное, необходимое условие достижения вечности — стремление человека служить, созидать.

То есть при помощи таланта каждый человек находит и развивает в себе черты образа Божьего? Свободу, творчество, любовь, разум?

О. Евгений: Да, именно так. Талант, как лакмусовая бумажка, помогает определить активность «раствора», живость нашей души. Одаренность позволяет обратить внимание на Бога и возблагодарить Его, то есть воспринять это с благодарностью. Мы знаем слова св. Иоанна Златоуста, что «вера — это удел душ благодарных». Без благодарности невозможно угодить Богу, потому так много в наших богослужениях славословий. Человек, приходя в храм, постоянно вводится в атмосферу благодарности: «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу», «Слава Тебе, Показавшему нам свет» и т. д. И при правильном отношении к таланту, он понимает: это мне дано, это не мое, это не я такой замечательный, что достиг таких результатов, я просто развил то, что мне было дано на время.

Господь дает человеку талант по силам его: одному пять талантов, а другому — один. Но почему Господь не дает людям равное количество сил?

О. Владимир: Потому что у Бога даже двух капель воды одинаковых нет, не говоря уже о людях. Все люди разные. Если всем дать равное количество сил, человек уже не будет образом и подобием Божиим. Бог неповторим, и человек индивидуален и неповторим. Можно

было бы болванчиков понастроить, одинаково заточенных, как карандашики в коробке. Не будет в этом красоты.

Так и у мастера-ювелира все изделия неповторимы, а при фабричной штамповке 10 тысяч экземпляров одинаковы. Все, что сотворил Господь, красиво, поэтому мы такие непохожие, и таланты у нас разные.

О. Евгений: Действительно, есть разные таланты, и мы их по-разному оцениваем, если под талантом мы подразумеваем выдающуюся способность. Например, Моцарт или Бетховен. Наверное, нельзя сказать, что они стали великими композиторами, просто потому, что с ними в детстве очень хорошо занимались музыкой. Сначала они были призваны Богом и одарены Богом, а родители смогли это увидеть и развить.

Но не каждый человек может иметь такие выдающиеся способности...

О. Евгений: Конечно, не всем дан подобный дар, но человеческие способности есть у каждого: все должны быть добрыми, милостивыми и так далее. И такие способности могут быть развиты в полную меру. Пример — святая преподобномученица Елизавета Федоровна, которая жизнь свою отдала ради служения людям.

Неодаренных людей нет, каждого Господь по-своему одарил. Конечно, во многом здесь влияют гены. Потому что добродетель, как и грех, передается по наследству, как некоторая предрасположенность. Но абсолютно бездарных людей нет — талант веры имеет каждый человек.

О. Владимир: Абсурдно говорить, что есть большой талант, а есть маленький. Так же как нет большого греха, нет маленького — грех есть грех. Например, великий был талант у нищего Лазаря, который сидел возле ворот богача. Это талант — со смирением принимать все то, что ему послал Господь. Этот талант обеспечил ему вхождение в Царство Божие. Потом тот самый богатый человек завидовал ему. Такие таланты заметны не многим. В обыденной жизни мы не удивляемся, когда встречаем просто приветливого человека. Он находится среди нас, как искра, и все вокруг загорается, и всем сразу хорошо от присутствия этого че-

ловека. Казалось бы, велик ли талант? Однако видно, что это дар Божий!

Священное Писание говорит: «Ревнуйте о дарах». А какие это дары? Те, которые даются в таинстве миропомазания: вера, надежда, любовь, кротость, воздержание. Именно об этих дарах надо ревновать. Не завидовать, что у кого-то они есть, а у нас нет, а стяжать их в себе, найти, и как семечко беречь и растить, чтобы ничто внешнее не заглушило и не отравило этот росточек.

Эти дары человек в себе сам развить тоже не может?

О. Владимир: Если Господь посеял, то Он и дает силы растить. А если на то нет воли Божией, то ничего не получится. Духовные дары развиваются таинственно и незаметно! Святость незаметна, нельзя посмотреть и точно определить, что человек святой. Симеона Верхотурского даже хотели побить, за то, что он шубы не дошивал. Потом, когда внимательно глядели на его работу, догадывались, что осталось-то чуть-чуть дошить, а Симеон ушел и денег не взял. Сначала просто удивлялись, а затем оказалось, что это Божий человек, святой. Точно так же среди нас ходят такие люди, а мы не видим их даров, талантов. Город наш стоит, значит, хотя бы один святой в нем есть. Иначе ради кого Господь хранит его?

Чтобы развивать духовные таланты — нужно работать над своей душой. А что делать, если человек никак не может определиться с мирскими талантами?

О. Владимир: А зачем ему определяться? Для своего тщеславия: вот какой у меня талант! У всех есть таланты, а какие именно — это уже неважно.

Определиться, чтобы найти работу по призванию, чтобы она приносила удовольствие самому человеку и максимальную пользу окружающим.

О. Владимир: Тогда это не к священнику надо обращаться, а к психологу, пройти тест по трудовой ориентации и найти эти таланты. Но если человек ради тщеславия ищет, думая «я же должен быть в чем-то талантлив», то никакой пользы ему не будет. Может, потому эти таланты и скрыты: если в нас имеются зачатки тщеславия, чтобы эти таланты нам во вред

не были. Тогда нужно просто делать то, чему тебя научили. Делать честно, на благо людей и во славу Божию, тогда любая работа будет приносить удовольствие, так как в ней появляется смысл.

О. Евгений: Действительно, не всегда нужно искать прочную взаимосвязь таланта и профессии. Она может быть очень условна. Ведь есть совсем приземленные виды деятельности. И что же? Признать, что в ассенизаторы идут бездарные или совсем безразличные люди? А может, это люди смиренные, которые готовы послужить ближним? Мне кажется, человек призван понять и найти свое предназначение, свой талант. К примеру, кому нравится работать с документами и цифрами — выбирает профессию бухгалтера, у кого есть тяга к медицине — становится врачом или ветеринаром. Но, к сожалению, есть и такие люди, которые просто по течению плывут и всю жизнь жалуются на свою работу.

О. Владимир: Мне кажется, что вообще не нужно разделять таланты на духовные и мирские. Это человек — духовный или нет. А талант, какой бы ни был, может служить разным целям. Например, музыкальный слух. Или человек славит Бога на клиросе, или зарабатывает похабными песнями в переходе. Духовный человек употребляет на духовные цели свой талант.

Даже при условном разделении на духовные и мирские таланты понятно, что степень развитости духовных талантов определяет участь человека на Страшном Суде: насколько ты милостив, насколько ты любишь. А обычные мирские таланты — умение что-то делать руками, владение голосом — на том свете пригодятся?

О. Владимир: Я не знаю, будем ли мы что-то делать рукам и ногам на том свете. Будущее мы видим призрачно, как бы сквозь тусклое стекло. Трудно сказать, как пригодятся именно эти таланты. Но то, насколько мы ими изменили свою жизнь и жизнь окружающих людей, — это, я думаю, пригодится на том свете. Вот у меня дедушка прекрасно вырезал наличники, я до сих пор, проезжая по району, узнаю наличники, которые он сделал. Если таким образом человек славит Бога...

Или как Симеон Верхотурский за свою работу ни копейки не брал... Такой мирской талант, конечно, изменяет душу. И отношение окружающих людей к нему и к Богу, Которого он прославлял своими делами, это на том свете пригодится.

О. Евгений: Житейский талант не стоит напрямую связывать с вечной жизнью. Любые обстоятельства человек может использовать как на спасение, так и на гибель. Вопрос: как ты относишься к послушанию? Надо самую последнюю работу выполнять со смирением. Или эта работа тебя будет смирать, если ты будешь ее честно выполнять, не будешь халтурить.

То, что человек делает через силу, что не доставляет ему удовольствия, с духовной точки зрения приносит больше плодов. Тебе нравится, например, молиться. Святые отцы говорят, что если молитва идет легко, то ты не достигаешь каких-то результатов, так как ангел вместе с тобой молится, и Господь тебе

дает поддержку благодатную. А когда не хочется молиться, но ты себя понуждаешь, преодолевая свои нерадение, лень, инертность, тогда и результат больше.

Точно так же человек несет послушание на низкой работе. С точки зрения мира, он абсолютно бездарный, но, честно выполняя этот труд, он у Бога приобретает великую и богатую милость. Например, среди великих композиторов святых нет. Потому что их талант был вознагражден или внутренним удовлетворением, или признанием.

Но про святых в Писании сказано: «Те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли» (Евр. 11:38). Настоящие праведники незаметны, напротив, кажутся абсолютно бездарными. Можно вспомнить рассказ Никифорова-Волгина «Молитва». Его героя, отца Анатолия, многие называли горесвященником: и проповеди у него нескладные, и речь мужицкая, и неказистый он. Но в Бога так верует, что чудеса может творить, когда молится, разговаривает с самим Богом. Здесь есть обратная перспектива: чем более человек в мирском деле талантлив, тем меньше у него возможностей развивать таланты духовные.

«Зарытый талант» — это только талант, не использованный во благо? Сегодня очень часто людям говорят, что «зарывать свой талант в землю нельзя»...

О. Владимир: Почему нельзя? Очень даже возможно. Талант, зарытый в землю — это талант, реализованный из тщеславных, эгоистичных и других соображений. На телевидении есть масса людей, которые всех смешат, острословят, умеют зацепить человека. Для чего они это делают? Чтоб показать себя или заработать. «Зарыть талант в землю» — значит вкладывать в себя. Мы без Бога — набор элементов из таблицы Менделеева. Если мы в себя вкладываем, зарываем в свою земную славу, в богатство и т. д. Остроумие можно направить, например, на апологетику ценности христианства. Если посмотреть на диакона Андрея Кураева или на Алексея Ильича Осипова, на других проповедников, они направляют свое остроумие на защиту ценностей христианства, а не на их высмеивание.

А все ли таланты даются Богом? Может быть, способность к остроловию, высмеиванию других или хитрости не от Бога?

О. Владимир: Несомненно, все от Бога. Но от нас зависит, как мы это используем. Господь дал нам разум, а мы используем его не во славу Божью и не для достижения Царства Божиего, а для обмана, оскорбления других людей.

Но бывают же такие таланты, которые, казалось бы, совсем трудно реализовывать «во славу Божию». Например, спортивные.

О. Владимир: Мы служим Богу не только в храме. Да, священники предостоят у престола, но ведь Богу служат все православные. Церковь есть организм, и не всем же быть сердцем, не всем разгонять кровь по сосудам и органам (это как раз функция священника), но кто-то служит «руками», кто-то «ногами» и так далее. Когда футболист на поле, забив гол, крестится, то таким образом он прославляет Бога своим футбольным талантом, потому что на него смотрят другие и проникаются этим духом. И неспроста судебными решениями футболистам запрещают на поле молиться и

креститься. В американских школах не разрешено не то, что говорить о Библии, а даже держать ее на учительском столе, а жене американского президента нельзя давать интервью с крестом на шее. Но и эти люди, которые не имеют возможность напрямую славить Бога в своей профессиональной деятельности, могут делать это через свои поступки и отношение к окружающим людям.

Вы сказали, что главное — направлять талант на служение Богу, но в истории человечества есть такая проблема, как «гений и злодейство». Совместимы ли они?

О. Владимир: Можно сказать об ответственности человека за таланты. С того, у кого маленький талант, и спрос меньше. Или, например, великий мыслитель — с него и спросится больше. У Светланы Копыловой есть песня про двух грешников в аду: один удивляется тому, что под его котлом все больше и больше разгорается огонь, а под вторым все гаснет и гаснет. Второй был простым воришкой, за которого молятся родственники. А первый был писатель, и книжки его до сих пор развращают других людей.

Если посмотреть на те социальные конфликты и революции, которые происходили в мире, то мы увидим, что все они опираются на какую-либо идеологию. Революция 1917 года питалась идеями Карла Маркса: это именно его руки душили, расстреливали и прочее. ГУЛАГ и другие лагеря — продолжение мыслей Герцена и Чернышевского, которые просто сидели где-то в тишине и размышляли при зажженных свечках и, казалось бы, ничего не делали. Последствия раздумий Фридриха Ницше — это вытоптанная фашистскими сапогами Европа и Россия. Идеи Зигмунда Фрейда «живут» во всех развратных притонах. У каждого реализованного греха есть идеологическое обоснование, обоснование его права на существование в человеческом обществе. Чем больше талант, тем больше ответственность.

Поэтому не надо в себе что-то искать. Надо будет Богу, Он явит. Опять обращаясь к песне Светланы Копыловой «Кисточка в Божиих руках»: ты возомнил себя художником, но ты не художник, ты просто кисть. Нужно иметь такое смирение, чтобы воспринимать себя ин-

струментом в руках Господа, а не обладателем какого-то особенного таланта. Иначе мы не сможем заметить, что, присваивая себе талант, мы обкрадываем Царя, Господа, который и одарил нас талантом. Смирение — это самый главный талант, который нам необходим. Все остальное приложится.

Бывает, человек очень талантливый, его творчество вдохновляет других людей, они видят красоту и прославляют Бога, но сам он при этом неверующий.

О. Владимир: А красота без Бога возможна? Один святой человек сказал, что красота внешняя без красоты внутренней — уродство есть. Без Бога она заканчивается всякими конкурсами красоты.

Если говорить о живописи, пока общество наше считалось христианским, какая прекрасная была живопись. Васнецов, Нестеров — они практически иконы творили. И взять сегодняшней кубизм, авангардизм и прочее. Большинству нормальных людей трудно в этом видеть красоту. Здесь есть определенный оттенок элитарности, ты не понимаешь, потому что ты не принадлежишь к элите. И соответственно такой стереотип: если ты хочешь принадлежать к элите, ты должен это понимать, ну или сделать вид, что понимаешь. Это такой капкан современной культуры. А красоты там давно нет, потому что если Бога нет, о какой красоте можно говорить.

О. Евгений: У Достоевского есть хорошие слова, к которым мы привыкли и часто цитируем: «Красота спасет мир», но забываем продолжение этой фразы: «Но добродетельна ли она?» Говоря о талантах, мы почему-то ориентируемся на таланты внешние: ум, умения, красота телесная, предприимчивость, трудолюбие. Но как тело одухотворяется душой, так и всякая земная красота, талантливость, даровитость должна одухотворяться добродетелью. Только то, что создается во славу Божию, обретает вечную ценность. Если же человек своими талантами служит себе, себя пытается приумножить, возвеличить — как в притче о безумном богаче, который богател «в себя» — это безумство. Желаю всем нам богатеть в Бога, а не в себя.

Беседовала Ксения Возгривцева

Бог, потерявший человека, и человек без Бога

Этим летом мы с подругой отправились в Ярославль. Для нее это была первая встреча с городом, а у меня когда-то именно здесь произошла очередная «первая встреча» с Богом. Он еще только «мерещился» мне в потрясающе красивых храмах, светящихся тихим светом иконах и в могучих голосах колоколов. Только спустя несколько лет я осознала, насколько важной была эта встреча. Теперь мы ехали в гости к городу и в гости к одному уникальному ярославскому звонарю. Из всего вороха впечатлений хочу поделиться с читателями «Православного вестника» двумя историями.

ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК БОГ ОСТАЛСЯ БЕЗ ЧЕЛОВЕКА

Сегодняшний Ярославль — музейный город. Если раньше в каждом околотке боголюбивые ярославцы возводили сразу по два храма (один летний, а другой зимний), то теперь лишь некоторые храмы собирают прихожан на богослужения. Остальные же законсервированы и отданы для посещений туристических групп. Во многие храмы можно попасть только по билетам, а большинство — лишь снаружи побелены, и внутрь никому не попасть.

Гуляя по городу, мы добираемся в Иоанно-Предтеченский храм. За толстыми стенами этого каменного красавца не чувствуется летняя жара. Стены «одеты» от пола до сводов во фрески. Тяжеловесные резные, позолоченные рамы когда-то обрамляли иконостас, а теперь слегка прикрывают кирпичную кладку. Алтарь «глядит» на входящих своими пустыми «глазницами», Царские врата заколочены... Службы нет. Только яркий солнечный свет длин-

ными лучами рассекает пыльный прохладный полумрак. Тихо, где-то далеко гудит город, но здесь ни один звук не тревожит этот брошенный людьми «корабль».

Фрески живут своей жизнью: вот люди стремятся по волнам на корабле, убирают урожай с полей, бегут от бесов, исцеляют больных, мучаются в руках язычников, предстоят Христу и Божией Матери. Застывший, исполненный движениями мир. Вода, воздух, деревья кажутся совершенно реальными, но это преобразенная реальность, какая-то иная даже с точки зрения физиологических ощущений. Более плотная, насыщенная, полная...

Только напитаться этой полнотой здесь некому. Говорят, что в брошенных храмах службу правят ангелы. Смотрим на то, что раньше было иконостасом: вот ряд местничтиных икон, вот здесь должна быть храмовая икона, а здесь «Тайная вечеря», здесь иконы праздников, здесь деисусный ряд, а выше пророки и праотцы. Нет ни одного изображения, только крест наверху сохранился.

Я представляю как на месте зияющих пустот появляются иконы, из северных врат вы-

плывает диакон, чтобы возгласить ектенью, храм наполняется прихожанами, пением... и оживает.

Очень хочется присоединиться к славословию, поэтому мы тихонько начинаем петь трисвятое, «Свете тихий», «Богородице дево, радуйся» и «Сподоби Господи». Сначала совсем тихо (а вдруг смотрительницы, упрятавшие ноги в чуни, выгонят или скажут, что нельзя петь), а потом все увереннее и громче выделяя самые важные слова. На стене находится изображение святого Пантелеимона, который в каждом храме по-родному встречал нас, поэтому и ему поем тропарь и кондак.

Уходить из этого живого храма не хочется, потому что здесь так просто говорить со Христом, исповедоваться Ему, радоваться Ему и каяться в том, что вера ослабла, что молитва утеряна, что храм души разорен. Сожалеть, что Божий храм теперь не домом молитвы нарекается, а одной из точек на карте достопримечательностей города.

Вот так Господь остался без человека в этом храме... впрочем, как и во многих других.

ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК ЧЕЛОВЕК НЕ ВИДИТ БОГА

Ярославский музей-заповедник, называемый в народе «кремль» на самом деле когда-то был Спаским монастырем. С XII века за крепкими каменными стенами возводились храмы. В XVI веке в монастыре выросла основная звонница с небольшой церковью внизу. А над Святыми воротами в это же время была возведена маленькая звонница, именуемая в народе «башенкой».

Но это все было «когда-то»... Теперь толпы туристических групп туда-сюда пересекают территорию бывшего монастыря, женихи и невесты с гостями разной степени опьянения приезжают делать фотографии, торговцы скупают перед длинными столами с сувенирами.

Именно в заповеднике и работает потрясающе талантливый звонарь Андрей Федорычев. Работает самое подходящее слово, так как утром он приезжает на своем немодном велосипеде в монастырь, чтобы звонить для туристов — это его работа. На стене его небольшой каморки, заполненной различными необходимыми на колокольне мелочами, висит расписание прибытия теплоходов и туристических групп.

Когда группа подходит к звоннице, экскурсовод вызывает Федорычева к колоколам, он звонит и уходит, а желающие отблагодарить музыканта бросают деньги в ящик. Совершая за день до семидесяти (!) звонов, он прекрасно изучил особенности характеров разных наций, а также научился звонить даже в полусонном состоянии. Звоны доведены до совершенства, каждое движение отточено и автоматизировано. Между наплывами туристов он садится на свой велосипед и отправляется пить кофе в уличном кафе.

Вообще для звонаря это совсем нетипичный образ жизни. Потому что традиционный звонарь живет и служит вокруг богослужения: звон до, во время и после службы — вот и все. Но Федорычев не традиционный звонарь, а звонарь-музыкант, супер-профессионал и настоящий художник в своем деле.

Когда-то, 16 лет назад, он пришел в заповедник и попросил: «Можно я буду у вас звонарем?». Тогда он впервые попробовал звонить и начал день за днем все больше и больше понимать колокола, их звучание, характеры, голоса. Затем начал нарабатывать технику, совершенствовать развеску, придумывать звоны.

Постепенно на звонницах появились необходимые колокола, которые Федорычев часто покупал на свои деньги или одалживал у коллекционеров. Он отдается своему делу целиком и полностью, и

может долго говорить о тонкостях техники звона. Вечером, когда заповедник закрывается для посетителей, он поднимается на звонницу и репетирует новые звоны, часами отрабатывая какой-нибудь сложный, красивый аккорд. Вся жизнь его закручивается вокруг колоколов... Но он абсолютно не верит в Бога...

Трагическая двойственность с трудом укладывается в голове и совсем уж не принимается сердцем. Талантливый человек, одаренный Богом, трудолюбивый, очень добрый, открытый и заботливый, он принял нас, как друг, водил по колокольням, все показывал, всему учил, опекал и «нянчался» с нами. Усталые экскурсоводы знают, что в каморке Федорычев встретит их, напоит чаем с шоколадными конфетами, подкормит особо страдающих бутербродами, для приободрения расскажет веселую историю.

Может ли быть добро без Бога? Да, может, только спасительно ли оно для делателя? Его звоны необычайно красивы и сложны по рисунку: звуки ложатся четко и спокойно, каждый на свое место, за одним ритмическим рисунком вырастает другой, третий. Редкий толстокожий человек останется равнодушным сторонним слушателем. Звон разрастается вокруг, словно волшебный сад, посаженный с любовью талантливыми руками мастера. Но при этом в звоне слышится и что-то трагическое: ритм неожиданно и часто ломается, меняется. Общее минорное звучание колоколов усугубляет ощущение, что в федорычевских звонах есть какая-то вторая сторона.

Талант побеждает человека, если у человека нет Бога. И эта победа выражается в неимоверной усталости, в унылом и потухшем взгляде (при том, что человек занимается любимейшим делом). Как бы ни был прекрасен звенящий «хрустальный сад», созданный мастером, он — всего лишь искусство. Сад подчинен мастеру, замкнут на нем (это звоны Федорычева, его стиль и больше ничей, он неповторим), но и мастер замкнут на своем музыкальном мире. Этот мир велик, как велика фантазия и возможности музыканта, но и ограничен. Ограниченность при полной творческой способности мастера — парадокс!

Может ли быть красота без Бога? Может. Но это ограниченная красота. Безграничен лишь Бог, и когда человек «поет славу Богу» через искусство, он приобщается к настоящей свободе. Все остальное искусство без Бога — это не свобода, а рабство, пусть даже с очень индивидуальным непо-

вторимым лицом. Человек в рабстве у самого себя, у своего таланта. Искусство с Богом «просто», так как Бог прост. Православному звонарю не нужно усложнять рисунок звона, чтобы прийти до сердца человека и донести ему весть о Боге.

Традиционный звон не развлекает, напротив, он концентрирует внимание на красоте Божиего мира. С одной стороны, авторские звоны не о Боге, а об Авторе, поэтому они растаскивают внимание вслед за интересными рисунками, меняющимися друг друга.

Но при этом даже в такой красоте, созданной человеком без Бога, есть отблески настоящей красоты. Потому что настоящий художник, как бы он ни отрицал Бога, как бы ни сопротивлялся Ему, помимо себя все равно выражает и истинную божественную красоту. Он чувствует ее, разлитую во

всем мире, и в красках природы, и в людях. Чувствует и не может не выразить.

С другой стороны, любое произведение искусства рождается в диалоге со зрителем. Пусть красота родилась в сердце, где не живет Бог, от этого она еще не стала совсем бездуховной! Потому что она будет зависеть от того, какие люди встретятся с ней. То есть звон Федорычева обязательно расскажет о Боге и прославит Его, если его услышит верующий человек! Только в сердце верующего человека звон раскроется в полной мере, раскроется даже то, что для Автора пока закрыто, недоступно.

Странно и трагично — человек не видит Бога, Который так явно его одарил талантом, отрицает Его благость, будучи добр к людям, не признает Бога, хотя всей душой стремится выразить красоту и гармонию Божиего мира.

Вот две встречи. Покинутый храм-музей и опустошенная, ищущая, страдающая человеческая душа. Они нуждаются друг в друге... но встретятся ли? Станет ли храм-музей опять Храмом, а душа — Человеком?
Господи, помоги!

Ксения Возгривцева

Александр Новиков:
**«Спасение нашего Отечества
только в правде»**

Талант, данный Господом, можно использовать как во славу Божию, так и во славу свою. Первое неизмеримо труднее. За примерами последнего далеко ходить не надо. Тех, кто пытается идти узким путем и входить тесными вратами, меньше в разы. Но они есть. С таким человеком мы и беседуем сегодня. Это поэт, певец и композитор Александр Васильевич Новиков.

— Александр Васильевич, Вашими трудами были отлиты колокола и для Храма на Крови, и для монастыря святых Царственных Страстотерпцев на Ганиной Яме. Зачем Вам это было надо?

— Много для чего это было надо. Это было и восстановлением какой-то исторической справедливости, и закладкой первых кирпичей в здание новой духовности страны — потому что она была порушена за 70 с лишним лет советской власти и богоборчества — этого глумления над верой, над всем святым, что накоплено за столетия истории — причем, гордой, великой истории. Все было порушено, осквернено. И для того, чтобы это могло начать произрастать снова, нужны храмы и обязательно колокола.

Колокол на Руси издревле был даже больше, чем знамя. Когда одно княжество завоевывало другое, первое, что делали — снимали вечеровой колокол, выдирали у него язык и увозили колокол к себе. Люди, приезжая в этот город, видели, что нет вечерового колокола, и спрашивали, где он. «Во Владимире», — значит, эта земля уже Владимирская.

После того, как царевича Димитрия убили в Ужгороде, вечеровой колокол сняли, поролы кнутами, отрубили ему уши и увезли в Сибирь. Колокол почитался как живое существо. Он созывал на вече, возвещал о каких-то значительных событиях, и во время эпидемий тоже звонили колокола. Это очень важный и неотъемлемый атрибут нашей истории. Вот почему мне это было надо.

А, кроме того, колокол все-таки музыкальный инструмент, а я музыкант. Мне было приятно отлить колокол и послушать, как он звонит. Конечно, не каждый колокол звонит красиво. Но Бог послал настоящего мастера — это Николай Пятков — и мы с ним вместе эти колокола сотворили.

А начиналось все задолго до того, как построили храм на месте расстрела Романовых, в 1992 году. Ко мне в офис пришел совершенно незнакомый человек, по виду мастеровой, в полном понимании — уральский мастер. По рукам было видно, что это либо камнерез, либо металлург, литейщик. Он сказал: «Здравствуйте, я Николай Пятков. Я колокольных дел мастер, свое дело только начинаю. У меня к вам очень интересное, может быть, безумное, фантастическое предложение, но я хочу, чтобы оно осуществилось. И я уверен, что принять в нем участие должны именно вы. Я хочу отлить колокола для храма на месте расстрела Романовых. Но для этого нужны средства, их у меня нет». И он предложил отлить семь колоколов, по числу членов Царской Семьи: от самого маленького, в честь цесаревича Алексея, до самого большого, в честь самодержца Николая. И на каждом колоколе — соответствующий барельеф. И еще общий большой колокол с иконами. Я вообразил эти колокола, которые Пятков обещал сделать произведениями искусства — с образами, с вязью... Меня идея эта захватила сразу.

На том и порешили. Самого Храма-на-Крови тогда еще не было, было только реше-

ние Священного Синода о его строительстве. Но я нисколько не сомневался, что храм рано или поздно будет построен. И мы занялись колоколами для него.

Я помню, как радовались мастера, которые их отливали. Они понимали, что делают что-то благое для Отечества. Для них это была не просто ремесленная работа. И вот колокола отлили, привезли в Екатеринбург, а возводить их не на что: храма нет, звонницы нет, ничего нет. Я их привез к себе в студию. Самый большой колокол весил 700 килограммов, а самый маленький — восемь. Я помню, как мы всем коллективом затаскивали сюда 700-килограммовый колокол, еще каких-то солдат просили помочь. Здесь, в студии, эти колокола стояли восемь лет.

В 2000-м году в Екатеринбург приехал Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексий Второй. Одной из целей этого визита было освящение места будущего монастыря на Ганиной Яме. И отец Сергей, в то время помощник архиепископа, посоветовал мне передать колокола в дар для монастыря. Правда, по борту каждого колокола было написано «для Храма-на-Крови во имя Всех Святых, в Земле Российской просиявших». Но отец Сергей сказал, что это неважно: «Важно, что есть колокола, и что ты их даришь, и что это от тебя. И я хотел бы, чтобы это было именно от тебя».

Мы забрали колокола из студии, привезли их на Ганину Яму. Там, на звоннице, они и висят по сей день. Ценность этих колоколов в

том, что они отлиты были задолго до строительства храма, а тем более строительства монастыря. Я даже понятия не имел, что там когда-то будет монастырь. Ну, может быть, где-то в тайных мыслях была надежда, что Бог все-таки вернет на землю высшую справедливость — но когда? Хватит ли жизни нашей?

После отливки «царских» колоколов, конечно, Пятков начал расти как мастер. Он любит свое дело. Построил большой завод, и возможности завода стали гораздо больше, и колокола более совершенные. А ценность тех наших колоколов в том, что они были первые. Я помню, где их отливали — это был маленький закуток в углу литейного цеха. И в этом уголке мастера лепили глину, воск, формы и заливали в них металл.

— А как вновь возникла идея отлить колокола для Храма-на-Крови?

— Меня осенило, когда я однажды проезжал мимо уже строящегося храма. Те колокола, что я готовил для него, были на монастырской звоннице. Но сюда-то колокола все равно нужны, только очень большие. Я понимал, что здесь не хватит только моих средств. Но почему-то было внутренне убеждение, что я это сделаю. На следующий день я приехал к Владыке Викентию и попросил его благословения. И он сказал: «Сам Бог тебе велел это делать».

Я думаю, что Владыка прекрасно помнил о том, что произошло на освящении монастыря Святейшим Патриархом. Есть известный снимок этого момента, там прямо из земли проливается луч. И, если приглядеться, в этот луч попали Святейший, я и кто-то третий — до сих пор не могу разобрать, кто это был. Когда я показал этот снимок Владыке Викентию, он сказал: «Это Божий знак. Это Божья благодать, которая пролилась на тебя». И этот снимок был одной из причин, по которой я был совершенно убежден, что колокола для храма на месте расстрела Царской Семьи тоже должен сделать я.

Я вышел от Владыки и сразу позвонил Пяткову, рассказал про благословение. А он, как оказалось, уже и сам собирался мне звонить с тем же предложением. Мы встретились в ближайшее время, посоветовались, посчитали,

сколько это будет стоить — даже при том, что Пятков согласился на минимальную оплату труда мастеров, это были очень большие деньги, их надо было собирать. Часть денег я положил туда своих, а остальные — просто пошел к хорошим, добрым людям. И, кроме того, организовал благотворительную акцию, которая называлась «Колокола покаяния». Правда, это было больше для привлечения внимания, нежели для сбора средств. Но результат оказался самым неожиданным.

Самые простые, бедные люди начали приносить какие-то колечки, мелкие сбережения... Я был просто поражен. До слез было трогательно: приходит старушка, приносит какие-то копеечки. Вот она, глубина души русского народа. Доброта его какая-то безмерная.

Ценности, которые люди приносили, мы передавали в епархию. Деньги вносились на специально открытый счет. Вот таким образом мы собрали нужную сумму (в тысячах долларов она измеряется) и отлили 14 колоколов. Вес самого большого — 6 тонн.

Храм к тому времени еще не был достроен. Колокола привезли в Екатеринбург на грузовой машине. Это был осенний, холодный, совершенно ясный день. К тому же, это был день рождения Владыки Викентия. Возле

строящегося храма собралась пресса и достаточно много народа. И когда краном начали поднимать первый колокол, один из рабочих стукнул по нему молотком — просто послушать, как он звонит. А колокола были без языков. Дынь! — и в тот же момент не более чем за минуту небо затянуло тучей, и на землю рухнул снег, словно пух из разрезанной подушки. Колокол пропал в этой снежной буре, ничего не было видно. И ударила молния. Ударил трижды, прямо в землю рядом с храмом. Можно расценивать это явление как угодно, но это было. И, как только поставили на землю последний из колоколов, все развеялось и засветило солнце.

Я воспринимаю это как знак, который свидетельствует о том, что дело мы сотворили благое, и что Господь Бог его заметил. И нас заметил, и дело наше заметил, и все заметил.

Эти колокола мы сделали поименными, на каждом колоколе есть надпись: «В первосвятительство Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия Второго для Храма-на-Крови во имя Всех Святых, в Земле Российской просиявших в дар от раба Божия Александра Новикова, певца и поэта».

Несколько колоколов — это по совету Пяткова — сделали не от меня лично, а от моей

семьи. Один колокол от раба Божия Игоря — это мой сын. Еще один колокол от рабы Божией Натальи — от дочери. Третий — от рабы Божией Марии — это от жены моей. Но суть-то ведь не в том, что там написано и от кого. Главное, что дело сделано. Но то, что колокола были и от них — от жены, от детей моих — им очень помогло. Какие-то чудеса в их жизни, не очень большие, но случались. То есть, Бог и их отметил.

Если бы я тогда этого не сделал, сейчас бы я считал, что жизнь моя прошла неполно, и чего-то важного в этой жизни я не выполнил. Ощущение неисполненного долга, наверное, было бы. А так — этого ощущения уже меньше. Оно есть, что надо бы еще сделать что-то большое, но кое-что я уже, все-таки, сделал.

— Александр Васильевич, такая верность «царской» теме может быть только глубоко искренней. Как сложилось у Вас такое теплое отношение к семье святых Царственных Страстотерпцев?

— Оно сложилось из нескольких истоков. Первое — это были образованные, очень благородные люди, в высшей степени порядочные, в высшей степени духовные, принявшие мученическую смерть ни за что. Сколько горечи и обиды, должно быть, и боли, душевной

боли они унесли в могилу благодаря этому варварскому злодейству большевиков!

Во-вторых, значимость этой семьи для России непреходяща. Таков менталитет страны. Россия тысячелетиями жила с Царем. Вера, Царь — основополагающие столпы существования государства как такового, символ государственности. И третье — то, что их расстреляли в Екатеринбурге, а я в этом городе живу. И просто так ходить и носить это в себе, про себя знать, помнить — этого мало.

А так как я человек известный, то на меня моя известность накладывает обязательства перед обществом. Известному человеку мало купаться в лаврах и аплодисментах. Это грех большой — купаться в славе своей и довольствоваться ее плодами. На известного человека, который владеет умами, которому люди верят — а у меня слушателей и поклонников миллионы — это накладывает определенные нравственные обязательства перед обществом, перед государством, перед верой и Отечеством.

— Вы заговорили о городе, в котором мы живем. На сайте a-povikov.ru в разделе «Биография» о Ваших студенческих годах написано следующее: «Город Свердловск наперекор всем именовал Екатеринбург».

Как в те глубоко советские годы у молодого человека могла родиться такая идея?

— Свердловск Екатеринбург я называл с ранней юности. Тогда, скорее всего, это было выражением юношеского нигилизма, протеста и презрения к существующему строю. Я всегда презирал коммунистический режим. Я никогда не был комсомольцем, никогда не участвовал ни в каких сборищах, никогда не учил партийных догм и бредней, которые заставляли учить в школе и в институте. Никогда этого даже не читал, это была настоящая гадость, которую в руки брать нельзя. И, естественно, был какой-то протест. А как его может выразить молодой человек? Вот я и называл Свердловск Екатеринбург.

Безусловно, я претерпевал какие-то трудности. И тюрьма — это тоже следствие моей идеологической позиции. Но я остался непреклонен. И никогда не сомневался, что рано или поздно Свердловск переименуют. Вер-

нее, не переименуют даже, это не то слово — вернут ему его настоящее имя. Потому что Свердловск — это кличка, временная кличка по фамилии выроodka, который был квартирным вором, лазил в форточки. В 1917-м бандиты, воры и прохвосты захватили в государстве власть и утопили государство, веру и духовность страны в крови. Как можно было называть город этим поганым словом? И сейчас еще эта фамилия сохраняется, и памятник стоит в центре города.

Я не сторонник того, чтобы все пустить под лопату, но надо подумать и о памяти убиенных безвинно. Это ли не дикость — город называется Екатеринбургом, а область — Свердловская! А какие причины? Дескать, денег надо много, чтобы переименовать, документы нужны и так далее. Да ничего этого не надо! Нужна политическая воля, честь и совесть, и ответственность перед предками нашими, перед верой тысячелетней. Всего-то что нужно.

Если бы я был у власти, у нас в течение одного месяца не стало бы ни одной улицы Ленина и ни одной улицы Свердлова. И никто бы не возмущался. Люди бы меня поддержали. Улицу выроodka Юровского, слава Богу, переименовали. Но если глянуть на могилы цареубийц — они вечно загажены. Это — отношение к ним людей. А храм на месте расстрела Романовых воздвигнут, как этому ни препятствовали. Я помню, мы были еще мальчишками совсем, когда Ипатьевский дом стоял загороженный, со всех сторон заросший крапивой; его щебенкой засыпали, чтобы туда не ходили богомольные старушки. Что только с ним ни делали — снесли его, бульдозером сравняли с землей... Только из памяти народной вытравить не смогли. На земле все можно сравнять, а в памяти нет. Ровняли, ровняли, а храм вырос. А эти все канули в небытие с позором. И это сейчас еще малый позор. Пройдет два-три поколения, и будет великий позор тем, кто участвовал в сносе этого дома, кто участвовал в поименовании этих улиц и так далее.

Пока все идет не так быстро, как хотелось бы, но туда, куда нужно. Храмов с каждым днем все больше, верующих в этих храмах с

каждым днем все больше. Маленьких детей в храмах все больше. И не потому, что их туда загоняют, как раньше в комсомол и в пионеры загоняли.

Я был неделю назад в Дивеево. Поехал прилечь к мощам преподобного Серафима Саровского, окунуться в источнике. Знаете, в храме на службе столько детей! Столько людей, вообще, приходит к этим мощам! Я был там в пятницу, а на следующий день, в выходной, приехала такое количество паломников... Я даже порадовался, что приехал накануне и потому смог в храм зайти, потому что в субботу там стояла такая очередь, что было невозможно туда попасть. Вот она, вера, вот отношение народа к своим корням. Оно не зависит от политики.

— А когда в Вашей жизни возникла вера в Бога? Когда Вы крестились?

— Я не был крещен очень долго. Крестился уже в 90-м году, мне тогда было 36 лет. В то время, когда я был маленький, это очень трудно было сделать. А, кроме того, мы жили в таких местах. Я родился на Курильских островах, на острове Итуруп — там церковей не было, там была военная база, мой отец был военный летчик. Потом мы жили на Сахалине, в Прибалтике — там креститься негде было. Во-вторых, это было небезопасно, потому что крещение детей отражалось на карьере их родителей. Да, такая дикость была.

Потом, уже в совершенно сознательном возрасте, я понимал, что надо креститься. Но мне как-то неловко было в Церковь за этим идти — младенцев крестят, а я-то взрослый. Но меня хорошие люди пристыдили: неважно, это в любом возрасте можно. Были в Московском Театре Эстрады заведующий, ныне покойный, Юрий Алексеевич, и Галина Николаевна — она из музыкального отдела Театра. Они ко мне очень хорошо относились. И вот как-то в разговоре выяснилось, что я некрещеный. «Да как так можно! Давай мы тебя окрестим!» И Галина Николаевна стала моей крестной матерью, а Юрий Алексеевич, Царство ему Небесное, был крестным отцом. Крестили меня в московской церкви Иоанна Воина.

Я не могу похвастаться, что хожу на все службы и держу посты. Грешен, не держу пост,

пропускаю службы. Я занят, мне бывает некогда, еще что-то. Для меня вера в другом, я по-своему как-то верую. Но в главном веру и Отечество я не предаю, не продаю, не выдаю и не променяю. Вот это моя вера.

— Александр Васильевич, наше много-страдальное Отечество сейчас раздирает множество проблем. Одна из них — пропаганда пошлости, нетрадиционных взаимоотношений между полами и много еще чего. При этом нам постоянно говорят о толерантности...

— Корни этого зла лежат в плоскости безволия, трусости, подлости власти. Ведь половина депутатского корпуса и чиновничества имеет огромное количество недвижимости за рубежом, которая оформлена через оффшорные фирмы — либо на родственников, либо на подставных лиц. И как только они начнут поднимать вопрос о гомосексуализме и мерах наказания, о защите общества от этого Содома и Гоморры, так гомосексуальная Европа сразу закроет им Шенгенские визы, и они не смогут попасть на свои яхты, в свои виллы и дворцы. Потому и не принимают сегодня какие-либо конкретные, ясные и четкие законы, ограничивающие нравственность страны от этого кошмара.

Мы — православная страна, мы веруем в Господа нашего Иисуса Христа. И не только в Евангелии — и в Коране прописано отношение к этой мерзости. Но вдруг чиновничья власть призывает нас к какой-то толерантности, мириться с этим, находит какие-то причины — мол, в Европе... Да нам плевать на эту Европу — на трусливую, зажравшуюся, гомосексуальную Европу. Она давно уже живет физиологическими мерками, а не духовными, как Россия. Какая поэзия в Европе, какая литература в Европе?

Нам пихают всякую гадость, наша страна читает Коэльо! Во времена Достоевского, Тургенева и Пушкина этим Коэльо даже подтираться никто бы не стал, извините меня за грубый натурализм. Общество дошло до низшей степени духовного обнищания. Страна купается в «собчачестве» — это одно из самых гнусных проявлений. Телевидение сегодня — это преступный орган, который

занимается развалом нравственности страны. И чтобы изменить ситуацию, нужна политическая воля, больше ничего.

— Хотелось бы затронуть тему воспитания молодежи. Старшие поколения воспитывались на идеалах, будь это пионеры-герои, стахановцы или герои Великой Отечественной войны. У нынешнего поколения таких примеров перед глазами просто нет.

— Это то, о чем я уже 15 или 20 лет говорю во всех интервью. Это одна из главных причин всех неудач — отсутствие уклада, отсутствие национальных героев. Те, которых фотографируют сегодня с мускулистыми торсами — это все для плакатов. Из них никогда не сделать героев. Народ в массе своей мудр, и все прекрасно понимает. Всех героев сегодня передавили и убрали с экранов. Потому что настоящие герои только покажись два-три раза — они моментально затмят все это. Поэтому все вычищено.

Мы живем в условиях тотальной лжи. И ни к чему хорошему она не приведет, рано или поздно это закончится катастрофой. И вот это-то больше всего тревожит и печалит. Не покайся, не раскаявшись, не научившись говорить правду, не изгнав из себя боязнь говорить правду, мы ничего не добьемся. Не в силах Бог, но в правде. И первое, что мы должны сделать — государство и каждый член нашего общества — говорить правду. Это и будет тот путь, с которого можно начинать. До этого мы будем блуждать в потемках, и это будет грозить любыми катаклизмами, чем угодно. Мы не выберемся. Спасение нашего Отечества — только в правде.

И для того, чтобы новое поколение было лучше, сегодня мы должны приложить усилия. А в этом большая роль нашей Церкви, Православия. Недаром Патриарх Московский Кирилл с самого начала стал публично проповедовать, вести активную деятельность по обращению к душам, к совести народа. Бог дал ему талант. Патриарх Кирилл — это сегодняшний Златоуст. И каждому его слову надо внимать. Мудрый, мужественный, благородный человек с красивой, благообразной внешностью, с красивой, благообразной речью, с совершенно ясным видением и по-

ниманием того, что происходит, и с верой, огромной верой в будущее.

— **Может быть, не случайно в проекте «Имя России» победил святой благоверный князь Александр Невский. На Ваш взгляд, это показательно, или это было очередным шоу?**

— Это хороший показатель своеобразного теста. Победил Александр Невский. Но ведь высокий рейтинг был и у Сталина. И не потому, что народ хочет деспота и тирана — он хочет справедливости, жесткой руки.

А в том, что победит Александр Невский, я, кстати, не сомневался. Потому что это его слова — не в силе Бог, но в правде. И я сейчас вам это говорю: мы сможем победить только тогда, когда будем говорить правду. И верить будем в правду, а не в эту чудовищную ложь, которую мы сегодня видим на экранах, читаем в газетах и так далее.

— **Александр Васильевич, невозможно не спросить Вас про отечественный шоу-бизнес.**

— Сегодняшний шоу-бизнес — это замкнутый мирок, одни и те же рожи в телевизоре. Эти рожи несут деньги телевизионным руководителям, за это их по телевизору показывают. Благодаря тому, что их показывают по телевизору, поддерживается их популярность. Популярность дает возможность зарабатывать деньги. И так далее. Причем, это не артисты, а, в основном, халдеи около искусства. Они же работают по баням, по банкетам. Это обслуживающий персонал Рублевки. Но сегодня Рублевка перестала функционировать, и некоторым из них пришлось туго.

Еще раз скажу: страна купается в «собчачестве», в пошлятине. Какой-то совершенно бредовый зазеркальный театр. И вакханалия, которая сегодня называется российским шоу-бизнесом — это такая опухоль, которая разлевет и заражает народ, а власти потакают этой горстке людей.

Посмотрите: в любой праздник — одни и те же рожи, причем, на всех каналах. И деться от этого человеку некуда. Их навязывают, как будто в стране нет больше ничего. А люди это терпят, потому что сегодня, к сожалению, утрачена активность. Люди уже ни во что не

верят. А это, кстати, один из страшных грехов — уныние и безверие. Сегодня народ находится в этом грехе. И за этот грех нам еще придется расплатиться.

— **Есть также грех бездумного принятия всего, что нам навязывают извне. Я имею в виду такие праздники, как Хэллоуин. Удивительно, с каким восторгом порой его воспринимают школьные учителя.**

— Я родился 31 октября, как раз в Хэллоуин. Но я праздную День рождения, а не этот один из самых гнусных даже не праздников, а гнусных поводов — шабаш ведьм.

Я понимаю, можно еще закрыть глаза на день святого Валентина, хотя он нам и не нужен абсолютно. Этот праздник можно облагородить, поскольку он каким-то образом связан с любовью. Но Хэллоуин — это откровенный шабаш ведьм. И он прекрасно вписывается в тот телевизионный бедлам, о котором мы только что говорили. А, кроме того, не забывайте, что иностранные спецслужбы — в частности, американские — очень хорошо работают. Они знают, что Россию дубиной не перешибить и войной ее не взять. Но можно развалить изнутри. Развалить духовность и нравственность — самое мощное, что есть в стране. Они начали с этого. И я скажу, что они продвинулись достаточно далеко. Их эмиссары здесь как раз занимаются проведением

этих идей. Они снимают чернушные фильмы про наших национальных героев — вспомните фильм про Есенина. Поэт великий, которому поклоняется вся страна, представлен посмешищем! Уничуждение национальных героев прошлого, национального достоинства и веры — вот чем они занимаются.

— **А что мы можем этому противопоставить?**

— Наша задача сегодня научить маленьких детей говорить правду. Тогда вырастет поколение, которое сметет вот это все.

— **Александр Васильевич, последний, традиционный вопрос: что бы Вы пожелали нашим читателям?**

— Пожелаю читателям больше читать о нашей истории, о наших национальных героях и брать от них все лучшее — тогда все станет на свои места само собой. И говорить всегда правду.

Р. С. Архиепископ Екатеринбургский и Верхотурский Викентий — о книге стихов Александра Новикова «Колокольня» (отрывок из предисловия):

«Книга Александра Новикова — уникальный, честный и пронзительный человеческий документ той сложной эпохи в жизни России, когда веру в Бога старались искоренить из жизни народа:

А церковка убога, и потому в ней склад.
Товарищ кладовщик с хозяйским чувством
Хранит на алтаре эмаль и бустилат,
А в ризнице — фосфат и ящик с дустом...
...Не ладановый дух пускает «Беломор»
Марию-Деву мухи обходили.
Здесь не колхозный склад —
здесь Русской Веры морт
«Товарищи» для нужд соорудили.

Что оставалось человеку в этом мире, где, по словам поэта, «у высохших икон заплакано лицо, и слух истерзан барабанным боем»? Если он, как герой стихов Александра Новикова, говорит о себе: «Точно помню, я не был крещен. Было плохо в то время с крестами»?

Потому так много в этих песнях и стихах боли душевной, беззастенчивого рассказа о падениях, горьких слов о бедах, терзающих многих и многих. Так уже было в недавно ушедшем от нас веке, когда величайший русский поэт Сергей Есенин пытался спрятаться от бездуховности богоборческого строя в Москве кабацкой. И не случайно Александром Новиковым был создан целый цикл песен именно на эти, внешне вызывающие, но исполненные громадной внутренней боли стихи Есенина...

Уже давным-давно
не пахнет россиянством
И не поймешь теперь, где гусь, а где свинья.
И всем присвоено еще одно гражданство:
Я — гражданин Страны Всеобщего Вранья.

Александр Новиков не хочет с этим мириться. Потому в своих стихах и песнях он без прикрас пишет об окружающей нас жизни так, как он видит ее. Потому на свои средства он отлил колокола и передал их в монастырь во имя Царственных Страстотерпцев. Потому ныне он начинает сбор средств для отливки колоколов для Храма на Российской Голгофе — Храма-Памятника на Крови во имя Всех Святых, в Земле Российской Просиявших. (Книга была издана в 2002 году — прим. ред) Помогите ему Бог в этом начинании, помогите ему и всем нам изжить в себе и в окружающей жизни последствия лет гонений на Веру Православную. Обратим к себе и глубоко прочувствуем слова поэта:

На струне перетянутой держится
И вопит Вам со всех колокольных
Несказанная боль Самодержца
И анафемы Тихона боль!..»

Беседовала Светлана Ладина

Как раскрыть потенциал ребенка и не нанести ему вреда

**Драмкружок, кружок по фото,
А мне еще и петь охота!
А за кружок по рисованью
Тоже все голосовали...**

Это не только любимый и с детства знакомый стишок, это еще и суровая правда жизни. Действительно, сейчас предоставлен большой выбор воспитательных, образовательных программ, открываются новые психологические центры, предлагающие различные развивающие программы для детей. Родителям хочется развить в своем ребенке таланты и видеть его всесторонне развитым. И, кажется, чем раньше начать с ребенком заниматься, тем больше удастся вложить в него, тем умнее, талантливее он будет. Как часто приходится слышать от педагогов: «Чем больше ребенок занят, тем больше он собран, тем больше он успевает». Пример одних детей убеждает в верности этого правила, пример других — в обратном. Так где же золотая середина, как помочь своему ребенку открыть и

развить данные Богом способности и научиться применять их в жизни? Как не перегнуть палку и не превратить любимое занятие в самое ненавистное? Давайте обратимся к мнению специалистов.

Георгий Амусин, врач-психотерапевт:

«Полезно ли максимально нагружать ребенка?» — это вопрос из серии «Может ли поезд сам ходить по расписанию?». Расписание для него должно быть составлено тем, кто называется диспетчером. Причем, диспетчер дол-

жен отнестись к этому ответственно и разумно, иначе беды не избежать.

Достаточно часто родители приводят на прием детей, обучающихся в элитных заведениях, и говорят примерно следующее:

— Моя девочка занимается балетом, музыкой, иностранным языком, учится в школе.

— А сколько ребенку лет?

— Девять.

— А как он у вас отдыхает?

— Ну, как отдыхает? Спит, ест. Два раза в год выезжаем на различные зарубежные курорты.

— А вы, мама, как от этой жизни отдыхаете?

— Ой, я очень устаю, мне ее надо вовремя увезти, привезти.

— А как отдыхает ребенок?

— Она иногда в машине засыпает.

— А есть ли у вас возможность, чтобы ребенок почувствовал себя ребенком?

— ?..

У ребенка спрашиваешь:

— Ты кем себя чувствуешь?

— Ученицей. Еще я балетом занимаюсь.

— А что это такое — быть ребенком?

— Это значит ничего не делать, есть все, что я захочу, устраивать дни отдыха, как праздник непослушания.

И тут уже понятно, что дальше человека ждет. Спрашиваешь у мамы, сколько еще времени, на ее взгляд, ребенок сможет выдержать эту ситуацию. Мама отвечает:

— А куда денется? Мы даже и не задумываемся, выдержит — не выдержит. Это же все так надо, чтобы в наше непростое время человек состоялся. У него же таланты есть.

И сколько лично я видел примеров таких загубленных детей-талантов, в свое время загнанных родителями. Они отказались от реализации своих способностей в искусстве или в спорте из-за того, что им не дали время выстроить отношения со своим талантом, понаслаждаться им! Я не знаю, насколько это разумно — быть такими «прогрессивными» в воспитании и так

загружать свой день даже взрослому человеку, безоглядно живя, как придаток к некоторым системам образования. Очень часто человек при этом теряет. Не случайна заповедь «Помни день субботний», своевременно оставляй свои дела. Ей несколько тысяч лет, но актуальности своей она не потеряла. Мы часто сами себя и своего ребенка загоняем, превращаем это в какую-то систему: «Ты должен состояться, ты должен это получить». А что будет с ребенком через некоторое время? Остановитесь, подумайте. Не постесняйтесь, сходите в старший класс, проанализируйте ситуацию; если необходимо, то проконсультируйтесь со специалистом.

Организовать нагрузку можно планомерно, но планомерная организация предполагает отдых. Причем, отдых не в той форме, которая спущена сверху, а в той, которая подойдет конкретному маленькому человеку. Впору уже статистические исследования проводить, сколько детей сошли с дистанции, предложенной родителями, и больше туда возвращаться не собираются. «Родители ели виноград, а оскоми на на зубах у детей». Нужно выбирать систему приоритетов. Если дал Господь талант ребенку — создайте систему развития этого таланта, но такую, чтобы сам носитель таланта в ней не захлебнулся.

Андрей Курпатов, психотерапевт.*

Развитие ребенка — это длительный, поэтапный, сложный процесс. Мозг ребенка должен созреть к каждой конкретной функции, должна сформироваться, отстроиться и заработать нервная система. В каждом ребенке изначально заложен огромный потенциал. «Торопить» ребенка в его развитии — это травмировать его психику, и, кстати сказать, самим травмироваться, переживая «комплекс плохого родителя». Ждать от ребенка, что он прыгнет выше головы, внутренне требовать от него того, на что он еще просто физически неспособен, — вот что значит быть плохим родителем.

Хороший родитель — это адекватный родитель, который понимает, с какими огромными трудностями на каждом этапе своего развития сталкивается ребенок, и помогает ему эти трудности преодолеть. Можно ли обмануть время? Лев Семенович Выготский — выдающийся психолог начала XX века, который как раз много

и серьезно занимался детской психологией, — сформулировал понятие «зоны ближайшего развития». Этот научный термин используется для описания способности детей развиваться через участие в деятельности, которая несколько (но незначительно!) превышает уровень их способностей. Причем, работает эта «зона» лишь при неусыпном контроле и содействии со стороны взрослых и очень ограничена — мы как бы задаем ребенку ближайший рубеж, но не пытаемся предложить ему «взрослые» способы решения тех или иных задач. В остальном же, сверх этой «зоны» и выше головы не прыгнуть.

Мы можем стараться всячески стимулировать развитие ребенка, не понимая, что соответствующие навыки ему пока совершенно не нужны, что у него нет ни внутренней потребности в них, ни, учитывая состояние его мозговых структур, способности адекватно их использовать. Да, приятно знать, что твой четырехлетний ребенок уже «бегло читает», но способно ли это чтение дать ему то, что могло бы? И не тратит ли он это время в ущерб тем занятиям, которые действительно послужили бы

*Источник: А. Курпатов «Руководство для Фрекен Бок, счастье вашего ребенка», М, изд-во «Олма», 2008

его полноценному и всестороннему развитию? Это очень важный вопрос, на который современные психологи дают однозначный ответ — лучше не торопиться. Дайте ребенку возможность взять максимум на каждом уровне его развития, и тогда следующий пройдет и лучше, и с большим эффектом. Главный принцип, который мы должны использовать в процессе воспитания ребенка, — «можешь только то, что можешь». Причем, это касается как самого ребенка, так и нас самих. Есть то, что он может на данном этапе, а есть то, что вне, так сказать, сферы его компетенции. Есть то, что мы — как родители — можем на данном этапе развития нашего чада, а есть то, чего мы не можем.

В заключение хотелось бы подвести небольшой итог и отметить, что каждому человеку от рождения Господь дал огромный потенциал, своеобразные дары. И, безусловно, задача родителя разглядеть в ребенке этот потенциал и помочь развить, а не зарыть талант в землю. Но развивать своего ребенка нужно с учетом его индивидуальных возрастных, психологических и физиологических возможностей. Можно обратиться к образу лестницы: держа ребенка за руку, идти с ним рядышком, шаг в шаг, аккуратно подстраиваясь под темп ходьбы ребенка, двигаясь вперед вместе с ним. И тогда процесс развития будет естественным и радостным для всех его участников.

Елена Макеева, детский психолог

Материнство

«Приход каждого человека к Богу — это чудо»

В этом номере «Православного вестника» о своем обретении Бога рассказывает матушка Ольга Попиченко. По словам матушки, ей хотелось бы повествованием о своем пути прославить Бога за все его дары, чудеса, а также вспомнить и поблагодарить прекрасных людей, с которыми Господь сподобил встретиться.

Приход каждого человека к Богу — это чудо, цепь чудесных событий, которые просто перерождают человека. Каждая из таких историй достойна пера великого писателя, настолько все это необыкновенно. Когда слышишь от человека о том, как он обрел веру, всегда испытываешь чувство благоговения перед Богом, перед Его всемогуществом, милостью. Каждого Он ведет за ручку к Себе. Главное, когда Господь призовет, услышать, решиться быть с Ним.

В детстве я всегда чувствовала, что в семье мной гордятся, что меня любят. Училась хорошо, на фортепиано играла. Помню, когда приходили гости, всегда просили меня что-нибудь исполнить, искренне радовались, хлопали...

И эта любовь давала силу жить, уверенность в том, что все будет хорошо, что жизнь будет интересной...

Я была очень чувствительным ребенком: остро воспринимала несправедливость. Меня беспокоило, почему люди не всегда в мире живут, не всегда любят друг друга, ссорятся... Почему это происходит? Поэтому я мечтала стать, с одной стороны, певицей, а с другой — адвокатом, чтобы всех на земле защищать, чтобы все обязательно были счастливы.

Ближе к переходному возрасту острее стало чувствовать, что люди, вроде, все хорошие вокруг, такие замечательные, добрые, но почему-то очень несчастные. Видела, что многие страдают, переживают, мучаются. Пыта-

лась понять, в чем причина, задавала вопросы... Потом я поняла, что любви у них внутри не хватает, и что из-за этого все жизненные неприятности происходят...

После школы я поступила в музыкальное училище на фортепианное отделение. Оглядываясь назад, вижу, что музыка готовила к восприятию Бога, потому что композиторы писали одухотворенные, возвышенные произведения, в которых все чувства были облагорожены. Мне очень нравилась музыка Баха, нравилось ее играть, я сама не понимала, почему, просто было хорошо. Может быть, это были первые отзвуки благодати, ведь музыка Баха построена на религиозных переживаниях. Музыку Бетховена тоже любила: там поиск, буря, эмоции, взлеты, падения...

Так я училась до 2 курса училища, и внезапно в жизни произошло трагическое событие — умер папа. Мы с ним были душевно близкими людьми: свои разговоры, маленькие тайны поверяла ему. Он был первым человеком, который говорил со мной о жизни. После его смерти я очень сильно переживала, потеряла сон, стала болеть... Это произошло в июле, а в ноябре моя подруга из училища предложила мне креститься тайно от всех в какой-то церкви под Первоуральском. Все так мистически было, таинственно, необычно... Мы поехали. Домовой храм, народу очень много. Я по старой комсомольской привычке встала первой. Отец Виктор задавал вопросы, я бойко отвечала. Потом он спросил у меня: «Вот вы во что верите?» Я сказала: «Я верю в добро!» Он говорит: «А вот и неправильно, надо верить в Бога! Бог — это Личность, я с ним общаюсь, он мне помогает, это не какое-то абстрактное понятие». Крещение шло очень долго, часа три. Потом чудом добрались до дома, так как почти все деньги потратили на крещение. Добрые люди нам на дорогу денег дали... После этого, вроде бы, ничего не изменилось. Единственное — спать спокойнее стала.

В это время я была уже на 3 курсе училища. Ребята с эстрадного отделения организовали свою рок-группу и пригласили меня помочь им: где-то — на клавишах подыграть, где-то — спеть. Было очень интересно. Собирались, записывали песни собственного сочинения.

Однажды записывали новую песню, и надо было очень высоким голосом вокализ спеть, а у меня пониже был голос, и ребята пригласили девушку из консерватории. И вот она пришла — в очках, тоненькая, беленькая, и когда стали вокализ записывать, что-то в ее голосе почувствовалось зовущее, манящее, как приятное воспоминание.

Когда мы вместе с ней поехали домой, то разговорились, и я узнала, что она в храме поет. Я помню что для меня это было шоком — я в нее просто «вцепилась» и попросила привести меня в храм завтра же утром... После моего крещения прошло 1,5 месяца.

Она пела на Елизавете, туда мы и поехали рано утром по морозу. Пустой храм, какая-то девушка читает на клиросе. Думаю: «Куда я попала?»... Петь мне было легко, интересно. Сразу почувствовала, как хорошо в храме, благодать какая! Это, конечно, был дар Божий. Жаль, что не всем дается такое ощущение.

В самом начале сразу поразило, как люди относятся друг к другу, как разговаривают, как заботятся друг о друге. Осталась петь в храме. Поразительно, что Господь в один момент привел на клирос много талантливых людей, с которыми мы вместе росли духовно. Певчие нашего хора теперь регентуют в храмах Екатеринбурга.

Была у нас там замечательная матушка, Любовь Петровна Панова. Мы про себя ее «печкой» звали, настолько она каждого отогревала, с таким горением рассказывала о вере, что невозможно было остаться равнодушной. Она и супруг ее — будущий батюшка, сейчас протоиерей Владимир — относились к нам с большой любовью. Именно они отправили меня и еще двух человек с клироса в первое паломничество. Купили нам на свои деньги билеты, и мы поехали в Троице-Сергиеву Лавру на праздник св. преп. Сергия, чтобы послушать, как поют церковные хоры, проникнуться традицией церковного пения.

Об этой первой поездке можно много рассказывать, там такие чудеса были... Мы приехали вечером, ничего не знаем, пошли в храм устраиваться на ночь. Мои спутники — Наташа и Костя — тогда дружили, они все вдвоем, вдвоем, а я все одна. Стою в храме, присесть негде, тут какая-то бабуля подходит ко мне,

мы разговорились, а потом смотрю — моя старушка несет мне скамейку. Поставила посреди храма и говорит: «Доченька, ложись, спи». Я упала и заснула. Под утро просыпаюсь от того, что кто-то лает. Открываю глаза: передо мной стоит бесноватая, то лает, то рычит... Я в ужасе вскочила, отпрыгнула в сторону. Тут проснулись другие паломницы, которые спали под большой иконой св. вмч. Пантелеимона. Проснулись и говорят бесноватой, чтобы та перекрестилась. Постоянно крестили ее сами, читали молитвы. Долго молились, молились, в конце концов, она смогла перекреститься, подошла к иконе св. Пантелеимона, приложилась, успокоилась и вышла из храма. Так Господь показал силу молитвы!

Хоры пели изумительно, ничего подобного я не слышала! Приехал Патриарх, и так получилось, что я прямо перед Патриархом оказалась, он меня благословил. Я была так поражена! Домой я приехала уже другим человеком. Во-первых, в голове были одни только песнопения, звучали хоры. Я поняла, что регентую на клиросе непрофессионально, и меня не удовлетворяло то, что я не могу качественно делать свое дело. Во-вторых, я увидела прекрасных людей, их светлые лица, святящиеся глаза, то, как они общаются между собой, и возникло желание вырваться из всего, что окружает меня... Так зрело желание поступить на регентское отделение.

Я училась в консерватории, работала в музыкальной школе, но в один момент все сложилось в жизни так, что назрел кризис в семье, в учебе...

Никто из моих друзей и мама не верили, что я поступлю в семинарию в Санкт-Петербурге. Все говорили, что туда очень трудно попасть. Но воля Божья была такой: я легко сдала экзамены и поступила.

Семинария — моя колыбель. Годы эти ни с чем не сравнить, это как аванс от Бога на будущее. Везде старинные иконы, педагоги очень интересные, совместные молитвы в семинарии, встречи с верующими и даже святыми людьми — блаженной Любушкой, о. Николаем Гурьяновым... Было очень удивительное клиросное послушание в церкви свв. Симеона и Анны. Ее настоятель о. Олег Скобля был духовным сыном Владыки Иоанна, и когда

Отец Владимир и матушка Любовь Пановы

Владыка сильно болел, о. Олег отправлял нас к Владыке в резиденцию петь раннюю литургию. В домовом храме было не больше 5–6 человек, ранняя литургия, воскресенье. Владыка Иоанн после службы благословлял каждого и всегда говорил певчим, что получилось хорошо, а что — плохо. Он был большим знатоком церковного пения.

Когда в первый раз поехали к о. Николаю Гурьянову со своим питерским хориком, он поговорил со всеми, потом разрешил нам спеть, сам задал тон. И после вдруг снова батюшка меня зовет. Я подошла. А он вдруг стал своей палочкой меня бить по голове, и говорить: «Уйди, убью», — и так замахивается. Я испугалась очень, и даже заплакала потом: вот какая я грешная, что меня даже батюшка выгоняет. Потом уже люди, которые с нами ехали, меня утешили: «Ты глупенькая, батюшка же отгонял от тебя нечистого духа, люди, наоборот, приезжают и просят его, чтобы он побил их».

После 2 курса я поехала домой и стала петь в Вознесенском храме. Там встретила с будущим батюшкой Евгением. Он попросил заниматься с ним вокалом. Мы встречались, занимались, и в конце концов он сделал мне предложение. Я уехала заканчивать экстерном семинарию (3–4 курс). В новогодние каникулы батюшка приехал ко мне в Петербург. О. Олег Скобля посоветовал съездить к о. Николаю Гурьянову, чтобы получить наставление, благословиться на венчание...

Помню, шли по льду, рыхлому, качающемуся. Была оттепель, а на остров надо идти пешком. Чтобы нескучно было идти, пели песни канона. О. Николай вышел нам навстречу и, улыбаясь, запел ту же песню, которую мы по пути пели. Благословил батюшку на священство, нас — на венчание. Это был такой счастливый, удивительный, нереальный момент в жизни! О. Николай долго беседовал с будущим батюшкой, давал наставления на священство. Подошла и я, чтобы он дал мне какое-нибудь благословение. О. Николай — сама кротость,

сама любовь — так ласково мне улыбнулся, потом как даст мне по лбу и говорит: «Мужа бойся, вот тебе единственное благословение на всю жизнь». Сказал нам, чтобы обвенчались сразу после поста. До окончания поста было чуть больше 2 недель, наши родители ничего не знали: я маме телеграмму дала, батюшка приехал и всех удивил столь скорым венчанием. 20 января мы обвенчались...

Сейчас у нас по милости Божией действительно семья, то есть семь «я»: папа, мама и пятеро замечательных детей. Неутомимый Серафим постоянно в движении, все время где-то куда-то едет: то в школу, то на встречу с друзьями, то на тренировку или просто домой. Причем любимые средства передвижения — это велосипед или ролики. Семен — отличник. Все успевает, очень ответственный, возит младшую сестренку из школы домой, играет на флейте, а сейчас еще помогает папе в алтаре, и это ему очень нравится. Катюша — моя помощница, прекрасно занимается с сестренками. У нее просто педагогический талант.

Про Симочку ее крестная сказала, что, наверное, она будет поэтесса, настолько ярко и необыкновенно она видит окружающий мир. Самая младшая Полечка очень любит играть с куклами: она их постоянно лечит, одевает, успокаивает.

Про батюшку сложно говорить, потому что сказать, что он много для нас значит — не сказать ничего. В книге Натальи Пестовой «Под кровом Всевышнего» есть такие слова: «Через любовь к отцу я познала Божественную любовь — бесконечную, терпеливую, нежную, заботливую. Мои чувства к отцу с годами перешли в чувство к Богу: чувство полного доверия, чувство счастья быть с Любимым, чувство надежды, что все уладится, все будет хорошо, чувство покоя и умиротворения души, находя-

щейся в сильных и могучих руках Любимого». Все эти слова — про нашего батюшку.

Семейная жизнь — это, конечно, большая радость, но и одновременно ежедневный труд. Труд, в первую очередь, над собой, над своей душой. Семья для меня — самое важное в жизни. В храме, на клиросе, всегда будут певчие, а вот детям меня никто не заменит. Как воспитывать детей? Все в процессе приходит, с опытом. Главное — это любовь и терпение. Нужно работать Господу в семье, отдавать ту любовь, которой Он щедро питает.

Я очень благодарна Богу за то, что такими необыкновенными встречами, чудесами, любовью, благодатью, радостью Он привел меня к Себе и сподобил стать матушкой!

Моя мама

Моя мама, любимая мама!
Ты — как лучик, светящий во мгле.
Эти строки, любимая мама,
Я, твой сын, посвящаю тебе!

Ты всегда и во всем мне поможешь,
Успокоишь, простишь, а потом
Ты с задачкой нелегкой поможешь,
Хоть не просто решать всемером.

Я ценю тебя, милая мама
И прошу тебя очень: «Прости,
Что бываю порою упрямым».
Но терпенье смогу обрести.

Серафим Попиченко

Пусть всегда будет мама!

Среди многочисленных праздников День Матери занимает особое место.

В этом году он выпадает на 29 ноября (последнее воскресенье месяца). Это праздник, к которому никто не может остаться равнодушным. В этот день хочется сказать слова благодарности всем Мамам, которые дарят детям любовь, добро, нежность и ласку. И пусть каждой из вас почаще говорят теплые слова ваши любимые дети! Пусть на их лицах светится улыбка и радостные искорки сверкают в глазах, когда вы вместе!

И какой праздник без подарков, особенно сделанных детскими руками?

— Олег Олегович, если можно, пусть завтра на занятиях ребята нарисуют своих мам! — звонит редакция «ПВ» поздним субботним вечером директору воскресной школы при храме святого великомученика и целителя Пантелеимона г. Екатеринбурга Олегу Савину.

Наверное, план занятий уже составлен, а мы со своими «гениальными» идеями — как всегда, в последний момент. Теперь надо будет в срочном порядке искать рисовальные принадлежности... Олег Олегович имеет полное право сказать нам все это. Но он смиренно отвечает: «Сделаем».

И на следующий день дети вдохновенно рисуют своих мам, мамочек, мамуленек. Это нам, взрослым, видятся сплошные сложности и проблемы. А ребенку нарисовать ту, которая единственная и неповторимая, самая любимая и самая красивая — всегда в радость. Вот такой сюрприз приготовили дети своим мамам, и лучшие рисунки мы сегодня публикуем на страницах «Православного вестника».

Саша Шумилин, 8 лет

Настя Савина, 9 лет

Алена Рыбкина, 6 лет

«ДЕТЕЙ НАДО ВОСПИТЫВАТЬ ПРОСТО:

**минимум свободного времени,
максимум трудолюбия и послушания»**

Семье Васюниных 19 лет. Олег и Виктория нашли друг друга, будучи студентами УПИ. Виктория считает историю знакомства с будущим супругом очень романтичной, Олег говорит об этом более сдержанно, но с большой теплотой и не без юмора.

Олег: Мы с Викой познакомились, когда нас выгнали с лекции по эстетике. Собственно говоря, тогда выгнали половину потока — и нас в том числе. Преподаватель был человеком, чрезвычайно увлеченным своим предметом, но мы плохо его понимали, и поэтому на лекциях всегда было шумно. В целях профилактики он периодически удалял с занятий половину слушателей. Так было и на этот раз.

Виктория: Чтобы не терять времени, мы пошли в библиотеку решать математику. Задание было огромным и очень сложным. И неожиданно Олег сел рядом со мной и сказал: «А я могу это решить». Так мы и познакомились.

Олег: На самом деле, я заметил Вику еще раньше. Увидел — и почему-то при взгляде на нее поймал себя на мысли, что эта девушка, наверное, будет хорошей женой. Это было чисто физиономическое заключение. Ведь у одних девушек надменный взгляд, другие накрашены со страшной силой, а тут — лицо приятное, естественное, и видно было, что человек по натуре добрый.

Правда, после этого я не предпринимал специально каких-то действий, и наше знакомство устроилось само собой.

Виктория: После того, как в день знакомства Олег решил за меня математику, он вынужден был решать ее по-

жизненно. Дошло до того, что для меня он сделал чертеж на пятерку, а сам за такое же задание получил 4. В институт я ездила с Химмаша, вставать приходилось очень рано, толком позавтракать я не успевала. И, оказываясь в аудитории, где уже никуда не надо было бежать, просто начинала за-

сыпать. А Олег или будил меня, или писал лекции в две тетрадки — мою и свою. В общем, он заболел обо мне, а я этим пользовалась. И пользуюсь до сего дня (смеется). И я поняла, что этот юноша имеет светлую голову, и на него всегда и во всем можно будет положиться.

Вот так был сделан выбор. Два человека, которые ценили прежде всего не яркую внешность, а светлые внутренние качества, нашли друг друга. Однажды — и на всю жизнь.

Эта девушка будет хорошей женой — многие ли юноши способны проявить в поиске своей второй половины такую мудрость? А ведь доброе начало — залог успеха. Задумайтесь, молодые люди!

Романтические отношения двух влюбленных выдержали серьезное испытание разлукой: Олега призвали в армию. В соответствии с законодательством того времени, учеба в институте отсрочки от призыва в ряды вооруженных сил не давала. Оканчивать получение высшего образования приходилось после двухлетнего перерыва.

Виктория: Олег в первый же день по возвращении из армии приехал в институт к началу занятий. Меня там в это время не было — на старших курсах я опаздывала на занятия уже без зазрения совести. Олег поехал за мной на Химмаш, ко мне домой. В это время я прибыла в институт, узнала от ребят, что Олег вернулся, и тоже поехала вслед за ним на Химмаш. Вот с такими приключениями мы друг друга искали (сотовых телефонов тогда не было). Но, в конце концов, встретились.

Олег: За время службы в армии я пришел к осознанию того, что нам с Викой надо создать семью. Мы подали заявление в ЗАГС, а родителей, в общем-то, поставили перед фактом. В то время мы ничего плохого не видели в том, чтобы поступить именно так. Конечно, сейчас мы надеемся, что наши дети поступят несколько иначе и сперва попросят нашего родительского благословения, а потом уже решатся на такой серьезный шаг, как бракосочетание. Все-таки, это более соответствует православным традициям, к которым мы, в конце концов, пришли.

Путь к Православию для Васюниных шел длинной и извилистой тропой. Как, впрочем, и у многих, он лежал через болото атеизма и оккультные дебри.

Олег: Когда я окончил школу, мое мировоззрение было атеистическим. Его сформировало и то, что нам рассказывали о религии в школе, и то, что показывали по телевизору и писали в газетах. Дорога к храму была долгой.

Когда я вернулся из армии в институт, программа обучения в плане общественных наук там изменилась — это были годы перестройки, когда пересматривалось многое. Полгода нам читали философию, а вторая половина была посвящена общественным наукам по выбору. Меня заинтересовала секция «Научное и ненаучное знание». К нам на занятия приходили бабушки-целительницы, графологи, хироманты. Нас учили гадать с помощью колечка о количестве будущих детей и много еще чему. Собственно, дали весь спектр оккультизма, который в то время был в наличии.

В советское время в этом плане еще существовали какие-то ограничения, во времена перестройки все это хлынуло мутным потоком. По окончании обучения на этом курсе мы уже сами стали находить литературу на оккультные темы и

с увлечением читали. Читали про Вангу, прочли Агни-Йогу Рерихов (полный бред, я извиняюсь), книги всевозможных экстрасенсов, Кастанеду.

В конечном итоге, перешли на «Диагностику Кармы» Лазарева. Из всего этого набора он был более здравым. В его рассуждениях было некое рациональное зерно. Недавно мне подарили книгу диакона Андрея Кураева «Сатанизм для интеллигенции», где автор анализирует, в том числе, и «учение» Лазарева, что само за себя говорит.

Сейчас-то понятно, что мы с этой оценкой согласны, но тогда увлечение Лазаревым было. И было оно, как ни парадоксально, движением к Богу. Лазарев говорил о покаянии, о необходимости молитвы, о том, что причина негативных событий в жизни — сам человек. То есть, какие-то элементы христианства там присутствовали.

Я помню, что в тот период мы поехали отдыхать в Одессу, и Витя там сильно заболел. И мы молились за него Богу и постились. Но, конечно, о Боге мы вспоминали только тогда, когда нам было плохо. Уклада жизни с Богом лазаревские писания не давали.

Прийти в храм нам помогли наши хорошие, близкие друзья — семья Рожиных. С Валерой мы были знакомы со школы: я учился в его подшефном классе. А Вика познакомилась с Ларисой в студенческом отряде проводников. Потом мы долгое время не виделись. Рожины поженились, мы с Викторией поженились. И в той, и в другой семье родились первенцы. И вот, гуляя с сыновьями во дворе, наши жены встретились, узнали друг друга, обрадовались, и мы стали общаться семьями.

Виктория: Валера — прирожденный миссионер. Его первым вопросом при каждой встрече было: «Ну что, когда в церковь идем?»

Олег: Но спрашивал он не навязчиво, не настойчиво. У меня не было какого-то осадка в душе от разговоров с ним. Валера давал нам книжки и кассеты с записями лекций Алексея Ильича Осипова. Книжки прочитывались не всегда, а вот кассеты слушались «на ура». И Вика время от времени говорила: «Ну что, может, пойдём креститься?» А я отвечал: «Подожди, надо это делать осознанно».

Виктория: Я очень переживала, я была готова к крещению, я знала, что надо креститься, и другого пути нет. Но при этом считала, что Олег должен принять решение сам.

Ко времени крещения в семье Васюниных родилось уже трое детей: Насте было 2 годика, Ане — 4, а Вите 12 лет. Как могли решиться люди, тогда еще далекие от веры, стать многодетными родителями в сложный, кризисный во всех отношениях период перестройки?

Виктория: Мы просто хотели, чтобы у нас было много детей.

Олег: Я думаю, что Господь о нас заботился уже тогда, когда мы были некрещеными. Я работал обычным программистом — правда, эта специальность всегда была мне очень интересна. Но на любом заводе таких, как я, много. Я был абсо-

Олег: Были моменты, которые меня настораживали и останавливали. Не знаю, может, это были просто отговорки...

Виктория: И вот однажды (это было шесть лет назад) Рожины, видя, что мы дозрели, сказали: «Все, мы уже договорились с бабушкой, завтра идем креститься!» И мы согласились.

Помню наше первое богослужение. Рожины позвали пойти с ними, немножечко постоять на службе. И вот мы стояли, стояли, а Рожины время от времени нас заботливо спрашивали: «Вы, наверное, устали?» После этого выяснилось, что надо бы еще и вот это молитвенное правило прочитать. И вот мы читали, читали...

Олег: Когда мы шли креститься, мы не предполагали, что тем самым берем на себя определенные обязательства и вступаем в какой-то другой образ жизни. Мне кажется, что если бы нам тогда сказали обо всех правилах, какие нам предстоит выполнять, мы бы просто испугались. Ведь к осознанию необходимости их выполнения приходишь много позже.

Виктория: Валера с Ларисой помогали нам привыкать ко всему потихонечку, помаленечку. Они вели нас очень благоразумно.

лютно точно такой же, если не хуже. И вдруг так получилось, что, кроме завода, я попал на работу в успешную компанию, созданную моим школьным товарищем. То есть, мой заработок был вполне достойным. И жилищный вопрос тоже у нас решился. Поэтому жизнь в материальном плане складывалась без особых катаклизмов.

Виктория: Без особых, но Олег 8 лет не был в отпуске, с утра до ночи он трудился на двух работах.

Олег: С дачей тоже все как-то само собой устроилось. Мы не планировали покупать дачу для себя, приобретали ее для родственницы. А она — человек уже пожилой — решила от нее отказаться. В результате на дачу стали ездить мы, а теперь туда ездит уже почти весь Пантелеимовский приход.

Виктория: Олег — человек очень работающий, он не пьет, не курит. И деньги, которые он зарабатывает, мы просто решили вкладывать в доброе дело — в детей.

Олег: Правда, второй ребенок в нашей семье появился не так скоро, как мы хотели.

Виктория: Мы думали, что это тоже будет мальчик.

Олег: Эта уверенность была следствием наших гаданий. По ним вышло, что у нас будет два мальчика. Теперь, как специалист, могу с уверенностью сказать: гадание — это полная ерунда.

Виктория: Так вот, родилась у нас дочка Анечка. Назвали ее в честь моей подруги. Правда, первым вариантом было имя Людмила — в честь акушерки, принимавшей роды. Олег с этим не был согласен...

Воспитание детей в семье Васюниных — это тема, которой можно посвятить отдельную большую статью. Потому что у Олега и Виктории есть продуманные, согласованные принципы воспитания, которым они и следуют. И это не просто набор родительских реакций на поведение детей — это осознанные, ответственные родительские действия, приносящие добрые плоды.

Виктория: Витя родился, когда мы были студентами. Я не брала академический отпуск. Олег работал на двух работах и еще учился в УПИ. Мы прибегали в институт, бросали Витю в коридоре: пока один сдает зачет, второй с ребенком гуляет.

Олег: ... а документы в ЗАГС на регистрацию отношу именно я...

Виктория: ... поэтому нашли вот такой компримисс.

Олег: А Настю назвали в честь моей бабушки.

Я вообще уверен, что важную роль в нашей жизни сыграли молитвы дедушки и бабушки. Это удивительные люди с удивительной историей жизни. Во время Великой Отечественной войны дед попал в фашистский концлагерь, чудом выжил там и вернулся на Родину. После этого, как побывавший в плену, прошел через советские лагеря. Бабушка — а они жили в Смоленской области — во время фашистской оккупации скиталась с четырьмя маленькими детьми. Их родную деревню немцы сожгли дотла за то, что ее жители оказали им сопротивление. И вот бабушка с детьми скиталась по родственникам, жила в сараях, в банях — где придется. Смоленская область была оккупирована в течение двух лет...

Бабушка с дедушкой были верующими людьми. До сих пор помню, что, когда гостил у них в детстве, иногда, просыпаясь ночью, я видел, что дед молился. Я думаю, что именно вера спасла их и дала силы пережить все, выпавшее на их долю...

По окончании института я сидела с Витей дома. Это было время перестройки, когда всем приходилось туго. И Витя вырос неизбалованным — ни едой, ни одеждой, ни деньгами, ни свободным временем. Потом у нас родилась Анна, за ней — Настя, а Витя был домохозяйном. Он и стирал, и

готовил. До и после рождения Насти у меня были серьезные проблемы со здоровьем, я просто неделями не могла встать. И ребята многое делали сами — готовили, прибирали, гуляли. Витя брал коляску в одну руку, Аню в другую руку, шел во двор, гулял с ними. Он всегда был послушным ребенком, очень добрым, очень внимательным.

И, конечно, мы старались его всесторонне развивать. Занятия в бассейне, катание на лыжах с дедушкой. С 7-ми лет Витя занимался в музыкальной школе, уроки шли по 7 раз в неделю. Три раза в неделю по два часа — балетные танцы, групповые занятия, плюс индивидуальные уроки, плюс акробатика. Правда, с окончанием 9-го класса все эти внешкольные занятия прекратились. Музыкальную школу он как раз окончил, а балетные танцы оставили по благословению батюшки. В старших классах очень много времени у сына занимала учеба, различные школьные олимпиады и конкурсы.

Так и получилось. Это может засвидетельствовать каждый, кто знаком с Витей Васюниным. А у редакции «ПВ» к нему и вовсе особые чувства, потому что Витя — наш корреспондент. Сегодня Виктор — студент 3-го курса радиотехнического факультета УГТУ УПИ.

Виктория: Анне сейчас 11 лет. На мой взгляд, она очень способный ребенок. Наверное, самый способный из всех. Витя более ответственный, а Анна просто талантлива. Она берет не усердием, ей многое дано. Аня очень хороший аналитик, логик, прекрасно запоминает сложную информацию. Но бороться за успех никогда не будет. Ну, вот, для примера. Аня участвовала в олимпиаде. Потом рассказывает нам: «Я быстренько решила все и ушла». Витя ей: «Ты

Когда Вите было 9 лет, наши близкие друзья дали мне почитать книгу «Житие Александра Невского». И после прочтения я была просто в шоке. Оказалось, что русского князя «мучили» уроками, учили капитально, заставляли изучать историю, дипломатию, иностранные языки. С 12-ти лет он участвовал и в военных походах, и в дипломатических переговорах, он был уже помощником отцу. С 12-ти лет он уже ходил охотиться один!

Что такое современный городской ребенок в 12 лет? А юный князь Александр, упав на охоте в яму, сломал бедро, сам себе его перевязал, и сам выбрался из этой ямы... Прочитав это, я поняла, что мальчика надо «мучить» уроками и готовить физически. И старалась, чтобы к 12-ти годам можно было бы, образно говоря, спокойно отпустить его на охоту. То есть, к 12-ти годам он должен был стать самостоятельным, ответственным молодым человеком.

должна была бороться за каждую задачу!» — «А там все понятно было». Аня увлекается очень многим, поэтому в школе она участвует во всех конкурсах: рисовать, петь, танцевать, конкурс почемучек — это все ее. И при этом она любит учиться.

Настасья младше Анны на полтора года. Настя — это хвостик Ани. Хвостик во всем и везде. Если Аня пишет — Настя пишет. Она копирует ее во всем и ревнует к подружкам.

Олег: У Насти, с точки зрения учебы, успехи скромнее. Конечно, она всегда тянется за Аней. Настя — человек подвижный, любит лазать по деревьям, в результате чего и падает нередко.

Виктория: Настя — более открытая. Там, где Аня промолчит, Настя скажет. Там, где Аня еще подумает, Настя уже сделает.

Виктория: Никита у нас — золотой ребенок. Он очень общительный. Конечно, ему повезло в том плане, что, кроме родителей, есть еще и брат, и сестры — то есть, компания большая.

Трудятся в семье Васюниных все, от мала до велика. У них прямо-таки научная организация труда, благодаря которой и дом содержится в полном порядке, и добросовестное выполнение обязанностей становится для детей нормой жизни.

Виктория: У детей обязанности по дому появляются с трех лет. Правда, когда они в этом возрасте, например, моют пол, то больше грязь размазывают, чем ее убирают. После них приходится потом перемывать. Но здесь важно то, что таким образом они привыкают к труду. У нас и Никита уже все делает по дому: собирает игрушки, заправляет постель, моет пол.

При этом существует разделение труда — и дома, и на даче. Все поделено на участки: у каждого своя грядка, свой участок работы. И я точно

Еще одна замечательная традиция семьи Васюниных — читать детям на ночь. Вроде бы, ничего особенного в этом нет, но это прекрасный способ общения с ребенком.

Виктория: Мы всегда читаем детям перед сном. Причем, Вите я старалась читать то, что он не очень любил и сам бы не стал читать. Но любовь к чтению ему привить удалось.

Олег: А я читаю дочкам. Книжки выбираем разные — я даже не могу сказать, что придерживаемся

Учеба, внешкольные занятия, домашние обязанности, совместное чтение... А как же телевизор?! А нужен ли он, когда у людей такая интересная, насыщенная жизнь?

Олег: К телевизору доступ строго ограничен. Девочки смотрят его только в выходные дни. Но существует ряд условий: если они успевают выполнить все свои обязанности, если нет двоек и замечаний к поведению. Причем, смотрят дети не телевизионную программу, а видеокассеты с хорошими, добрыми мультфильмами и фильмами.

Виктория: В среду и пятницу и в большие посты телевизор мы не смотрим. Не включаем

Общаться есть с кем. Когда укладываем Никиту спать, то ему надо, чтобы мама с ним полежала, назавтра наступает папина очередь. Больших проблем с ним нет, от него пока что только положительные эмоции, его все любят. Ребенок очень способный и не вредный, ласковый, всех жалеет. Если мы Настю поставили в угол, он к ней придет, рядом посидит, погладит ее — переживает. И уже сейчас понятно, что он сенсорик: очень любит делать что-нибудь руками, что-то мастерить.

не буду делать чью-то работу, этот кто-то должен сделать ее сам.

Олег: Но, поскольку нас много, не всегда работа, например, по наведению порядка выполняется синхронно. У одного есть время — он свой участок квартиры вымыл, а другой сегодня занят — соответственно, его часть работы еще ждет внимания к себе.

Когда я прихожу к детям вечером читать книгу и вижу в комнате беспорядок, я им, конечно, выражаю свое неудовольствие. И соглашаюсь читать при условии, что за это время они приберут.

какой-то определенной тематики. И очень здорово, прочитав, обсудить это, пообщаться, поговорить. Стараюсь молитвенное правило тоже читать в девчоночьей комнате. Девочки со мной вместе молятся до «Отче наш», потом тихонечко ложатся и, пока я дочитаю до конца, они уже спят.

его и после 8-ми вечера, потому что иначе потом детям трудно успокоиться и заснуть. Витя у нас вообще вырос без телевизора — в том смысле, что я все время была дома и могла это контролировать, а он был занят с утра до ночи. И девочки сейчас также серьезно заняты. Занятия в музыкальной школе проходят у них 7 раз в неделю. Кроме того, Аня и Настя ходят в кружок вязания, а наша хорошая знакомая, Елена Геннадьевна, учит их шить.

Психологи говорят о том, что в семье должна быть система наказаний и система поощрений. А как можно воплотить это в жизнь — но не в качестве импульсивных реакций на поступки ребенка, а именно в качестве продуманной системы?

Олег: Возможность заниматься рукоделием подается нами, как приз, как «шоколадка». Для девочек важны умения шить и вязать, мы как родители в этом заинтересованы, но эти занятия для них — некий бонус. Перед тем, как отпустить их в кружок, мы делаем краткий обзор: если есть какие-то долги и провинности, они сначала в обязательном порядке исправляются. Если положение не исправлено — никто никуда не пойдет.

Виктория: Год или два назад мы подарили девочкам швейную машинку. Постепенно они продвигаются в этом направлении — шьют кукольную одежду, сшили себе юбки, ночные сорочки, кофточки. Шьют одежки для беби-бона. Кстати, это была любимая игрушка до рождения малыша. Как только появился Никита, куклу они забросили.

Олег: У Ани и Насти разные характеры, живут они при этом в одной комнате. С утра они встают адекватные, отдохнувшие, друг другу помогают. А к вечеру, когда уже устали, бывают конфликты. Если это переходит на крик, приходится вмешиваться.

В семье Васюниных принято дарить друг другу подарки. Родители дарят детям то, что нужно для их развития. Среди таких «умных» подарков — швейная машинка для девочек, микроскоп и гончарный круг — и интересно, и полезно. А что дарят родителям дети?

Виктория: Дети всегда делают подарки своими руками. Витя знает, что лучший подарок маме — это сыграть на фортепиано или на гитаре. Анна нам с папой на любой праздник дарит свои стихи — стихи удивительные, глубокие. На годовщи-

Стараемся мотивировать детей решать возникающие вопросы более мягко. В этом году, в июне месяце, перед сплавом я им говорил: «Как я вас возьму собой? Вы будете сидеть в одной лодке два дня, там друг от друга никуда не денешься. И если вы во время сплава поссоритесь или подеретесь, мы можем попасть в опасную ситуацию. Поэтому с Витей мы точно сплавляемся через неделю, а вас берем с собой, только если вы будете жить дружно, и не будет никаких замечаний в ваш адрес».

Виктория: И они твердо знали, что их не пугают, но как папа сказал, так и будет. И сделали все, чтобы на сплав их взяли.

Послушание старшим в семье тоже можно подать, как конфетку: старший брат поможет, защитит, встретит, пожалеет. При этом мама с папой могут наказать, а дети друг друга наказывать не должны. Что бы кто из них ни натворил, никто не смеет его ругать или наказывать. Разберемся мы с папой. А они должны друг друга жалеть. Но если старший брат сказал — иди и делай. И при этом старший отвечает за младшего: например, если Настасья на прогулке куда-то убежала, я сперва спрошу за это с Ани.

ну свадьбы мы с Олегом получили стихотворное пожелание с Божьей помощью преодолевать все трудности, чтобы это делало нас лучше и счастливее. Это не каждый взрослый такое напишет! А Настин конек — поделки из пластилина.

Мы попросили многодетных родителей с большим жизненным опытом дать совет по воспитанию детей другим мамам и папам.

Олег: В воспитании детей очень помогли книги Татьяны Шишовой и Ирины Медведевой, а также книга игумена Евмения «Аномалии родительской любви». Мы стараемся придерживаться советов, данных в этих книгах — в той мере, в какой это реально для нас. Что-то получается, что-то не очень. Хочется сделать, но сил не хватает. Но к этому надо стремиться.

Виктория: Я хотела бы пожелать всем мамам стремиться сделать своих детей домашними. Родной дом для ребенка гораздо лучше, чем продлен-

ки, садики и лагеря. Мне очень повезло, что у меня домашние дети. Им было проще научиться оценивать, что хорошо, что плохо; им легче привить чувство отторжения неправильного, некрасивого, нечестного. В садике научиться этому сложнее.

Как человек деревенский по корням своим, я считаю, что детей надо воспитывать просто: минимум свободного времени, максимум трудолюбия и послушания. В деревне, куда я приезжала погостить, будучи еще маленькой девочкой, не было культа еды и культа потребления — зато там

были культ работы и культ послушания. И я стараюсь воспитывать детей так же. Сварила кашу — сегодня для всех рисовая каша. Кто-то ее любит, кто-то ее не любит, но сегодня для всех рисовая каша. Суп, похлебка — обязательно. Минимум лишней еды. Никаких «сбегаю в киоск, куплю

чипсы» быть не может. Кроме того, дети должны быть постоянно заняты. Если ребенок свободен от школьных занятий, есть еще и домашние дела.

Олег: Но, на мой взгляд, загрузка домашними делами должна проходить по формуле: «Ты сейчас не занят? Ты можешь мне помочь?»

Когда-то мама Вика сомневалась, правильно ли она поступает, уделяя детям столько времени и внимания. Теперь, когда они подросли, сомнений нет: это было правильно. И дети это ценят.

Виктор: Мне всегда очень нравилось, когда родители ходили со мной на лыжах. Нравилось гулять всей семьей. Люблю совместные праздники: собрались, посидели за столом, что-то друг другу рассказали, что-то обсудили. Вообще, вопрос «Какие мама с папой?» — это вопрос из серии «Как дела?» Все, что я сейчас имею — это только благодаря им. И если бы мама не занима-

лась со мной со второго класса математикой, я в институт не поступил бы. А к вере, может, и пришел бы самостоятельно, но неизвестно, когда и как это было бы.

Аня и Настя: Мама с папой замечательные. Они о нас заботятся, балуют нас, любят нас. Бывает, что наказывают, но за дело.

Никита: Мама хорошая, добрая, красивая.

А завершить встречу с семьей Васюниных нам хочется ответом на вопрос о секретах многолетнего семейного счастья.

Олег: Мне кажется, человеку православному хранить мир и благополучие в семье проще. Соблазнов много у всех, но человек верующий помнит о Боге и понимает, что если есть слож-

ности — надо их перетерпеть, что любое искушение дается во благо, и если оно переживается верно, то приобретаются какие-то нужные качества.

P. S. Наш разговор с семьей Васюниных состоялся почти год назад. За это время в полку наших героев прибыло: 15 мая у них родился еще один сын. И, поскольку он появился на свет в день памяти святых Бориса и Глеба, то и имя получил в честь одного из благоверных князей. Нам пока нечего рассказать читателям о маленьком Глебе, зато вы можете увидеть его на фотографиях.

Беседовали о. Евгений Попиченко и Светлана Ладина

Еще мама

— А я, когда вырасту, я в школу ходить не буду! — сказал Артем своей матери, Евдокии Алексеевне. — Правда, мама?

— Правда, правда, — ответила мать. — Чего тебе ходить!

— Чего мне ходить? Нечего! А то я пойду, а ты заскучаешь по мне. Не надо лучше!

— Не надо, — сказала мать, — не надо!

А когда прошло лето и стало Артему семь лет от роду, Евдокия Алексеевна взяла сына за руку и повела его в школу. Артем хотел было уйти от матери, да не мог вынуть свою руку из ее руки; рука у матери теперь была твердая, а прежде была мягкая.

— Ну что ж! — сказал Артем. — Зато я домой скоро приду! Правда, скоро?

— Скоро, скоро, — ответила мать. — Поучишься чуть-чуть и домой пойдешь.

— Я чуть-чуть, — соглашался Артем. — А ты по мне дома не скучай!

— Не буду, сынок, я не буду скучать.

— Нет, ты немножко скучай, — сказал Артем. — так лучше тебе будет. А игрушки из угла убирать не надо: я приду и сразу буду играть, я бегом домой прибегу.

— А я тебя ждать буду, — сказала мать, — я тебе оладьев нынче испеку.

— Ты будешь ждать меня? — обрадовался Артем. — Тебе ждать не дожждаться! Эх, горе тебе! А ты не плачь по мне, ты не бойся и не умри смотри, а меня дождайся!

— Да уж ладно! — засмеялась мать Артема. — Уж дождусь тебя, милый мой, авось не помру!

— Ты дыши и терпи, тогда и не помрешь, — сказал Артем. — Гляди, как я дышу, так и ты.

Мать вздохнула, остановилась и показала сыну вдаль. Там в конце улицы стояла новая большая рубленая школа, ее целое лето строили, а за школой начинался темный лиственный лес. До школы отсюда еще было далеко, до нее протянулся долгий порядок домов, дворов десять или одиннадцать.

— А теперь ступай один, — сказала мать. — Привыкай один ходить. Школу-то видишь?

— А то будто! Вот — она!

— Ну, иди, иди, Артемушка, иди один. Учительницу там слушайся, она тебе вместо меня будет.

Артем задумался.

— Нет, она за тебя не будет, — тихо произнес Артем, — она чужая.

— Привыкнешь, Аполлинария Николаевна тебе как родная будет. Ну, иди!

Мать поцеловала Артема в лоб, и он пошел далее один.

Отошедши далеко, он оглянулся на мать. Мать стояла на месте и смотрела на него. Артему хотелось заплакать по матери и вернуться к ней, но он опять пошел вперед, чтобы мать не

обиделась на него. А матери тоже хотелось догнать Артема, взять его за руку и вернуться с ним домой, но она только вздохнула и пошла домой одна.

Вскоре Артем снова обернулся, чтобы поглядеть на мать, однако ее уже не было видно.

И пошел он опять один и заплакал. Тут гусак вытянул шею из-за изгороди, крикнул и защемил клювом штанину у Артема, а заодно захватил и живую кожу на его ноге. Артем рванулся прочь и спасся от гусака. «Это страшные дикие птицы, — решил Артем, — они живут вместе с орлами!»

На другом дворе были открыты ворота. Артем увидел лохматое животное с приставшими к нему репьями; животное стояло к Артему хвостом, но все равно оно было сердитое и видело его.

«Ктой-то это? — подумал Артем. — Волк, что ли?»

Артем оглянулся в ту сторону. Куда ушла его мать, — не видать ли ее там, а то этот волк побегит туда. Матери не было видно, она уже дома, должно быть, — это хорошо, волк ее не съест. Вдруг лохматое животное повернуло голову и молча оскалило на Артема пасть с зубами.

Артем узнал собаку Жучку.

— Жучка, это ты?

— Р-р-р! — ответила собака-волк.

— Тронь только! — сказал Артем. — Ты только тронь! Ты знаешь, что тебе тогда будет? Я в школу иду! Вон она — виднеется!

— М-м, — смиренно произнесла Жучка и шевельнула хвостом.

— Эх, далече еще до школы! — вздохнул Артем и пошел дальше. Сначала он бежал по тропинке возле плетня, да оттуда какой-то зверь дыхнул на него горячим духом и сказал: ффурфурчи!

— Не трожь меня — мне некогда! — ответил Артем и выбежал на середину улицы.

На дворе школы сидели ребята. Их Артем не знал, они пришли из другой деревни, и, должно быть, они учились давно и были все умные, потому что Артем не понимал, что они говорили.

— А ты знаешь жирный шрифт? Ого! — сказал мальчик из другой деревни.

А еще двое говорили:

— Нам хоботковых насекомых Афанасий Петрович показывал!

— А мы их прошли уже. Мы птиц учили до кишок!

— Вы до кишок только, а мы всех птиц до перелета проходили.

«А я ничего не знаю, — подумал Артем, — я только маму люблю! Убегу я домой!»

Зазвенел звонок. На крыльцо школы вышла учительница Аполлиария Николаевна и сказала, когда отзвенел звонок:

— Здравствуйте, дети. Идите сюда, идите ко мне.

Все ребята пошли в школу, один Артем остался во дворе. Аполлиария Николаевна подошла к нему:

— А ты чего? Оробел, что ли?

— Я к маме хочу, — сказал Артем и закрыл лицо рукавом. — Отведи меня скорее ко двору.

— Нет уж, нет! — ответила учительница. — В школе я тебе мама!

Она взяла Артема под мышки, подняла к себе на руки и понесла.

Артем исподволь поглядел на учительницу: ишь ты, какая она была, — она была лицом белая, добрая, глаза ее весело смотрели на него, будто она играть с ним хотела в игру, как маленькая. И пахло от нее так же, как от матери, теплым хлебом и сухою травой.

В классе Аоллиария Николаевна хотела было посадить Артема за парту, но он в страхе прижался к ней и не сошел с рук. Аполлиария Николаевна села за стол и стала учить детей, а Артема оставила у себя на коленях.

— Эх ты, селезень толстый какой на коленях сидит! — сказал мальчик.

— Я не толстый! — ответил Артем. — Это меня орел укусил, я раненый.

Он сошел с коленей учительницы и сел за парту.

— Где? — спросила учительница. — Где твоя рана? Покажи-ка ее!

— А вот тут! — Артем показал ногу, где гусак его защемил.

Учительница оглядела ногу.

— До конца урока доживешь?

— Доживу, — обещал Артем.

Артем не слушал, что говорила учительница на уроке. Он смотрел в окно на далекое белое облако; оно плыло по небу туда, где жила его мама в родной их избушке. А жива ли она? Не померла ил от чего-нибудь, — вон бабушка Дарья весною враз померла, не чаяли, не гадали. А может быть, изба их без него загорелась, ведь Артем давно из дома ушел, мало ли что бывает.

Учительница видела тревогу мальчика и спросила у него:

— А ты чего, Федотов Артем, ты чего думаешь сейчас? Почему ты меня не слушаешь?

— Я пожара боюсь, наш дом сгорит.

— Не сгорит. В колхозе народ смотрит, он потушит огонь

— Без меня потушат? — спросил Артем.

— Без тебя управятся.

После урока Артем первым побежал домой.

— Подожди, подожди, — сказала Аполлиария Николаевна. — Вернись назад, ты ведь раненый.

А ребята сказали:

— Эх какой, инвалид, а бегаешь!

Артем остановился в дверях, учительница подошла к нему, взяла его за руку и повела с собою. Она жила в комнатах при школе, только с другого крыльца. В комнатах у Аполлиарии Николаевны пахло цветами, тихо звенела посуда в шкафу, и всюду было убрано чисто — хорошо.

Аполлиария Николаевна посадила Артема на стул. Обмыла его ногу теплой водой из таза и перевязала красное пятнышко — щипок гусака — белой марлей.

— А мама твоя будет горевать! — сказала Аполлиария Николаевна. — Вот горевать будет!

— Не будет! — ответил Артем. — Она олады печет!

— Нет, будет. Эх, скажет, зачем Артем в школы нынче ходил? Ничего он там не узнал, а пошел учиться, — значит, он маму обманул, значит, он меня не любит, скажет она и сама заплачет.

— И правда! — испугался Артем.

— Правда. Давай сейчас учиться.

— Чуть-чуть только, — сказал Артем.

— Ладно уж: чуть-чуть, — согласилась учительница. Ну, иди сюда, раненый.

Она взяла его к себе на руки и понесла в класс. Артем боялся упасть и прильнул к учительнице. Снова он почувствовал тот же тихий и добрый запах, который он чувствовал возле матери, а незнакомые глаза, близко глядевшие на него, были несердитые, точно давно знакомые.

«Не страшно», — подумал Артем.

В классе Аполлиария Николаевна написала на доске одно слово и сказала:

— Так пишется слово «мама», — и велела писать эти буквы в тетрадь.

— А это про мою маму? — спросил Артем.

— Про твою.

Тогда Артем старательно начал рисовать такие же буквы в своей тетради, что и на доске. Он старался, а рука его не слушалась; он ей подговаривал, как надо писать, а рука гуляла сама по себе и писала каракули, непохожие на маму. Осерчавши, Артем писал снова и снова четкие буквы, изображающие маму, а учительница не сводила с него своих радующихся глаз.

— Ты молодец! — сказала Аполлиария Николаевна.

Она увидела, что теперь Артем сумел написать буквы хорошо и ровно.

— Еще учи! — попросил Артем. — Какая это буква: вот такая — ручки в бочки?

— Это Ф, — сказала Аполлиария Николаевна.

— А жирный шрифт — что?

— А это такие вот толстые буквы.

— Кормленные? — спросил Артем. — Больше не будешь учить — нечему?

— Как так — нечему? Ишь ты какой! — сказала учительница. — Пиши еще!

Она написала на доске: «Родина».

Артем стал было переписывать слово в тетрадь, да вдруг замер и прислушался. На улице кто-то сказал страшным заунывным голосом: «У-у!» А потом еще раздалось откуда-то, как из-под земли: «Н-н-н!»

И Артем увидел в окно черную голову быка. Бык глянул на Артема одним кровавым глазом и пошел к школе.

— Мама! — закричал Артем.

Учительница схватила мальчика и прижала его к своей груди.

— Не бойся! — сказала она. — Не бойся, маленький мой. Я тебя не дам ему, он тебя не тронет.

— У-у-у! — прогудел бык.

Артем обхватил руками шею Аполлинару Николаевны, а она положила ему свою руку на голову.

— Я прогоню быка.

Артем не поверил.

— Да. А ты не мама!

— Мама!... Сейчас я тебе мама!

— Ты еще мама? Там мама, а ты еще, ты тут.

— Я еще. Я тебе еще мама!

В классную комнату вошел старик с кнутом, запыленный землей; он поклонился и сказал:

— Здравствуйте, хозяева! А что, нету ли ква-ску испить либо воды? Дорога сухая была...

— А вы кто, вы чьи? — спросила Аполлинария Николаевна.

— Мы дальние, — ответил старик. — Мы скрозь идем вперед. Мы племенных быков по плану гоним. Слышите, как они нутром гудят? Звери лютые!

— Они вот детей могут изувечить, ваши быки! — сказала Аполлинария Николаевна.

— Еще чего! — обиделся старик. — А я-то где? Детей я уберегу!

Старик пастух напился из бака кипяченой воды, вынул из своей сумки красное яблочко, дал его Артему.

— Ешь, — сказал, — точи зубы. — И ушел.

— А у меня есть еще мамы? — спросил Артем. — Далеко-далеко где-нибудь?

— Есть, — ответила учительница. — Их много у тебя.

— А зачем много?

А затем, чтоб тебя бык не забодал. Вся наша Родина — еще мама тебе.

Вскоре Артем пошел домой, а на другое утро он спозаранку собрался в школу.

— Куда ты? Рано еще, — сказала мать.

— Да, а там учительница Аполлинария Николаевна! — ответил Артем.

— Ну что ж, что учительница. Она добрая.

— Она должно, уже соскучилась, — сказал Артем. — Мне пора.

Мать наклонилась к сыну и поцеловала его на дорогу.

— Ну, иди, иди помаленьку, учись там и расти большой.

А. П. Платонов

Рисунки Ксении Возглицевой

На этот раз рубрику «Устами младенца» поддержала многодетная семья Рожиных. Сегодня мы предлагаем вниманию читателей «Заметки старшего брата» и благодарим Антона Рожина за присланный в редакцию «ПВ» материал.

Сравнил

Люба спрашивает Алешу: «Алеша! Лондон это страна?»

Алеша: «Лондон — это как бы Париж».

Решающий довод

Спор Алеша и Антона. Антон: Ты взял чужую кружку, Алеша. Возьми свою.

Алеша: Нет, это моя!

Антон: Не обманывай, я знаю твою кружку!

Алеша быстро ставит точку: А ты не спорь с младшими!

Вопрос и ответ

Мама приносит облепиху. Алеша говорит: Как вкусно пахнет облепихой!

Антон: Ты что, любишь облепиху?

Алеша: Ненавижу!

Воспитание родителей

Мама с Любой (3 года) в лесу, собирают грибы. Мама торопится, идет быстро и не замечает, как сзади падает Люба. Об этом возвестил Любин голос: Когда ребенок упал, его надо поднимать!

АНТОН

Алеша

Научная беседа

Подслушан разговор Алеша Рожина и Насти Васюниной:
Алеша: Я сегодня ел аскорбинку! Она такая сладкая-сладкая!

Настя (заинтересовалась): А что это такое?

Алеша: Аскорбинка — это... кажется глюкоза.

Настя (рассуждает): Да, Алеша, ты уже большой, даже знаешь, что такое аскорбинка. Тебе надо уже учиться в школе... Но, по-моему, аскорбинка — это все-таки что-то другое...

Откуда в море вода?

Мама попросила старшего брата почитать Алеше книгу. Чтобы совместить приятное (для Алеша, конечно) с полезным, Антон решил почитать ему образовательную книжку «Загадки моря». Не утруждая себя объяснением терминов «круговорот воды в природе» и т. д., Антон зачитал про то, «откуда в море берется вода». В конце, решив провести экзамен, он спросил Алешу: «Ну, ты теперь понял, откуда в море берется вода?» Алеша в ответ: «Да». «Ну и откуда же?» — «Бог дает».

Кто в семье главный

После громкой критики Алешиного поведения Антоном, тот возмущенно отвечает: «А ты вообще не голова семьи! Это папа голова! А мама — шея! А ты... тело! А мы с Сашей руки! А Люба ноги! Вот так, понял?»

Профессиональный интерес

Мама Лариса парикмахер, дома всех стрижет. Антон как-то смотрел лекцию профессора Осипова, у которого, как известно, с волосами на голове не очень. Алеша, увидев его на экране, спрашивает: «Антон, а его что, уже подстригли?»

Устами младенца...

Антон, делая что-то, попутно наставлял Алешу: «Вот учишь, пока я жив. Если умру — у кого будешь учиться?» Алеша недоверчиво хмыкает, и после паузы возражает: «Если ты будешь молиться, ты еще не будешь старым и не помрешь».

В чем толк

Антон, придя домой, увидел как Алеша моет в комнате пол. Качество мытья ему не понравилось, и Алеше сразу досталось: «Ты как моешь пол? Почему не стараешься? Никакого толка от твоего мытья нет!» Алеша: «Нет, есть! Есть! И знаешь какой? Я гулять пойду!»

Саша

Люба с сестренкой Надюшей

Новый глагол

Алеша (собираясь что-то съесть):
Сейчас мы ее пообедаем!

Что ест мама

Обед. Мама приготовила рыбный суп. Себе она достала самое невкусное в супе — голову рыбы и собралась есть.

Алеша смотрел на это, как на цирковой номер. Как только он понял, в чем дело, сразу побежал оповещать о новости Любу: «Люба! Мама будет сейчас есть рыбную головку с глазами!»

(Для непосвященных: глаза — самое страшное в приготовленной рыбе после ее зубастой пасти). После обеда, когда с супом, и в том числе с рыбьей головой все было закончено, Алеша сообщает Любе, не являвшейся свидетелем этого события: «Люба, слушай! Мама чуть не съела рыбы глаза!»

Несправедливость

Алеша после просмотра военного фильма возмущается: «Представляешь? Они (немцы) такие наглые: прилетели и всех наших перестреляли!»

О собачке

Алеша рассказывает о дворовой собаке, которую он прикармливает: «Он все ест: и косточку, и косточку из-под сгущенки... И ничего смешного! Собачки и не такое едят!»

Екатеринбург — Первоуральск

Наша рубрика «В гостях у батюшки» рассказывала уже о многих священниках Екатеринбургской епархии. И о каждой батюшке мы всегда говорим с огромным искренним уважением. Но, все же, совершенно особое, трепетное отношение вызывают повествования о тех священнослужителях, которые духовно родились и выросли в Свято-Пантелеимоновском храме — мы как будто представляем нашим читателям родных и близких людей.

Один из них — настоятель храма во имя святителя Николая Чудотворца г. Первоуральска священник Василий Зудилев. Рассказ батюшки о своем непростом пути к Богу поражает искренностью и заставляет задуматься о многом.

Я рос неверующим человеком. Как мне казалось, я был верующий. На самом деле веры там не было. Я верил в какие-то приметы. А молодость увлекла меня в восточные единоборства.

Когда я поступил в Свердловское высшее военно-политическое училище, то ожидал, что нам будут давать взгляды на религию, граничащие с атеизмом. Ничего подобного! Наоборот, преподаватели пытались рассказать о религиях разных стран как раз не с позиции оголтелого атеизма.

Думаю, что преподаватели партийно-политической работы, которые были на острие всех политических изменений, почувствовали скорый развал коммунистической партии, скорый развал Союза даже, и поэтому они уже тогда преподавали нам не партийно-политическую работу, а социальную психологию и другие предметы, которые в дальнейшем оказались необходимыми в обществе, в государстве.

Они старались, чтобы мы, выпускники, не чувствовали себя обделенными в этих знаниях. Но по отношению к вере... какая там вера!

Жил, как обыкновенный человек, грешил своими грехами, в социальной сфере адаптировался по-своему. Окончив училище, я попросился служить в Забайкалье. Потому что там родился, потому что в памяти были эти сопки, прекрасная природа, удивительные люди, которые буквально сторонились всего остального мира.

Кто живет в Забайкалье? Очень много сосланных, переселенцев с какой-нибудь Воронежской области, то есть кулаков, казаков, военных. Советская власть далеко. Очень обособленные люди, замкнутые, но это был мой мир. Мне было интересно туда вернуться, мне хотелось мою Родину постичь не только детским взглядом.

Вот я и поехал туда служить. Слава Богу, меня туда направили после окончания училища. Я там прослужил почти 6 лет. Прослужил в разных должностях — и командных, и замполитских. Там я наблюдал беготню с фотографиями то Горбачева, то других руководителей. Наблюдал августовский путч — шел 1991 год, год выпуска из училища.

Экономические и политические перемены сливались в кучу. И в войсках формировалось иное отношение к замполитам, было заметно, что этот институт претерпевал изменения. Все это накладывало на меня серьезный отпечаток, но главное — я всегда держался Востока. И, наверное, половина всех моих усилий для того, чтобы поехать на Восток, была обусловлена увлечением восточной философией. Потому что восточные единоборства предполагают изучение философских течений.

Я побывал там в некоторых монастырях. Когда ездили на стрельбы на полигон в Дацан (это бурятские степи недалеко от границы с Монголией), я посетил там буддистский монастырь. Конечно, я не молился, это было скорее экскурсией, но амулетиков накупил полный карман — от глаза, для плодородия.

Принес домой, меня жена чуть не выгнала из дома. Она всегда трезвая была в этом смысле, дома всегда были иконы, ею возимые, куда бы она ни поехала. Она мне сказала: «Выкидывай, куда хочешь». Нет, я их не выкинул, я налысо обрил голову. В отместку, наверное, в утверждение того, что свое мнение у меня должно быть.

Конечно, к душе моей ничего из этого не прикипело, но в то время мне было интересно погрузиться в эту ерунду. Никогда я не ходил на буддистские молитвы, но литературы читал очень много.

Много интересного узнал, когда познакомился с кришнаитами. Они очень цепкие люди, мы знаем это. Они, образно говоря, вцепились мне в горло, в сердце, в руки, в волосы, и везде меня старались завлечь в свои мероприятия. Мне, конечно, нравилась их пища, всякие сладенькие пахлавушки-махлавушки. Я их кушал с удовольствием, но слушать их мне было тошно.

Короче говоря, буддист из меня не вышел, кришнаит тоже. Но не потому, что не захотел — просто чувствовал, что это не мое, не наше, чужое. Много фальши обнаружилось, ведь истину сердцем чувствуешь. Но это я сейчас так говорю, тогда я не знал, почему я не пошел дальше, просто не захотел. А сейчас я понимаю, почему — потому что это не тронуло. Если тронет, то зацепляешься, хватаешь и не хочешь отпустить. Увидел человек счастье — вот оно, мое счастье, не хочу ничего больше. Увидел радость — хочу, чтобы эта радость всегда была со мной. Точно так же произошло у меня с обретением истинной веры.

Когда я смотрел на свою жену — я всегда удивлялся, почему она так твердо — как бы я ее ни раскачивал, куда бы я ее ни привлекал — твердо стояла на молитве. У нее был затрепанный молитвослов с псалтирью — до сих пор, по моему, с ним ездит везде. И она постоянно читала. И когда я уходил из дома, будучи военным, на встречу с каким-нибудь кришнаитом, она обязательно вставала на молитву. Вы знаете, когда я смотрел на нее, мне было вначале смешно, затем удивительно, а потом я просто поразился, что на самом деле этот человек не сам справляется с трудностями. Ей помогает Господь!

И мне показалось, что если я не буду пользоваться помощью Бога, то я, по меньшей мере, себе навредить могу. Потому что сами видите, шараханья мои были в разные стороны, куда я только ни ходил, чем я только ни занимался. Ну и, конечно, на тот период жизни мне было в чем покаяться.

Уволившись из армии и приехав сюда, я еще одного идола начал осваивать. Это, наверное, один из основных идолов нашего време-

ни — деньги, благосостояние, богатство, тяга ко всему подобному. Попытался найти себя в работе, в бизнесе. Ребята знакомые соблаговолили принять меня в свой круг, и я даже сделал там неплохую карьеру. По крайней мере, старт карьеры был неплохой, я догнал многих из тех, кто занимался этим делом уже много лет. Всего хватало, чтобы этим заниматься — знаний, умений, удачи. Тогда это так квалифицировалось. А потом августовский, 1998 года, обвал денег. Те, кто были друзьями, стали врагами друг другу, по крайней мере, на какой-то период. Удивительно, маски были сорваны, и это было страшно.

Из армии я уволился в 1996 году, в 1997 приехал сюда, у меня было года полтора на то, что бы развиваться. Я стал хорошо зарабатывать, машину купил. Но все это казалось лишь малозначительным началом. Потому что искал ведь фундаментальность какую-то, истины какие-то, правды искал. Душа задергана была этим ненормальным поиском, я нигде не видел этой правды. Хотя перед глазами был пример моей жены и моей семьи — я имею в виду папу и маму, на то время они давно уже пришли к вере.

А я, наверное, просто отработывал все остальные варианты, чтобы убедиться, что они действительно тупиковые, что та версия будет единственно правильной. Потом, когда я пришел в Храм и узнал, что тем же самым занимался князь Владимир, это мне в какой-то степени польстило. Хотя период поиска и метаний был похож на страшные муки. Потому что не дойти туда, куда все силы прилагаешь — это страшно, это приводило к унынию.

Каждый тупик ввергал меня в уныние, и я поднимался с колен только благодаря тому, что решал поискать в другом месте. Поэтому, когда я, рассмотрев все эти варианты, понял, что нужно обращаться к нашим коренным, настоящим, единственно верным истинам Православия, для меня это стало очень важно. Я все силы направил сюда, и теперь могу рассказать, как я пришел к Богу после бизнеса.

О. Василий с матушкой Вероникой

Это был самый страшный кризис, потому что я думал, что деньги многое могут. Оказалось, нет, оказалось, еще хуже могут создать кризис. Я в такое уныние впал, что деньги стали не милы. За деньги невозможно купить ни счастье, ни радость, ни духовный покой, ни душевный, комфорт, что уж там говорить.

Оказывается, что, если ты за деньгами гонишься, то все остальное может разрушиться и исчезнуть. Меня это не устраивало. А где искать? Согласиться со всеми, кто меня окружает, то есть с близкими родственниками, я не мог по гордыне своей. Не мог я согласиться, что единственно верный путь — это Православие. И мне было страшно признать свое поражение, это было для меня очень трудно. Мне пришлось даже поссориться с супругой своей. Тогда это было легко сделать, потому что гордыня позволяла.

И я это сделал, я поссорился и уехал, уехал к своим родителям. Весь такой гордый, не обсуждающий то, что произошло. Лежал на диване днями и ночами, а мама с папой и сестрой ходили на клирос, на свое место, и молились, и молились. Не знаю, может быть, благодаря мо-

литвам моей жены и родственников я и начал весь этот поиск. Чего бы мне искать, если бы за меня никто не молился? Они же вымаливали меня, так получается. Конечно, я им благодарен за это!

Ну вот, дома у родителей я лежал какое-то время на диване, а потом меня просто замучил вопрос, куда это они все время ходят. И ходят, и ходят, и, похоже, деньги еще таскают туда. А однажды мама сказала: «Помоги мне на велосипеде мешок муки увезти». Я чуть с ума не сошел! Я, преуспевающий бизнесмен, у которого, правда, бизнес в нуль пошел — мне интересно стало! Я вижу, что она целый мешок муки со своими-то пенсионными копейками тащит куда-то, и куда оказалось? В Храм!

Я не помню, какими словами я ругал маму! Что она делает? Она бессовестная была в моем понимании. То, что нужно в дом, она тащила куда-то! Причем, никто не давал гарантии, в моем понимании, что это будет правильно употреблено! Не скормлено там собакам или еще что-нибудь, я же не знал, куда это идет. Я не знал, что из этой муки могут быть выпечены просфоры. Что из этой муки могла быть выпечена главная просфора Храма — Агнец. Для меня это было непонятно, я ничего не знал. Мама все выслушала, но я все же ей помог, я не мог отказать. Я помог, привез этот мешок и выгрузил. А через три дня оказалось, что нужно еще мешок сахара увезти.

И, вы знаете, мама меня этим, по-моему, проняла. И мне понравилось делать доброе дело, я был горд по самые уши, по самую макушку. Я заливался радостными истериками внутри себя. Сохраняя внешнее спокойствие, внутри полыхал. Меня пучило от того, что я делал доброе дело. Я видел благодарных людей, которые принимали эти мешки в Храме, и для меня это был восторг. Я никогда не испытывал такого. В бизнесе или еще где-то я ничего подобного не чувствовал.

Конечно, на волне гордыни я переживал доброделание, искаженное моим пониманием духовным. Вот такой непростой момент был. Конечно, я продолжал лежать на диване, у меня была апатия, руки совершенно опустились, но мама меня потихонечку из того состояния выбила.

Я два-три дня думал, а потом спросил: «Куда ты все ходишь с утра, куда ты вот сегодня пошла? Это не твой день, ты на клиросе сегодня не дежуришь». Она мне ответила, что прошло время, и она подготовилась на исповедь. И ушла, хлопнув дверью. Никто не сказал мне: «Пойдем со мной! Сыночек, тебе нужно облегчить душу». Никто не сказал. Она просто хлопнула дверью и ушла.

Меня это оскорбило. Никто не занимается родным сыном! Я не знал, куда деваться от этой обиды, она меня зацепила. На следующий день я сказал: «Мама а ты можешь меня... Может, я тоже могу туда попасть, или я не достоин этого?» Она говорит: «Так все могут попасть туда». И опять хлопнула дверью и ушла. Кто ее научил? Не знаю. Духовник, или сама она понимала, что не надо меня на поводок цеплять тащить куда-то к Богу. Она видела страшное мое состояние и ничего не делала. Она не говорила: «Встань перед иконочками», она не брызгала на меня утром святой водой, пока я еще сплю. Я не ложился в мокрую от Крещенской воды кровать. Она не плескала мне воду в чай. Она спокойно смотрела, как бесцельно я проводил свои дни.

Конечно, ее сердце разрывалось, но она знала, куда девать свою энергию, куда свое беспокойство употреблять — она молилась, она исповедовалась, причащалась. Удивительно! Я тогда ничего не понимал. Это я сейчас знаю, что она делала. Тогда я ничего не понимал, не понимал, почему родная мать так себя ведет. Но в третий раз я уже встал и сказал, что я пойду с ней.

И вот мы зашли в Храм. Какая тут исповедь, меня поразило все! Вообще все: музыка церковного пения, звуки, потрескивание свечей — то, что поражает любого, вошедшего в Храм. Все, что видел, что слышал — все меня поражало. Удивлялся, как старушки стоят, почему стоят, где у них силы берутся. Что там дети делают, в таком непонятном заведении. Пошли бы куда-то, поиграли бы в футбол.

Мне интересно было наблюдать за жизнью прихода. Приход-то был серьезный, сплоченные люди, все друг друга знают. Еще меня поразило, что, как оказалось, меня там все знали. Я никого не знал, все меня знают. Все подходили, здоровались и спрашивали, как у меня дела. Такой

сплоченности коллектива я нигде не видел. Ни в одном обществе — ни в военном, ни в бизнес-кругах. Не было такого знания проблем ближнего. Не было такой духовной близости. Не было такого, как тут, желания помочь. Каждый пытался хоть глазами, но обласкать. Какая глубина проникновения друг в друга, в проблемы близких! Я почему-то подумал, что эти люди, даже если будет худо, не предадут.

Так и получилось. А тогда я просто поражался, удивлялся. Я хлопал глазами, я ничего не понимал. Я думал, что это наигранность, я думал, это театр. Они все улыбались счастливые, а я думал, что это игра, какой-то концерт.

Но это было в первый раз, во второй раз, в третий раз. Я понял, что они живут этим. У них это в сердце. И тут в моем сердце все замерло. В душе все притихло. Как бы это не вспугнуть! И я нашел место в Храме. Вот в этот момент, когда я подумал: не вспугнуть! Я нашел самый уголок около Ксении Петербургской. Высокая ростовая фигура, спрятанная на колонне справа. Там леса еще стояли, никто туда не смотрел практически, уголок такой был интересный. Там стояла всегда моя мама, когда была не на клиросе. А я стоял, спрятавшись за ней. Она молилась Ксении Петербургской, то и дело поворачивалась к ней и целовала ее ножку.

И я вдруг понял, что ее молитвами к св. Ксении, видимо, много чего получилось у меня. И я стал ее любить, как и мама, эта любовь мне передалась. Смотрю, как она делает, и тоже так делаю. Укромное местечко это в Храме сохранилось. Я обязательно туда прихожу, когда бываю в том Храме в городе Мичуринске. Это укромное местечко, я чувствовал себя там уютно, как в утробе матери. Уютно, тихо и спокойно. Я видел всех, я мог подсмотреть за батюшкой через щелочку в алтарной двери. Мне было видно, как его камилавка двигалась туда-сюда. Я не знал, что он делает, но мне было интересно. Как будто бы тайна какая-то приоткрывалась передо мной.

Он что-то там делал, а я думал, что вижу это только один, больше никто не видит. Я, конеч-

но, не молился, просто наблюдал, мне было хорошо. Я прятался от проблем там. И, вы знаете, наверное, они все-таки отходили. Их не было. Я был, как беспроблемный ребенок. Как было до школы: бегаешь, ешь мороженки, съешь в рот песок — и все равно все нормально. И там мне было хорошо.

Потом очереди начались. Как раз с моей стороны вынесли и поставили аналой. И опять меня все поражало: все идут куда-то, что-то там плачут над этим крестом с Евангелием. Я думал, почему они там плачут? Что я переживал в душе, никто не знает. Но это была буря какая-то! Противоречий столько! Как они могут искренне плакать, как они могут говорить, как они не стесняются? Я думал о том, что мне можно было бы рассказать. А они шли и шли. Громадные очереди. Там половина храма исповедовалось. Это человек, наверное, триста. Дети, старики, женщины, молодежь. Тогда у меня все переворачивалось. Как будто кто-то перекапывал сорняками вниз, корешками вверх. Наверное, Господь так возделывает почву.

Однажды я собрался и спросил: «Мама, а я могу исповедаться?». Она сказала: «Конечно, можешь. В любое время подходи, вставай в очередь». Я говорю: «Так я же не знаю, как». Она: «Так тебе зачем знать? Сердце подскажет, батюшка поможет». Так и получилось. Я подошел, батюшка помог: «Чем грешен?». Я, закончивший Свердловское высшее и т. д. училище, разве ж я не знаю, как сказать? Видимо, было очень красочно то, что я рассказывал.

Отец Евгений Попиченко как-то рассказал из практики Церкви, что один пастырь столкнулся с исповедующимся, который начал перечислять, что он согрешил так и вот так, и еще вот так. Пастырь в конце спросил: «Ты это исповедовался или хвастался?» Наверное, я хвастался. Я блистал просто мастерством, умением перечислить всю свою гниль. Я и перечислил, без раскаянья. Я просто умел, я знал. Конечно, я не знал и десятой доли, тысячной, но мне казалось, я «ничего себе» смогу сейчас перечислить! Сколько я смогу перечислить! И этой тысячной доли хватило, чтобы пастырь сказал: «Ты знаешь, мне кажется, тебе надо в монастырь съездить на исповедь, в Сергиев Посад куда-нибудь».

И тут у меня прошла вся эйфория напыщенной исповеди. Мне кажется, что за всем этим пафосом перечисления грехов крылось страдание, какая-то боль, которую я не хотел показывать. Я был неверующий. Зачем это надо показывать? Это все равно, что подставлять спину под удар ножа. Я не хотел подставлять спину, но он меня выбил из колеи, он сказал, что мне надо ехать в монастырь. Даже не «надо», а «было бы неплохо». Вы знаете, меня это потрясло! Я вдруг опустил на землю и стал той букашкой, которая совершенно нестойка ничего.

Я понял, что мне нужно много подумать и перевернуть в голове. Что совсем не так исповедаются, я почувствовал это. Что моя боль не соответствует этой исповеди. Но эта первая исповедь — самая дорогая для меня. Когда я целовал крест и Евангелие, я уже знал, что в монастырь поеду обязательно. Не знал когда, но решение было принято, и мне хотелось туда поехать. И тут все закрутилось вокруг меня — быстро, ментально. Я причастился — все-таки допустили меня до причастия.

Потом приехала моя жена. Я давно ждал ее, жалел, что уехал. Моя гордыня была расплющена полностью. Мне было обидно, что не я приехал первый. Мне больно было, а она приехала первая. Мне было стыдно. И я ей говорю: «Мне, между прочим, надо теперь в монастырь». Она отвечает: «Я поеду с тобой». И мы взяли сына и поехали в монастырь, в Сергиев Посад. Съездили к архимандриту Герману Чеснокову и попали как раз на исповедь.

Там тоже много было потрясений. Нам дали там епитимью, и мы в шоке вернулись в Екатеринбург. Мы не знали, что за то, что мы творили в жизни, можно получить епитимью. Для меня вообще это было поразительно. Я готов был понять, что меня... Но супруге моей, Веронике, тоже дали епитимью! Не знаю за что, не знаю как. Но это было поразительно! Она для меня была по сравнению со мной святая.

Мы тащили эту епитимью, как могли. Гордились этой епитимьей между прочим зело! Мы не фунт изюма... Мы исповедались в Сергиевом Посаде! И епитимью нам дали... о-хо-хо! Уж какой-нибудь там рядовой православный на третьей исповеди не получает же епитимью от архимандрита, нет, конечно нет! Для меня это был совершенно великолепный старт. Моя путевка в христианский мир лежала через епитимью Сергиева Посада. Это претило моему самолюбию. Я даже не знаю, избавился от этого или нет.

Мое тщеславие привело меня в центр города Екатеринбурга, обретаться же нужно было, как православному. Церковные купола попались мне на глаза как раз в центре города. Это был Крестовоздвиженский мужской монастырь. Я туда. А отец Флавиан спал. Он приехал откуда-то и спал. И охранник сказал: «Не попадете вы к батюшке. Приезжайте часов в 12». Я приехал в 12, а он, как оказалось, уже встал и уехал. Пришлось ехать домой. Сел на 32 автобус и поехал к себе на Компрессорный.

Еду мимо психобольницы, смотрю — плакатик «Храм целителя Пантелеимона». И как раз автобус задержался на остановке. То ли бежал кто-то, то ли просто Ангелы крыльями двери держали... Не знаю, я никого не видел. Я вышел и пошел. Храм еле нашел, удивился, что это за хибара такая. Мне совсем не сюда, моему старту не соответствует. Ну, раз пришел, что уж теперь. Хоть зайду, подивлюсь. Зашел. А там служба. И вот тут все пришло в норму. Потому что, оказывается, моя изнывшая душа уже впитала опыт общения с Богом.

И когда я услышал звуки, почувствовал запах Храма, мое сердце расплылось. Я опять нашел свой уголок. Встал, и как мне было мило! Я как будто попал в свой дом. Я опять увидел людей, в другом городе, которые совершенно так же молились, общались друг с другом с большим желанием помочь.

Само течение службы, само богослужение для меня было не чужим, это была часть меня. Я удивляюсь, сейчас только удивляюсь, как быстро моя душа впитала этот опыт. И как трудно с ним расстаться.

Конец службы. Раз я в уголочке, я последний, я всех хотел наблюдать, я занимался тем же самым наблюдением, молитва-то была какая-нибудь. Все я посмотрел, рекогносцировка местности проведена, я спокойно иду ко кресту, порядки такие же — отмечаю все про себя, точно так же ко кресту идут, точно так же свечки горят, точно так же там алтарники ходят, точно так же кадила кадит. Все точно так же, ничего нового не увидел. Все оказалось то же самое. Ко кресту подхожу, а этот, с крестом, мне говорит: «Вы здесь первый раз».

Разумом-то я понимал, что они как семья, но опять удивился. Я опешил, у меня челюсть отвалилась. А это был отец Евгений Попиченко. Я говорю: «Да, я в первый раз, но я хотел бы поговорить с тем, кто здесь главный, с настоятелем». Он спросил: «Что вы хотите?». Я ответил, что меня мир не очень привлекает, я хотел бы что-нибудь делать при Храме. Могу мыть полы, могу из железа что-нибудь сделать. Помню, что сразу предложил сделать из жести красивые ящички для свечек. О. Евгений пригласил прийти на следующую службу, за это время обещал поговорить с настоятелем и передать, что он решит.

Когда я пришел на следующую службу, о. Евгений передал мне листочек, на котором был написан телефон настоятеля. Меня это поразило. Настоятель сразу дал телефон, ничего себе! Мне казалось, что между нами должна быть бездна, непреодолимая просто. Оказалось все по-другому. Ну и началось, закрутилось все, так закрутилось, что я не знаю.

Оказалось, что молитве мамы, молитве папы, молитве жены, молитве сестры не хватало всего лишь моего благорасположения. Больше ничего. Только одно мое благорасположение, личностное. И все понеслось с такой скоростью.... И сейчас просто свист в ушах стоит от той скорости, с которой все развивалось вокруг меня.

Я позвонил настоятелю, сказал, что я могу резать по дереву. Он сразу сказал мне сделать эскиз, набросок киота целителя Пантелеимона. Посоветовал, куда можно съездить посмотреть. Я съездил, сделал несколько вариантов, показал. Он сказал сделать смету, я сделал. Он сказал: «Все, получай деньги в киоске». Для меня это был просто шок. Я за несколько дней был принят на работу в Храм целителя Пантелеимона.

Я, конечно, тогда не знал, что отец Димитрий — это просто монстр христианской деятельности. Что у него многие учились этому, и продолжают учиться. Но тот темп, который он мне задал, видимо, соответствовал тому, что я ожидал. Меня это удивляло, но я успевал осваивать этот темп. Слава Богу! Потому что многие отлетают ведь от такой скорости. Господь так устроил, что это мне пришлось по душе, и все как-то пошло, пошло, пошло. Не без искушений — ой, сколько было искушений в процессе резьбы киота! Сколько

проблем, сколько бед! Как мне казалось, бед. Но все это прошло, и киот был создан.

После создания киота мне отец Димитрий выплатил зарплату и предложил быть старостой Храма. Это было что-то! Староста для меня — это чин какой-то вообще серьезный. Меня знали несколько месяцев, и это все было просто нереально для моего сознания. Я был удивлен, поражен. Каждый раз я удивлялся, поражался, то есть, мой мир духовный был в полном несоответствии тому, какое представление я имел о Церкви. И все, камень за камнем, песчинка за песчинкой представление мое ломалось и создавалось новое. Я убеждался, что это не фантастика, это правда.

Когда все это произошло, и я стал работать при Храме постоянно, тут же появились знакомства, возникла дружба. Когда я вошел в приход, там были и окружали меня такие удивительные личности, что это просто бисер какой-то, удивительно ценный бисер человеческой души. Это отец Анатолий, когда он не был еще отцом Анатолием, отец Илья, отец Андрей Канев, отец Владимир Зайцев, отец Евгений, киоскеры матушка Нина, матушка Тамара, матушка Галина, матушка Матрона, матушка Ольга с клироса, Олег Евгеньевич, дьякон отец Александр — не хватит никакой бумаги, чтобы всех перечислить. Это такие разные личности и такие удивительные — не описать. Все это вокруг меня было, как плодородная почва. Меня удобряли со всех сторон, столько любви в меня влили. Исстрадавшаяся моя душа совсем не ожидала такого. Конечно, все это дало свои результаты.

Но не обходилось без искушений. Я уходил из Храма, месяца на полтора становился директором деревообрабатывающего цеха. Когда я вернулся, отец Димитрий очень удивился, что я пришел так поздно. Он говорил: «Почему ты так долго шел, я давно ждал тебя». Он совершенно четко почувствовал, что не может человек с такими изменениями в духовном мире остаться вне церкви. Не может просто. Настолько чуткое сердце у настоятеля. При том, что бывал он в храме только ночью, когда солнце спускалось. То есть, мы сталкивались, когда друг друга можно было увидеть только при искусственном освещении. Даже цвета на икону не подбирают при искусственном освещении!

А мы с ним виделись только так, и он при таком освещении видел мою душу! То есть не глазами это видится, а Божиим Промыслом дается такое знание.

Прошло совсем немного времени, и отец настоятель предложил мне готовиться к принятию священного сана. Я опять был поражен: «Я? Да нет, Вы что, разве мне можно?» Он говорит: «А кто у тебя духовник?» — «Отец Евгений». Ну и все, отец Димитрий заулыбался сразу. Все стало понятно.

Поехал на ставленнические экзамены. Сдал на тройку еле-еле отцу Аркадию. Он меня воспитательно опустил на землю. Все мои лицемерно-ложные знания вывернул наизнанку моими незнаниями, обнаружил мои незнания и сказал, что так дело не пойдет, надо учиться. То есть, мне было понятно, что все это сплошной аванс. Никаких достижений у меня нет ни в знаниях, ни в духовной сфере — ни в чем. Сплошной аванс. И вот, рукоположили в пресвитеры. Очень благодарен я Владыке Викентию, его наставительное слово ко мне до сих пор в сердце. И я думаю, что его молитвами многое свершилось в моей судьбе и продолжает свершаться. Архипастырь у нас конечно — это просто Ангел! Дай Бог, что бы он подольше был у нас, в управлении нашей епархией, здоровья ему!

— **Батюшка, насколько я понимаю, Вы настоятель двух храмов Первоуральска: Свято-Николаевского прихода и архиерейского подворья во имя Иверской иконы Божией Матери. Все ли правильно?**

— Четыре храма на данную минуту. Два названы верно.

Кроме того, есть еще молельная комната — храм в честь святого праведного Иоанна Кронштадтского в интернате для социально неадаптированных личностей. Там у нас есть постоянные прихожане, которые регулярно бывают в храме, молятся, причащаются, собираются.

Храм в честь благоверного великого князя Александра Невского открыт при воинской части МЧС. В прошлом году, на Светлой седмице, храм освятил Владыка Викентий.

— **А как относятся военнослужащие к наличию в воинской части храма и священника?**

— Да не было солдата, который бы сказал, что не хочет со мной поговорить! Хотя, если

приглашать на беседу способом: «Кто ко мне — выйти из строя!» — никто не выйдет. А вот когда «проблемных», в чем-то провинившихся солдат приводят в храм для разговора со священником, то оказывается, что у всех есть о чем с батюшкой поговорить. Бывает это так. Нарушителей дисциплины строят и приводят в церковь. А здесь уже я им говорю: «До порога храма вас могут привести. На территорию храма вы можете зайти, только если сами этого хотите». И все готовы со мной беседовать. Все заходят. Все разговаривают. Священник им нужен. Поэтому, как бы ни был занят, раз в две недели я к ним прихожу, чтобы на эти души успеть капнуть хоть какой-то пользой.

— Батюшка, Вы в свое время окончили военное училище, служили в армии, сейчас окормляете воинский храм. Интересна Ваша оценка состояния дел в армии, морального духа.

— Что говорить? Нужно просто вспомнить, что армия — это зеркало общества. Чтобы понять армию, нужно знать общество. В армии все то же самое, только острее, резче. В каком-то гротескном варианте все проблемы общества там есть. Там те же самые люди. Поэтому я бы не стал выделять армию среди других институтов государства.

Поскольку меня Господь когда-то привел к армейской службе, мне не сложно общаться с военными. Просто я знаю, о чем говорить. Я знаю, чем дышит армия, знаю, какие там принципы, какие слабые места. Это помогает, очень сильно помогает.

Дай Бог, чтобы в армии укреплялся институт духовенства. Связь между армией и Богом, Церковью — это очень важно. Потребность вполне конкретная — зовут, ищут контакта. Как только понимают пользу, как только видят результат — не отвяжешься, не дадут прохода.

Священники в армии очень востребованы, только их — армейских батюшек — катастрофически не хватает. Учиться приходится прямо на ходу.

— Наверное, своя специфика существует не только в армейских, но и в больничных приходах? Вы ведь и о больничных храмах знаете не понаслышке.

— Среди прихожан там очень много людей, страдающих физически, которые не умеют пра-

вильно относиться к своей болезни. В основном, эта проблема серьезно стоит. Люди приходят за панацеей к иконам, к Богу, к Таинствам. Точнее, как за панацеей. Как не боялись евангельские слепые у Христа просить исцеления, так не боятся просить сейчас. И Он дает, дает в надежде, что человек, излечившись от слепоты, прозреет духовно. Что он увидит Бога за этим чудом — как Объект, свершивший это чудо, как главную причину всех исцелений. Даже тогда, когда нет исцеления, человек прикасается к святыне и чувствует Бога. Как происходит это движение — нам неизвестно. Ни пастырям, ни пасомым. Это только на уровне личного восприятия можно ощутить прикосновение к Богу.

— Много пациентов приходит в больничные храмы?

— Не так много. Сейчас такое время, что в больницах держат только тех, кто не может ходить. Стал ходить — все, до свидания. Поэтому немного, раньше больше было. Но все-таки это важно. Ради двух спасаемых можно что-то делать, ради одного. А тут не одна, не две овцы, а вон сколько народу. И все ищут, все страдают, каждый по-своему; у кого тело болит, у кого душа, и они все идут к Богу. Конечно, в больницах нужны храмы.

— Знаю, что Вы планируете строительство новых церковных зданий, потому что сейчас храмы располагаются в приспособ-

Виндсерфинг на закате дня

бленных помещениях. В каком состоянии на сегодняшний день находятся проекты строительства?

— Возникла проблема с землеотводом для одного из храмов. Оказалось, на запланированном ранее месте срочно нужно строить диализный центр. Очень мягко мне предложили подумать о замене места. Конечно, это произвело взрыв и в моей душе, и в приходской среде, потому что в будущее строительство уже было вложено много средств, которые вовсе не были для нас лишними. Но после встречи с Владыкой все встало на свои места. Владыка у нас миротворец в полном смысле этого слова. Он очень хорошо и правильно расставил все акценты в наших пониманиях.

И мы, спокойно отказавшись от этой земли, выбрали другое место с улучшением всех свойств этого участка. Конечно, мы проиграли во времени, мы проиграли в деньгах, но главное — мы не вступили в конфликт. Мы отдали то, чего от нас хотели, и получили больше, чем рассчитывали.

Очень я благодарен Владыке за то, что он вовремя помог разобраться в этом деле. И прихожане, услышав слово Владыки, здраво оценили ситуацию. Хотя, конечно, не без сожаления, горечь все равно есть. Мы не совершенны в понимании слов Владыки, из-за этого, наверное, и горечь.

А для другого храма полностью создан проект в части архитектуры стен. Там еще нужны разделы проектов — электрика, сантехника и так далее.

— **Батюшка, известно, что в Ваших приходах ведется очень разнообразная и даже не очень привычная приходская жизнь. Расскажите об этом, пожалуйста.**

— Эта жизнь будоражит всех окружающих и меня тоже. Невозможно успокоиться. Увлекаемость моей натуры — это не очень хорошо, наверное. Ко мне притягиваются такие же люди — люди, способные на безумные поступки. Встать на виндсерфинг и поплыть по какому-нибудь озеру под парусом или отправиться куда-нибудь в путешествие — это все авантюризм, в конечном итоге.

И кому интересно, тот приплюсовывается к этому. Все получается настолько, насколько позволяет Господь. Позволил мне Господь лошадей держать — несколько лет у меня были лошади. Сейчас пришло время, когда нужда в этих лошадях просто пропала. Душа уже не горит этим. Я чувствую удивительно хорошее отношение к лошадям, я их люблю, тоска бывает какая-то по ним.

Но я понимаю, что все это греховная отслойка и стараюсь с этим бороться. Ведь привязанность даже к родителям может быть греховной, если у тебя Бога в сердце нет.

Проповедь в храме

— То есть, лошадьми Вы уже не занимаетесь?

— Я всегда оставляю шанс вернуться. Если Богу будет угодно, запросто заведу хоть табун. А если Богу не угодно, сам лично стремиться к этому не буду. Моя жизнь наполнена не совсем обычными занятиями: то на стрельбище детей уведу с казаками, то на природу поедем на несколько дней с палатками в дождь, то под парусами ходим.

Хотя это, возможно, не верх совершенства, когда священник занимается не свойственными ему делами. Конечно, можно это назвать общим словом «миссионерство», но плоды получаются в результате очень маленькие.

Просто сравниваю, что такое хорошая проповедь и что такое покататься на виндсерфинге или на лошадях. Ну, не принесли лошади таких плодов, которых я ожидал. Не принесли. Не куча людей пришла к Богу через эту затею.

Оправдаюсь ли я перед Богом лошадьми или виндсерфингом? Серьезно говорю — не знаю. Чем-то другим — может быть, а этим — вряд ли. Для меня лично это интересно. Но проблема в том, что я вижу нерезультативность этих затей.

— А летний палаточный лагерь? Расскажите об этой традиции подробнее.

— Летний палаточный лагерь бывает у нас каждый год. Участвуют молодежь, дети. Взрослые редко. Мы выходим на природу с палатками. Оборудуем лагерь. Натягиваем подобие сетки волейбольной. Плаваем, стреляем из пневматической винтовки, играем в волейбол, молимся, готовим еду. Все это действительно здорово. Детям интересно всем этим заниматься. И полезно.

Например, все по-разному реагируют на вечернее молитвенное правило. Читаем мы вместе, каждый по одной, по две молитвы. Передаем из рук в руки молитвослов. Кто-то на церковнославянском уже может прочесть, кто-то еще пока русскими буквами читает. Но главное — каждый получает опыт совместной молитвы. Православная среда такого лагеря очень интересно влияет на детей.

— Это приходские детки?

— Не обязательно. Бывало, кто-то из близких наших ребят вдруг приезжал — двоюродный брат, троюродная сестра; кто-то брал в лагерь своих друзей и подруг. Без проблем.

Все спокойно смотрели на эти вещи, учились чему-то. Я считаю, что это самый лучший способ обмена опытом. Не в храмовой обстановке, а где-то на природе.

— Батюшка, а Вы говорили, что еще на стрельбы ходите.

— Да, стреляем, в карьер ходим постоянно. Стреляем из карабина, из винтовки, из берданки. Это и патриотическое воспитание, и интерес. Детишки живо интересуются всем этим. И хорошо, когда такие занятия проводит священник (а если бы такое увлекательное дело предложил детям какой-нибудь сектант, это было бы, сами понимаете, совсем не хорошо).

Причем, я о Боге ничего не говорю, но мы обязательно перед стрельбами молимся. А дети смотрят, открыв рты. Невоцерковленные детишки, где они увидят молитву? Да нигде — папа не молится, мама не молится. А казаки все крестятся, казаки все молятся. Поэтому, если среди 18 человек пришло пять неверующих, они все равно после нашего общения в душе запятую поставят. Я же сам через это прошел.

Для меня очень важно, чтобы кто-то увидел искренность и начал бы приглядываться: а ведь правда, мне здесь не врут. Я так же шел к Богу, я приглядывался к людям церковным, верующим: а не врут ли они все, крестясь, не лукавят ли они там, улыбаясь, прощая какие-то обиды? Это очень важный момент.

— В приходе много интересного делается для детей. А для взрослых?

— Для взрослых у нас есть Общество трезвения. Многие приняли обеты трезвения на всю жизнь, многие принимают их на период поста. Очень полезно, оказывается. Зачастую прихожане не вполне серьезно относятся к тому, что в пост нельзя пить. Особенно, если на середину поста приходится какой-нибудь праздник. Поэтому, если человек принимает обет трезвения — это неплохо. Я не оголтелый трезвенник. Но считаю, что пользы от обета трезвения больше, чем от простого лояльного отношения к вопросу пьянства. Поэтому, на мой взгляд, должно быть Общество трезвения при каждом храме. Есть люди, которые нуждаются в этом, очень нуждаются. Единственная сложность — приходится очень строго смотреть за тем, чтобы увлечение трезвостью не перевалило достойную планку.

Оказывается, можно запросто перегнуть в вопросе трезвения. Если ты принял обет трезвения и не пьешь — это твое личное дело. Но это можно очень долго смаковать. Можно очень этим увлечься. И это станет важнее, чем спасение собственной души. Понимаете, что может быть? И это касается не только обета трезвения. Можно увлечься чем угодно, увлечься так, что перестанет интересовать главный вопрос — спасение.

— Наша беседа будет неполной, если мы не поговорим о Вашей семье. Ваш сын уже окончил школу и, похоже, пошел по Вашим стопам.

— Да, он выбрал военное образование, но в милицмейской среде. Военный институт МВД — как бы собственные военные в милиции. Такое обучение дает возможность службы и в милицмейской сфере, и в армейской — например, можно стать военным юристом. Сын сам решил свою судьбу, он сам топчет свою тропинку, мы только будем молиться за него.

— Батюшка, мы знаем, что Ваша супруга, матушка Вероника, очень сильно болеет. Мы просим читателей «ПВ» помолиться за здоровье рабы Божией Вероники.

— Не за здоровье. Надо помолиться, чтобы матушке хватило веры принять то здоровье, которое у нее есть. Больше будет пользы, мне так кажется. Господь не зря дает нам испытания, что бы это ни было — потеря работы, смерть ребенка или болезнь. Ох, не зря! Грамотный, Опытный, истинно Любящий нас Врач дает нам такие испытания. Поэтому не «за здоровье», все-таки. Конечно, я не против молитв о здравии. Но думаю, что правильнее помолиться о том, чтобы Господь дал терпения и веры матушке Веронике. Чтобы она держалась пламенного направления ко спасению своей души. И тогда болезнь будет для нее не тягостной, а желанной, потому что она поймет, что это Господь дал. Это та дорога, по которой надо идти и которую не надо бросать. Не надо стенать, что она не твоя, что она не нужна! Нужна — именно в этом виде, именно в таком качестве. Вот этого бы хотелось.

— Спаси Вас Господи, отец Василий! Божией помощи Вам и всей Вашей семье!

Беседовал Олег Васюнин

О РОЖДЕСТВЕНСКОМ ПОСТЕ

28 ноября — 6 января —
Рождественский пост

**Митрополит
Антоний Сурожский**

В эти дни поста, которые приведут нас к торжеству Воплощения Господня, Церковь, словами Самого Христа, сурово и ясно нас предостерегает. В сегодняшней притче о безумном богаче Христос говорит о переполненных амбарах материальных благ; но мы все богаты очень по-разному, и не обязательно в первую очередь материально. Как мы твердо полагаемся на взаимоотношения наши с Богом, какую надежную опору находим в евангельских словах, словах Самого Христа, учении апостолов, нашей Православной вере! И чем дольше мы живем, тем больше накапливаем мыслей, знания, и сами сердца наши становятся богаче и богаче чувствами в ответ на красоту Божиего слова. Но спасает нас не это; спасает нас сила Божия, благодать Божия, которая постепенно учит нас и может очистить и преобразить нас. Но хотя Бог подает нам Свою благодать неограниченно, мы-то оказываемся способны принять дары Божии лишь в очень малой мере. Мы почти неспособны распахнуть ей свое сердце; решимость изменяет нам; у нас не хватает смелости идти тем же путем, который мы сами избрали, потому что он так прекрасен и животворен.

Апостол Павел дает нам образ: мы подобны чахнувшим веточкам, привитым, рана к ране, на животворящее дерево, которое есть Христос. Да, мы привиты, — но сколько живоносных соков сможет проникнуть в сосуды веточки? Сколько жизни будет дано и принято? Это зависит от того, насколько раскрыты сосуды веточки и сколько соков сможет течь в них свободно, — это зависит от нас.

Сейчас наступает время поста и собранности, которое приведет нас и поставит лицом к лицу перед Богом, пришедшим и плоти, чтобы спасти нас. Но Его приход — также и суд, потому что нельзя встретить Бога и не оказаться перед судом. И вот, найдется ли в нас что-либо общее, роднящее нас с Сыном Божиим, Который по жертвенной, распинающейся любви отдает Себя в наши руки? Или придется нам встать перед Ним и сказать: я получил все Твои дары, но не принес плода, — как человек из притчи, который получил талант и схоронил, закопав в землю? Будем ли мы, как приглашенные на брачный пир царского сына, которые отказались прийти: один — потому что купил поле; он хотел стать землевладельцем, но земля поработила его; или другой, у которого было дело на земле, и ему некогда было отвлекаться от своих занятий ради Бога, ради того, чтобы побыть с Ним. Или как тот, который нашел себе жену по сердцу, и в его сердце не осталось места, чтобы разделить радость царственного жениха?

Притча эта будет читаться в конце рождественского поста, перед самым приходом Спасителя, и как мы к ней подготовимся? Будем коптить дальше и дальше, не принося плода?

Пост не означает, что нужно еще настойчивее, чем обычно, попрошайничать у Бога; пост не означает, что нужно приходиться к Причастию чаще обычного. Пост это время, когда мы должны встать перед лицом суда Божиего, вслушаться в голос своей совести — и воздержаться от Причастия, если мы не можем приобщиться достойно. А приобщиться достойно означает, что перед каждым Причащением мы должны примириться с теми, с кем мы в раздоре; мы должны остановиться на помышлениях нашего ума и сердца, обличающих нас в измене Богу и неверности людям — и сделать что-то в этом направлении; мы должны примириться с Богом Живым, чтобы не оказалось, что Он умирал за нас напрасно. Поэтому задача наша сейчас состоит в том, чтобы глубоко задуматься о себе самих, подвергнуть себя беспощадному, строгому суду и подойти к Приобщению через исповедь, через покаяние, через тщательное испытание собственной жизни, так, чтобы не оказаться осужденными, приступив небрежно к Святой Трапезе.

А это предполагает несколько простых, но необходимых вещей: нельзя приступать к Причастию, опоздав к началу литургии; нельзя приступать к Причастию, не подготовив себя, в течение всей предшествующей недели, молитвой, испытанием совести, Правилем перед Причащением. Если Правило слишком длинно, чтобы прочитать его в субботу вечером после всенощной, молитвы его можно распределить на всю неделю, присоединяя их к правилу вечерних и утренних молитв. Во всяком случае дисциплина, которая требуется от нас всегда, должна соблюдаться в эти дни еще неукоснительнее. И Православная Церковь учит, что желающие приступать к Причастию должны присутствовать на всенощной в субботу вечером, так, чтобы подготовиться к встрече с Господом в день Его Воскресения. Это все — не просто формальные дисциплинарные «правила»; это призывы, которые ведут

нас за руку в глубины духовной жизни, к более достойной — или, хотя бы, менее недостойной встрече Господа.

Вступим поэтому сейчас в Рождественский пост и приготовим себя строгой дисциплиной ума, внимательно испытывая движения сердца: как мы относимся к другим, к себе и к Богу, как мы учимся у Церкви молитве, поклонению и послушанию Божиим заповедям? И отнесемся также более внимательно, чем мы это делаем обычно, к соблюдению физических правил поста. Они рассчитаны на то, чтобы помочь нам отряхнуть расслабленность и потворство своим слабостям, пробудить в нас чуткость и бодрость, не дать нам закоснеть в нашей приземленности, которая мешает нам воспарить к Богу.

Соблюдайте эти правила, готовьтесь внимательно через весь Рождественский пост, ожидая пришествия Господня, но не пассивно, а в том состоянии собранного бодрствования, с которым часовой на страже ожидает прибытия своего Царя. Будем помнить, что находиться в присутствии Божиим — величайшая честь, самое святое, что с нами может случиться; это не «право» наше, а величайшая честь, которую Бог нам оказывает, и будем держать себя соответственно. Аминь!

Обновленный мемориал «Воинам и труженикам» открыт в Екатеринбурге, в поселке завода Компрессорный. Памятный комплекс возведен в честь воинов Великой Отечественной и тех, кто ковал Великую Победу в тылу. Он посвящен и ветеранам локальных войн. Чин освящения памятного комплекса совершил священник Анатолий Куликов.

Памятная плита Богоявленского кафедрального собора, найденная во время раскопок в июле 2008 года, установлена рядом с храмом Святителя Иннокентия Московского.

Архиепископ Екатеринбургский и Верхотурский Викентий осуществил закладку храма в честь Иконы Пресвятой Богородицы «Умягчение Злых Сердец» в Старопышминске.

Исполнилось 50 лет со дня священнической хиротонии одного из старейших клириков Екатеринбургской епархии митрофорного протоиерея Иоанна Осиповича. Многая и благая лета Вам, батюшка Иоанн!

«Праздник урожая» в селе Курганово подготовила и провела православная община во имя Святого Николая Чудотворца.

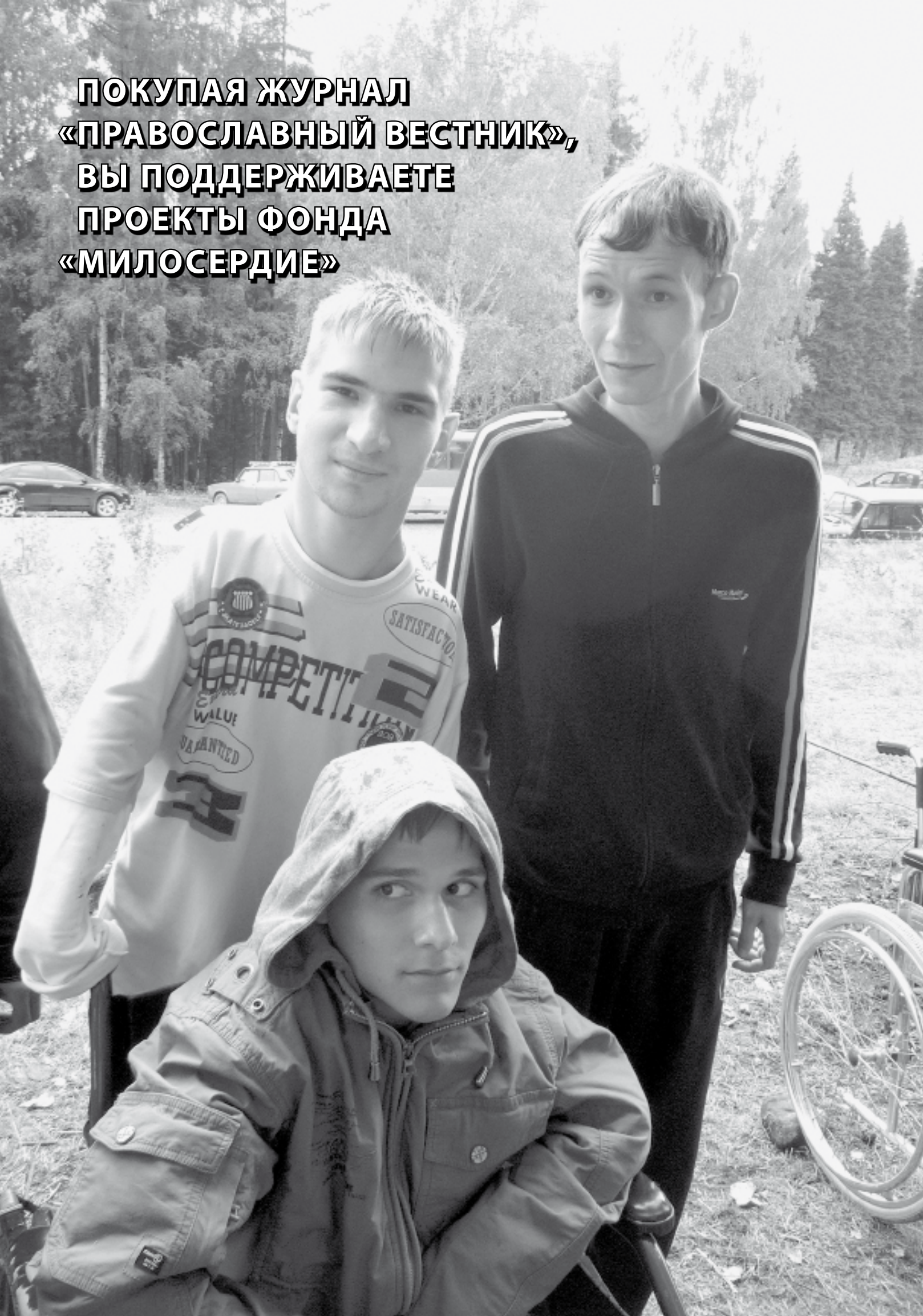
Иконостасы, изготовленные мастерами Сысертского фарфорового завода, установлены в храмах в честь Рождества Пресвятой Богородицы и во имя праведных Богоотец Иоакима и Анны русского Свято-Пантелеимоновского монастыря на Афоне.

Журнал «Православный вестник» объявляет редакционную подписку

Стоимость журнала 80 рублей плюс стоимость пересылки наложенным платежом. Подписаться на журнал можно позвонив по телефону (343) 254-65-51 или отправив заявку на электронный адрес: soee@mail.ru, soee@yandex.ru

**ПОКУПАЯ ЖУРНАЛ
«ПРАВОСЛАВНЫЙ ВЕСТНИК»,
ВЫ ПОДДЕРЖИВАЕТЕ
ПРОЕКТЫ ФОНДА
«МИЛОСЕРДИЕ»**

Без определенного места
жительства.
Без дома.
Без работы.
Без семьи.

Рубрика
«Милосердие».
Стр. 6

Дорогие читатели! Просим вас благоговейно относиться к журналу, помнить, что печатный текст с цитатами из Священного Писания, именами Святых, молитвами, изображениями икон не допускают обиходного употребления. Если журнал стал вам не нужен, отдайте его другим или принесите в храм. Если же он пришел в негодность, то предайте его огню.